По Превосходительству
Александру Григорьевичу Небольсину
въ знакъ глубокаго уваженія
отъ автора.

580
Из

СТАРЫЙ ЗЕМСКІЙ ОБЫЧАЙ.

Ф. И. ЛЕОНТОВИЧА,

Заслуженнаго Профессора Императ. Новоросс. университета.

Проверено 1938 г.

ОДЕССА.
Типографія А. Шульце, Ланжероновская улица, домъ Карузо, № 36.
1889.

Изъ IV-го тома «Трудовъ VI-го Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Понятіе обычнаго права 1

«Правда» и «право»; различныя значенія и генезисъ понятій правды и права 1

I. Происхожденіе правовыхъ обычаевъ:

Значеніе «обычая» и «нрава», «норова» 16

Воззрѣнія ученыхъ о первоисточникахъ права 17

Значеніе «привычки» въ дѣлѣ правообразованія 19

Первоистовники права:

Народный духъ и убѣжденіе 20

Автономія личности 20

Объективные факторы правообразованія 21

II. Дѣйствіе правовыхъ обычаевъ:

Значеніе «преданья», «пошлины», «старины» 25

Манипулятивныя формы права, правовой символизмъ 28

Правовые термины, данныя сравнит. филологіи 29

Правовыя формулы и пословицы; ихъ образцы 32

Вѣщбы, пѣсни, былины; миѳологич. данныя 37

Сборники обычаевъ, лѣтописи и пр. 39

III. Юридическое содержаніе и санкція правовыхъ обычаевъ:

Значеніе «закона», «покона», «устава», «урока» 40

«Уставная» дѣятельность князей и вѣчъ 50

IV. Рядъ:

Значеніе ряда въ первычныхъ обществахъ 50

Родовое патронатство (побратимство)—первычная форма ряда 51

Стран.

Общественный рядъ древнихъ (родовыхъ) союзовъ; монголь. «яса», кавказ. «маслагатъ» 54
Значеніе ряда въ исторіи права средневѣковыхъ европейскихъ народовъ; Ewa, Pactum, Willkuhren 55
Рядъ по древне-славянскимъ и русскимъ памятникамъ 57
Вліяніе общественнаго ряда на частно-правовые договоры . 58
Публичность рядовъ общественныхъ и частныхъ 59
Символизмъ рядовъ 60
Внѣшняя форма рядовъ; славян. «доски» и «книги» 61
Обязательность рядовъ и ихъ нарушеніе 62

V. Органы (вѣщатели и хранители) обычнаго права:

Вѣщатели права въ древнихъ обществахъ — жрецы и родовые вожди 63
Вѣщатели права въ средневѣковой Европѣ 65
Leges Barbarorum и Weissthümer; enquête par tourbes; homologation de coutumes 68
Вѣщатели права древнихъ литовцевъ 71

Вѣщатели права славянъ юго-западныхъ:

«Вѣщіе люди»; связь ихъ съ жреческимъ классомъ вѣщателей права 71
«Мужи», «добрые люди» и «паметари» — вѣщатели права славянъ 73
«Господа», «главари» — хранители права славянъ 75
Сборники обычнаго права славянъ — Виподольскій Законъ, Законъ Веприцкой общины и пр. 76

Вѣщатели права древнихъ русскихъ земель

Условія, вызывавшія необходимость въ вѣщателяхъ права .. 78
Воззрѣнія ученыхъ о значеніи «мужей» по древнему русскому праву 79

Анализъ названій «мужей» по древне-русскимъ памятникамъ:

Мужи 82
Знахори 86
Видоки и свидѣтели 86
Послухи, послы, слы 89
Окольные и сторонніе люди, сосѣди 92
Свободные люди 94

Стран.

Люди добрые и лучшіе 94
Старцы и старожильцы 96
Народныя пословицы касательно мужей 100

Общественныя функціи мужей:

Вѣчники, думцы, судные мужи 102
Типы «мужей», участвовавшихъ въ процессѣ 104
Testes de visu и testes de auditu; связь ихъ съ «лицомъ» и «знаменіемъ» 104
Testimonium vicinorum (свидѣтельство общины) 105
Сосѣди и сторонніе люди — послухи по «лицованнымъ» и «заповѣданнымъ» дѣламъ 105
«Мужи» и «послухи» частныхъ сдѣлокъ 108
Свидѣтельство общины по «поклепнымъ» дѣламъ; обвинители и пособники—соприсяжники 116
«Чужіе люди» и «послухи» при гоненіи слѣда 128
«Мужи», «видоки» и «послухи» на сводѣ 131
Значеніе 12-ти мужей на сводѣ по долговымъ обязательствамъ 138
«Знахори» и «послухи» на поземельныхъ сводахъ (разводахъ, разъѣздахъ) 143
Сводъ (изводъ) по татебнымъ и инымъ лихимъ дѣламъ 143
Участіе общинныхъ органовъ въ земскомъ нарядѣ 144
Роль мужей и послуховъ по внутреннимъ дѣламъ отдѣльныхъ общинъ 144
Роль мужей и послуховъ въ нарядѣ князей, вѣчъ и ихъ органовъ; слѣды enquête par tourbes 145
Слѣды института вѣщателей права въ актахъ уставной дѣятельности князей и общинъ до-московской эпохи 146
Международные ряды 146
Ряды общинъ съ князьями и князей между собою 148
Русская Правда 149
Вѣчевые уставы, грамоты, записи и пр 153
Княжескія грамоты — уставныя, жалованныя и др. 154
Слѣды института вѣщателей права въ законодательныхъ памятникахъ XVI — XVIII вв. 155

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ:

Кормленіе съ правдою и безъ правды, съ судомъ боярскимъ и безъ него 156
Рядъ — уставъ 159
Значеніе послуховъ 160

Опечатки.

Старый земскій обычай [1]).

Θ. И. Леонтовича.

Обычное право можно назвать *бытовой* формой права. Оно образуется и дѣйствуетъ въ народной жизни независимо отъ закона, какъ внѣшнее выраженіе съ незапямятныхъ временъ живущихъ въ народной памяти правовыхъ воззрѣній и правилъ, однообразно соблюдаемыхъ и примѣняемыхъ въ жизни въ силу общаго убѣжденія въ ихъ необходимости и обязательности. Обычное право —первый по времени, а иногда очень долго и единственный источникъ права. Оно особенно присуще древнѣйшимъ стадіямъ народной жизни, когда еще не выработалось въ народѣ сознаніе о его національно-государственномъ единствѣ и народъ живетъ дробными автономными союзами (родами, общинами), каждый съ своей особой, мѣстной системой обычнаго права. На высшихъ ступеняхъ культуры, особенно въ пору образованія государственнаго быта, старый обычай, ограничивающійся исключительно мѣстными интересами, постепенно уступаетъ мѣсто другимъ, болѣе развитымъ формамъ права—ряду, закону и пр.

Какъ показываютъ всѣ историческія свидѣтельства, славяне изстари жили по обычаямъ предковъ и помимо обычнаго права долго не знали никакихъ другихъ формъ права. Идея права высказывалась у нихъ въ понятіи *правды*, какъ объективной нормы права. Тотъ же терминъ употреблялся въ старое время и въ другихъ значеніяхъ: права въ субъективномъ смыслѣ, справедливости или правомѣрности, суда и пр. [2]).

---

[1]) Цѣль настоящей замѣтки—намѣтить нѣкоторыя стороны вопроса объ обычномъ правѣ, не вполнѣ разъясненныя въ наукѣ, въ особенности раскрыть по возможности точно настоящій смыслъ и значеніе основныхъ понятій обычнаго права славянъ — правды, обычая, пошлины, закона и пр.

[2]) П. Мрочекъ-Дроздовскій, въ своихъ «Изслѣдованіяхъ о Русс. Правдѣ» (стр. 1—44), сдѣлалъ опытъ подробнаго анализа понятій «правды» по древнимъ памятникамъ русскаго права. Анализъ г. Мрочека оказывается, впрочемъ, не во всѣхъ частяхъ вѣрнымъ. Авторъ въ особенности невѣрно рѣшаетъ вопросъ о генезисѣ понятій «правды»—отъ общаго къ частному, а не наоборотъ, какъ-бы слѣдовало по существу дѣла. Авторъ ограничивается исключительно анализомъ избраннаго вопроса по памятникамъ русскаго права, не обращаетъ вниманія на данныя сравнительнаго языкознанія и исторіи права другихъ славянскихъ народовъ.

Въ значеніи *права въ объективномъ смыслѣ* (jus, droit, Recht,) «правда» извѣстна самымъ древнимъ памятникамъ права всѣхъ славянскихъ народовъ (см. Маціевскаго Hist. prawod. Stow I, 115; Пречка Sl. pr. I, 145; Даничича Rjegn. s. voce «правьда» и пр.) У нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ (Словинцевъ) еще въ XVI в мѣстное право называлось «stara pravda» (Преч. Sl. pr. I, 145). У насъ точно также изстари придавалось «правдѣ» значеніе объективной нормы права. Особенно рѣзко формируется это понятіе правды въ старыхъ «докончаньяхъ» русскихъ земель и князей съ нѣмецкими (ганзейскими) городами. По самому положенію дѣла, въ этихъ памятникахъ раньше другихъ долженъ былъ выясниться вопросъ о правѣ русскомъ и нѣмецкомъ съ точно опредѣленной формулировкой понятія права Въ древнѣйшемъ памятникѣ этого рода, докончаньи Новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г., вся совокупность правилъ, составляющихъ предметъ докончанья, носитъ общее названіе «правды» [1]). Въ Смоленскомъ договорѣ 1229 г. правдою называется не только вся сумма правовыхъ нормъ, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія между Смоленской землей и нѣмецкими городами, но и каждая изъ такихъ нормъ въ отдѣльности [2]). Тѣ же формулы правды воспроизводятся въ Смоленскомъ договорѣ 1230 г. [3]) и другихъ памятникахъ. Въ нѣмецкихъ спискахъ докончаній «правда» обыкновенно переводится словами: Rechtecheit, Recht (см. Андреевскаго Дог. Новг съ Нѣм., 19). Въ значеніи же объективной нормы права правда употребляется въ позднѣйшихъ памятникахъ, наприм. въ Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ. Правило Псковской судной грамоты о платѣ за татьбу мелкаго скота называется «старой правдой» (ст. 112). Князь и посадникъ, по Псковской судн. грамотѣ, должны судить «взираа въ правду», т. е. на основаніи мѣстнаго права, по Псковской пошлинѣ (обычаямъ) [4]). Выраженіе нашихъ судныхъ грамотъ: «судить въ правду» (напр. Новг. с. гр. 25, 27), означаетъ тоже самое, что въ старыхъ хорватскихъ и сербскихъ уставахъ. «се пита с правдом законом», — «да ище правдом по закону» (см. Пречка Slav. Recht, I, 41; мое

---

[1]) «Се язъ князь... послалъ есмь посла своего Григу на *сеи правдѣ*». Затѣмъ идетъ изложеніе отдѣльныхъ правилъ таковой правды. См. Буданова—Владим. Христом., изданіе 3-е, стр. 92

[2]) См. Будан. Христ I, 98 и слѣд «чтобы миръ между русскими и латинянами былъ твердъ, положили написать *правду* («ажбы налъзлъ правдоу то написати»), которой обязаны держаться русскіе относительно латинянъ, а латиняне относительно русскихъ». Изложеніе отдѣльныхъ правилъ этой правды имѣетъ общій титулъ: «Здѣ починаеться правда». Затѣмъ и каждое правило въ отдѣльности имѣло значеніе правды. Напримѣръ, ст. 34: «Всякому латинескому члвкоу свободѣнъ путе изъ Гочкого берега до Смольнеска безъ мыта. *Тая правда есть Роуси* изъ Смольнеска до Гоцкого берега».

[3]) Напр., «взяти ему та правда, которая то въ томъ городѣ». См. Рус. Достоп. II, 245.

[4]) «Приведенное выраженіе равнозначительно съ выраженіемъ: «а посадниху и тысяцкому судить *по русскому обычаю*». См. Карамз. Ист. V, прим. 106.

Древн. Хорв.—Далм. зак. 94). Въ такомъ же смыслѣ говорится въ докончаньяхъ в. князя Литовскаго Казиміра съ Новгородомъ и Псковомъ (1440 г.) о судѣ по «княжей правдѣ» или «Псковской правдѣ», т. е. на основаніи мѣстнаго права Литвы или Новгорода и Пскова (см. Ак. Зап. Рос. I, 38, 39). Вообще говоря, въ старое время, чуть ли не до временъ Уложенія царя Алексія Мих., мѣстныя системы права отдѣльныхъ русскихъ земель носили общее названіе правды—Новгородской, Псковской, Московской, Ростовской и пр. (см. Пол. соб. лѣт. IV, 29; VII, 134; А. А. Э. I, 40; А. З. Р. I, 38 и др.) Старое воззрѣніе на правду въ смыслѣ объективнаго права доселѣ живетъ въ народной памяти, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ пословицъ, упоминающихся иногда еще въ старыхъ лѣтописяхъ: «и Мамай правды не съѣлъ»; «сильные пишутъ правду»; «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ« (см. П. С. Л. I, 66; Рус. Истор. Сбор. III, 39) и пр.

На понятіи правды, какъ права въ объективномъ смыслѣ, основанъ цѣлый рядъ техническихъ выраженій, встрѣчающихся въ древнихъ нашихъ памятникахъ: а) «правду налѣзть», т. е. опредѣлить юридическое правило, законъ, а также возстановить нарушенное правило, обычай; б) «взять правду»—поступать по праву или обычаю; в) «дозрѣть правды», «порозумѣть правды»—разсмотрѣть, на чьей сторонѣ право, въ чью пользу говоритъ обычай; г) «правда дать» «правду уставить»—издать законъ, уставъ (Будан. Христ. I, 98; Ипат. лѣт 466; П. С Л, IV, 176; V, 134; А. Э. Э. I, 138; А. З. Р. I, 8; А. И. I, 23; Соб. гос гр. I. 28) и т. п.

Понятіе, противоположное правдѣ въ объективномъ смыслѣ, выражалось словами: *неправда*, *кривда* (кривина по южно-слав. памят.). Поступать «безъ правды» или «чинить кривду»—значило нарушать обычай, было равнозначительно съ выраженіемъ: «учинить черезъ пошлину» (Никон. л. III, 159; IV, 143; Собр. г. гр. II, 9, II). Нарушать правду — обычай значило «изневолить» землю (напр. П. С. Л. I, 220), произвести насилие, «мятежъ житія сего», какъ выражается епископъ Владим. Серапіонъ, рисуя въ своемъ словѣ безотрадную картину «неправды и насилій» въ Русской землѣ XIII в. (см. Прав. Соб. 1858, іюль, 486 и слѣд.) [1]). Воззрѣніе на кривду и силу, какъ понятія, несовмѣстимыя съ правдой, доселѣ живетъ въ народныхъ пословицахъ: не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ; гдѣ сила владѣетъ, тутъ законъ уступаетъ; jače pravo nego mač;

---

[1]) См. также Прав. Соб. 1858, авг.—слово XIII в. о судѣ надъ мірской неправдой, одолѣвшей міръ. Сюда же относится народный стихъ: «плачь земли», съ тѣмъ же мотивомъ — жалобой творцу на мірскую неправду, — въ Чтен. въ обществ. истор. и древ. 1848, № 9.

kde sila vévod, ku právuí se nechodì; krv (убійство) uèim, a ne postavi zla zakona и пр. [1]).

Правдой назывались въ старое время не только объективныя нормы права, но и самые *акты* и *сборники законовъ и обычаевъ*. Сообщая извѣстіе о смерти Ярослава Влад., лѣтописецъ прибавляетъ: «иже правду устави судебникъ» (П. С. Л. IV,;176). По Софійской лѣтописи, Ярославъ «давъ имъ (Новгородцамъ) правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите» (ib. V, 134). Здѣсь рѣчь идетъ о древнѣйшемъ памятникѣ русскаго права, носящемъ названіе Рус. Правды [2]). Вышеуказано, что докончанье Новгорода съ нѣмцами 1195 г., по своему содержанію, носитъ названіе правды. Такое же названіе дается докончанью съ нѣмцами 1257 г.: «а се стара наша правда и грамота, на чемъ цѣловали отци ваши, и вашъ крестъ» (Рус. Лив. А. 9.) Названіе правдой разныхъ грамотъ (судныхъ и уставныхъ въ особенности) встрѣчается еще въ памятникахъ XV в. [3])

Въ древнихъ памятникахъ права юго-западныхъ славянъ объективныя нормы права называются, кромѣ правды, также *право*, *правь*, *правина* [4]). Въ томъ же значеніи право упоминается въ нашей начальной лѣтописи («поищемъ собѣ князя, ижебы.. судилъ по праву», — П. С. Л. I, 8) и затѣмъ въ старыхъ западно-русскихъ памятникахъ [5]). Въ восточно-русскихъ уставахъ и

---

[1]) Пословицы противоположнаго характера (сильные пишутъ правду, и пр.) относятся къ болѣе позднимъ эпохамъ паденія земскихъ пошлинъ и зарожденія господства закона, когда появилась и такая пословица: идѣже законъ, ту и обидъ много (упоминается въ старыхъ лѣтописяхъ,—П. С. Л. I, 57).

[2]) Титулъ второй половины краткой Правды гласитъ: «Правда оуставлена Роуськои земли».

[3]) Въ посланіи митроп. Фотія Псковичамъ 1416 г., между прочимъ, говорится: «учинили есте (Псковичи и кн. Дмитр. Александр.) цѣлованіе и *правду дали* межь себя... учинили присягу и дали *уставленную грамоту*». Грамота замѣняетъ правду первой цитаты. См. А. И. I, 23.

[4]) См. Мацѣіевскаго Hist. pr. sl. I, 117, 127. О jus Slavicum см. Lisch Jahrb. XV, 74, 234. »Правь» и «правина» встрѣчаются по преимуществу въ старыхъ сербо-хорватскихъ памятникахъ. «Ми кнезь Дубровачки хотѣе по нашиехь првѣхь почтеномь обичаю свакому нашу *правь* показати» (Mikl. Mon. 497; ср. 491 и др.) «И како е ваша *правина*, уговористе, да путника прѣдаде Трьстеничане на станьцѣ» (ib. 7). «Що ми есть записаль прадѣдь и дѣдь и родитель царьства ми господинь свето почивши царь о законѣхь и о всакоякихь *правинахъ* (ib. 161).

[5]) Въ договорахъ Полоцка съ Ригой находимъ терминъ «право» въ прямомъ значеніи jus: «ино его тамъ судятъ по своему праву; Полочанинъ судится по своему праву; учинить тыи колоколы по старому праву» и пр. (см. Рус. Лив. Ак. 119, 120, 129; Ак. А. Э. I, 16). Въ русскихъ спискахъ Вислицкаго статута и другихъ польскихъ уставовъ, дѣй-

грамотахъ «право» встрѣчается лишь въ общемъ значеніи «правдиво, справедливо» («судить имъ право», — Пск. с. гр. ст. 4; Новг. с. гр. 4). Какъ общее, родовое понятіе законовъ и уставовъ, «право» входитъ у насъ въ употребленіе не раньше прошлаго вѣка.

«Правда» употребляется въ старыхъ нашихъ памятникахъ еще въ другихъ и притомъ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ:

права въ субъективномъ смыслѣ [1]),
правомѣрности или справедливости вообще [2]),
суда въ смыслѣ юрисдикціи, подсудности [3]),
суда въ смыслѣ судебнаго разбирательства, процесса [4]),
судебныхъ доказательствъ вообще [5]),
послушества [6]),
присяги, крестоцѣлованія [7]),
суда Божьяго—испытаній, ордалій [8]) и
оправданія по суду [9]).

ствовавшихъ въ сосѣднихъ съ Польшей русскихъ областяхъ, «право» употребляется въ смыслѣ суда («стать къ праву», «зазвать къ праву») и самые статуты называются «правыми книгами» (А. З. Р. I № 2, ст. 23, 27 и пр.; № 27, ст. 4).

[1]) «Аще ли искушенія сего не дасть створити, мѣстникъ да погубить правду свою» (Буд. I, 7, ст. 12; ср. Рус. Лив. А. 5). Въ южно-слав. актахъ употребляются въ томъ же смыслѣ «правда, правь, правина, достоѣние» (Mikl. Mon. 7, 29, 43; ср. Данич. Рјечн. S. V.), въ актахъ западныхъ славянъ—pravo, prawoty (Мацѣевъ. I, 116).

[2]) «Олегъ же надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ въ семъ» (Лавр. л. 229 д.; ср. Ипат. 354). Сюда относятся народныя пословицы, иногда весьма древнія: Московская правда (поговорка, вошедшая въ употребленіе съ времени образованія Москов. государства, въ ироническомъ смыслѣ неправомѣрности); безъ правды не житье, а вытье; правда безсудна; правда у Бога, кривда на землѣ и пр.

[3]) «И людемъ не доходити княжее правды» (П. С. Л. I, 93). Въ южно-слав. законникахъ и статутахъ юрисдикція опредѣляется въ см. «правды княжей, кметской или жупской (общинной), облубленной (суда третей) и пр. (см. мое соч. Др. Хорв. — Далм. зак. 21, 94).

[4]) «Ино господѣ обыскать правда «(вмѣсто» ино тотъ судъ судити»—Пск. с. гр. 18 и 61). Витебляне обязались въ 1300 г. Рижанамъ «обиды не створити... нашеи братьи правда дати» (Рус. Лив. А. 26).

[5]) «Ино ему правда дать на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ» (Пск. с. гр 46).

[6]) «На правду холону не вылазити» (Р. Пр. Кар. сп. 99). Въ значеніи же послушества «правда» извѣстна и южно-слав. памятникамъ: «упросивше правьда Дмитра· имашь ли сведоке» (Пуцич. Спом. 35).

[7]) «Ино ему правда дати на своей части; а цѣлованью быти одному» (Пск. с. гр. 106).

[8]) «Искавше ли послуха не налѣзутъ... тогда дати імъ правду желѣзо» (Р. Пр. Тр. сп. 17). «Правда Божья»—поле, судеб. поединокъ. См. Труды Мос. Общ. Ист. и др. Ш, 82).

[9]) «Ино приставомъ на се поставитъ люди. . а ты люди, ставъ на судѣ, рекутъ какъ право передъ Богомъ.., ино тымъ приставомъ правда дати, а тотъ человѣкъ въ татьбѣ» (Пск. с. гр. 57).

Въ связи съ «правдой» въ значеніи суда и различныхъ моментовъ судебной дѣятельности стоитъ ближе всего формула: «*правда дать*». Изслѣдователи обыкновенно понимаютъ эту формулу въ смыслѣ присяги, крестоцѣлованія; между тѣмъ, изъ памятниковъ видно, что упомянутая формула имѣла самый разнообразный смыслъ и значеніе. «Дать правду» значило: дать уставъ, грамоту (см. приведенное выше посланіе митроп. Фотія Псковичамъ 1416 г.—А. И. I, 23), дать судъ, вести судебное разбирательство, процессъ (см. выше), представить доказательства, цѣловать крестъ («правда дать, къ правдѣ вести, вѣрить») и наконецъ оправдать по суду. Послѣднія четыре формулы принадлежатъ, главнымъ образомъ, Псковской судной грамотѣ. Наиболѣе отчетливо констатируется въ ней тождество формулъ: «правда дать» и «цѣловать крестъ», только въ трехъ статьяхъ—51, 104 и 106.

Дѣло въ томъ, что почти во всѣхъ статьяхъ Псковской грамоты, въ которыхъ говорится о присягѣ, вопросъ о послѣдней непремѣнно ставится альтернативно. «хочетъ самъ цѣлуетъ, или ему (противнику) положитъ у креста» (предоставитъ ему оправдаться собственнымъ крестоцѣлованіемъ); иногда прибавляется: «или съ нимъ на поле лѣзетъ». Если цѣлованіе замѣняется формулой: правда дать, то указанная альтернатива выражается такъ: «государю правда дать, или изорнику *вѣрить*» (напр. ст. 51), или: «хочетъ на поле лѣзетъ, или своего истца къ *правдѣ ведетъ*» (ст. 13). И дѣйствительно, альтернативность въ указанномъ смыслѣ составляетъ существенный характеръ присяги по Псковской грамотѣ. Гдѣ нѣтъ такой альтернативности и употребляется одна формула: «правда дать», безъ точнаго указанія на нее (въ другомъ мѣстѣ одной и той-же статьи, напр. въ 104 и 106) въ смыслѣ присяги, тамъ тождество формулы: «правда дать» съ присягой подлежитъ большому сомнѣнію.

Вся бѣда въ томъ, что старые памятники далеко не отличаются строгой технической формулировкой нерѣдко самыхъ основныхъ понятій. Одинъ и тотъ-же терминъ зачастую употребляется въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ,—каждый разъ изслѣдователь долженъ строго вдумываться въ дѣло, внимательно изучать вопросъ со всѣхъ сторонъ, не только по внутреннему его содержанію, но и по самой формѣ его выраженія. Каждый разъ приходится съ трудомъ возстановлять точный смыслъ статей, сообразно съ употребленіемъ данныхъ выраженій въ другихъ аналогическихъ случаяхъ, также съ характеромъ и строемъ статей и т. п. Къ такимъ техническимъ терминамъ принадлежитъ и выраженіе Псковской судной грамоты: «правда дать». Кромѣ указанныхъ выше трехъ статей грамоты (51, 104 и 106), въ которыхъ этому термину дается значеніе «крестоцѣлованія», есть еще 8 статей, гдѣ то-же самое выраженіе употреблено въ трехъ различныхъ значеніяхъ: оправдать, представить доказательства и обратиться къ суду (подвергнуть дѣло судебному разбирательству). Въ виду того, что указанныя статьи не всегда вѣрно глоссируются изслѣдова-

телями (Энгельманомъ, отчасти Будановымъ и др.), необходимо разсмотрѣть эти статьи нѣсколько подробнѣе, съ цѣлью посильнаго разъясненія точнаго смысла занимающей насъ формулы: «правда дать».

Остановимся прежде всего на статьѣ 57, не представляющей большаго затрудненія при объясненіи встрѣчающейся въ ней формулы: «правда дать». Въ этой статьѣ рѣчь идетъ о приставахъ, которые не могли исполнить порученія судьи произвести на мѣстѣ «обыскъ» по татьбѣ, вслѣдствіе того, что они не были допущены къ обыску («согнаны со двора») тѣмъ, у кого предназначался послѣдній по распоряженію судьи. Въ подтвержденіе своего показанія о сопротивленіи, приставы должны представить свидѣтелей и, если послѣдніе покажутъ, что дѣйствительно «тотъ человѣкъ тѣхъ приставовъ со двора согналъ, а обыскивати имъ не даль», то «тымъ приставамъ *правда дать*, а тотъ человѣкъ въ татьбѣ» Если же показаніе приставовъ не оправдается послухами, «ино тыи пристави не въ пристави, а тоть татьбы своей не доискался, чіи таковыи приставы». Выраженіе: «правда дать» проф. Будановъ совершенно вѣрно глоссируетъ: «приставовъ *оправдать*» (Христ. I, 155, пр. 120). И это совершенно понятно: послушество въ данномъ случаѣ исключало всякую необходимость въ другихъ доказательствахъ,—присяга здѣсь была тѣмъ болѣе неумѣстной, что по Псковской пошлинѣ приставы имѣли такой-же присяжный характеръ, какъ и другіе органы стараго земскаго наряда.

Въ такомъ-же значеніи *оправданія* по суду употреблена формула: «правда дать» въ статьѣ 56 й. Статья эта гласитъ: если кто либо заявитъ на судѣ притязаніе на вещь, познанную у другаго лица и, по заявленію послѣдняго, купленную имъ на торгу (но у кого куплена вещь, не знаетъ), то тотъ, у кого познана вещь, долженъ сослаться на «добрыхъ людей». Если эти послѣдніе покажутъ, что спорная вещь дѣйствительно куплена предъ ними на торгу, то, по выраженію Псков. суд. грамоты, «тотъ правъ, оу кого имаются (свидѣтели), и цѣлованья ему нѣтъ; а не будетъ у кого свидѣтелей, ино ему *правда дати*, а той не доискался». Выраженіе: «правда дати» обыкновенно глоссируется изслѣдователями въ смыслѣ привести къ присягѣ (см. Будан. Христ. I, 154, пр. 118), т. е., иначе говоря, въ данномъ случаѣ, при неимѣніи въ наличности свидѣтелей, послушество *замѣняется* присягой, какъ самостоятельнымъ доказательствомъ.

Разсматриваемая статья стоитъ въ связи съ статьей 46 й, трактующей о томъ-же предметѣ, — а обѣ вмѣстѣ воспроизводятъ одно изъ старыхъ процессуальныхъ положеній, извѣстныхъ еще Рус. Правдѣ (см. Карамз. сп., ст. 33). Замѣтимъ прежде всего, что въ старое время въ процессѣ существовали строго опредѣленные типы судебныхъ доказательствъ, каждый, такъ сказать, съ своей особой компетенціей, допускавшей замѣну однихъ доказательствъ другими лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Поимка при «лицѣ», «знаменія» (синяки или

кровавые знаки при побояхъ и пр.), «заповѣдь» («закличъ на торгу» по дѣламъ о татьбѣ), имѣли по Рус. Правдѣ вполнѣ рѣшающее значеніе, не могли замѣняться ни послушествомъ, ни судомъ Божьимъ (ротой, желѣзомъ и другими испытаніями) Затѣмъ, по «тяжамъ» поклепнымъ (безъ «лица») послушество являлось основной формой судебныхъ доказательствъ, требовавшейся по всякимъ дѣламъ личнымъ и имущественнымъ. Замѣна послушества ротой (присягой) или испытаніями допускается Рус. Правдой собственно лишь, какъ исключеніе: по дѣламъ личнымъ и имущественнымъ, если они возникали по поклепу (соединявшемуся съ отвѣтственностью общины и съ платежомъ виръ и продажъ), по вещнымъ и долговымъ искамъ –только по менѣе важнымъ сдѣлкамъ (по займу, наприм., не свыше 3-хъ гривенъ кунъ), по личному найму, по гостьбѣ—куплѣ и поклажѣ (въ виду особаго характера этихъ сдѣлокъ, совершавшихся и безъ послуховъ), также по дѣламъ съ иноземцами. Какъ будетъ показано ниже, всякаго рода договорныя сдѣлки должны были, по стародавнему обычаю, совершаться публично, при участіи послуховъ, — отсюда послушество (рядство) являлось кореннымъ условіемъ юридической защиты всякихъ формъ имущественнаго оборота и договорныхъ отношеній. Напротивъ, рота и присяга, какъ самостоятельныя средства юридической защиты и охраны правъ, допускались лишь съ характеромъ чрезвычайныхъ мѣръ; къ нимъ можно было прибѣгать только въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣлявшихся обычаемъ. Рота и испытанія могли, при обыкновенномъ теченіи процесса, сопутствовать послушеству (напр. отъ послуховъ иногда требовалась присяга подтвердительная или очистительная), но не замѣнять его. Тѣ-же начала имѣли. силу и въ данномъ случаѣ, т. е. примѣнялись къ искамъ о вещахъ, пріобрѣтенныхъ на торгу и оказавшихся татебными. У кого были познаны такія вещи, тотъ долженъ былъ по Рус. Правдѣ указать на сводѣ, у кого куплены эти вещи; если-же отвѣтчикъ не зналъ продавца лично и не могъ привести его на сводъ, то онъ долженъ былъ сослаться на тѣхъ, при комъ совершена сдѣлка (на «свободныхъ мужей» или мытника): дѣло и рѣшалось окончательно по присяжнымъ показаніямъ «видоковъ» (Кар. сп. 33) Ни откуда не видно, чтобы Рус. Правда допускала роту или испытаніе, если не будетъ видоковъ: послушество въ данномъ случаѣ было такимъ-же необходимымъ и рѣшающимъ доказательствомъ, какъ и наприм. поймка убійцы или татя при «лицѣ» (на мѣстѣ преступленія),— ни лицо, ни послушество, не могли замѣняться никакими другими доказательствами. Ученіе Рус. Правды о составѣ судебныхъ доказательствъ и ихъ взаимномъ отношеніи основано на общихъ началахъ, дѣйствовавшихъ въ старое время въ правѣ всѣхъ славянъ. Начала нашей Правды о лицѣ, знаменіяхъ, заповѣди, поклепѣ, послушествѣ, ротѣ и испытаніяхъ цѣликомъ воспроизводятся въ древнемъ правѣ Чеховъ и другихъ юго-западныхъ славянъ (см. Иреч. Recht in Böhm. I, 55 и слѣд.; II, 120 и слѣд.; Macejow. Hist prawod. Slow.; см. мою статью —Рус. Прав. и Лит. статутъ).

То-же самое нужно сказать, какъ вообще о характерѣ и составѣ доказательствъ по Псков. суд. грамотѣ, такъ и въ частности о составѣ доказательствъ по дѣламъ о вещахъ, пріобрѣтенныхъ на торгу и оказавшихся татебными.

По Псковской судной грамотѣ, какъ и по Рус. Правдѣ, лицо, даже выимка «поличнаго» (по оговору татя,—см. ст. 60), имѣли на судѣ рѣшающее значеніе. Послушество точно также считалось ординарной «исправой», «правдой», по всѣмъ сколько нибудь важнымъ дѣламъ—личнымъ (разбою, обидамъ и пр.) и имущественнымъ (татьбѣ, договорамъ и т. п.) По вещнымъ и долговымъ искамъ конкуренція съ послушествомъ допускалась только для «записей», а не для роты или поля. Запись и послушество могли, при извѣстныхъ условіяхъ, дополняться ротой или полемъ [1]); но эти послѣднія не могли совершенно замѣнять собой послушества. Мало того: Псковская грамота не знаетъ дикой виры, изъ за которой собственно допускалась въ эпоху Рус. Правды замѣна послушества испытаніями или ротой (при неимѣніи послуховъ) по убійству и другимъ дѣламъ, влекшимъ за собой отвѣтственность общины. Съ отмѣной этого послѣдняго института разширилась и практика послушества, какъ исключительнаго судебнаго доказательства. Замѣна послушества допускается по Псковской грамотѣ лишь по такимъ дѣламъ, какъ купеческое дѣло (ст. 101), сблюденіе (поклажа, — ст. 17) и дѣла съ чужеземцами (ст. 105). Сюда же Псковская грамота относитъ поруку (101), мастерство (41, 102) и скруту (договоръ о приданомъ,—91) [2]). По этимъ договорамъ, какъ и по поклажѣ, не были обязательны ни послушество, ни записи,—въ случаѣ споровъ можно было слаться на «судъ Божій»—роту или поле [3]). Вотъ сравнительно небольшой кругъ дѣлъ, по которымъ не требовалось безусловно послушество и въ замѣнъ его допускалась присяга или поле. По всѣмъ прочимъ дѣламъ оба эти доказательства могли имѣть значеніе лишь дополнительнаго, а не самостоятельнаго средства судебной защиты. Въ Псковской грамотѣ, какъ и въ Рус. Правдѣ, не находимъ никакихъ ясныхъ и категорическихъ указаній, чтобы по сдѣлкамъ договорнымъ

---

[1]) Наприм., по поземельнымъ дѣламъ (при противорѣчивыхъ или по чему либо недостаточныхъ записяхъ), по долговымъ обязательствамъ, изорничеству, личнымъ обидамъ и проч

[2]) Въ Рус. Правдѣ о послѣднихъ трехъ договорахъ не упоминается; но ничто не мѣшаетъ допустить, что та «пошлина», которая записана въ Псковской грамотѣ въ статьяхъ объ этихъ договорахъ, могла дѣйствовать, какъ обычай, и раньше, въ эпоху Правды.

[3]) По дѣламъ о «женіномъ и мужнемъ платьи», оставшемся по смерти мужа или жены, родные умершаго не могли требовать присяги отъ оставшагося въ живыхъ супруга, но должны были довольствоваться тѣмъ, что онъ имъ отдастъ «право по души», т. е. по совѣсти, безъ присяги. См Иск. с. гр. 90.

(кромѣ дѣлъ, указанныхъ выше), при отсутствіи послуховъ, допускалась присяга или поле. Съ этой-то основной точки зрѣнія слѣдуетъ глоссировать и статьи Псковской судной грамоты о татебныхъ вещахъ, купленныхъ на торгу. Что касается относящейся сюда 46-й статьи, то она состоитъ изъ двухъ различныхъ частей: въ первой опредѣляется общее требованіе или положеніе о томъ, какъ должно быть разрѣшено дѣло; вторая же половина статьи («а не поставитъ его» и пр.) говоритъ о самомъ исполненіи таковаго требованія. Общее требованіе, констатируемое въ первой половинѣ 46 й статьи, сводится къ слѣдующей формулѣ: «тотъ, у кого познана вещь, купленная на торгу, долженъ поставить продавца (на сводъ), а если не знаетъ, у кого куплена вещь, то «ему *правда дать* (пока оставимъ безъ перевода) на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а съ татемъ не подѣлился». Затѣмъ слѣдуетъ вторая половина статьи—о самомъ выполненіи общаго правила, изложеннаго въ предыдущей формулѣ: «а не поставитъ его, а самъ не укралъ, ни пословицы не было—будетъ, но тотъ не доискался». Слова: «а самъ не укралъ, ни *пословицы* не было будетъ», категорически указываютъ на «видоковъ» [1]) Рус. Правды, къ которымъ отвѣтчикъ, не могущій поставить продавца спорной вещи на сводъ, долженъ былъ обращаться и которые подтверждали, что онъ »чисто будетъ (предъ ними) на торгу купилъ», «самъ не укралъ, ни пословицы не было». Полный текстъ второй половины 46-й статьи будетъ слѣдующій. «и если дѣйствительно окажется, что тотъ, у кого познана вещь, не поставитъ продавца этой вещи, а въ подтвержденіе своей правоты сошлется (какъ требовалъ обычай, записанный еще въ Рус. Правдѣ) на свидѣтелей, и эти послѣдніе покажутъ, что онъ при нихъ купилъ спорную вещь, самъ не укралъ, причемъ противъ отвѣтчика не будетъ заявлено «пословицы» (т. е. не будетъ высказано послухами чего либо направленнаго противъ чести и добраго имени отвѣтчика), то отвѣтчикъ считается «правымъ, а тотъ (истецъ) не доискался». Изъ сказаннаго видно съ полной очевидностію, что выраженіе первой половины 46-й ст.: «правда дать» слѣдуетъ глоссировать не въ смыслѣ привода къ присягѣ (такъ глоссируетъ Будановъ,—см. Христ. I, 151, пр. 107), а вообще въ смыслѣ *представленія доказательствъ*, ближайшее значеніе которыхъ (какъ выше показано, въ смыслѣ послушества) и констатируется во второй половинѣ статьи.

Таковъ же, въ существѣ дѣла, точный смыслъ и 56 статьи, также трактующей о татебныхъ вещахъ, купленныхъ на торгу. Въ первой половинѣ этой статьи опредѣляется болѣе точно положеніе разсмотрѣнной выше 46-й статьи: если будутъ представлены свидѣтели, которые подтвердятъ, что дѣйствительно

---

[1]) «Пословицу» можно было констатировать только путемъ послушества.

спорная вещь куплена предъ ними на торгу, то отвѣтчикъ «правъ, — цѣлованья ему нѣтъ». Затѣмъ слѣдующая половина статьи воспроизводитъ отрицательную постановку вопроса, когда не будетъ свидѣтелей, т. е. когда вещь не была пріобрѣтена публично, на торгу, предъ свидѣтелями, и потому (какъ того требовалъ старый обычай) владѣніе ею не пользовалось защитою на судѣ. Въ такомъ случаѣ Рус. Правда рѣшаетъ дѣло въ пользу истца и обвиняетъ отвѣтчика, не представившаго свидѣтелей [1]). Ни откуда не видно, чтобы вопросъ о послушествѣ иначе ставился въ Псковской грамотѣ, допускавшей въ данномъ случаѣ такое же рѣшеніе, какъ и въ Рус. Правдѣ: «ино ему (т. е. истцу, настоящему хозяину вещи) *правда дать*, а той не доискался», — иначе говоря, истецъ (хозяинъ вещи) *оправдывается* въ своемъ притязаніи на спорную вещь, отвѣтчикъ же, купившій татебную вещь и не представившій свидѣтелей сдѣлки, «не доискался» [2]) своихъ правъ на неправильно пріобрѣтенную имъ вещь.

Въ такомъ же смыслѣ «*оправданія* по суду» слѣдуетъ переводить выраженіе: «правда дать» въ 55-й статьѣ — объ искахъ по наслѣдственному или завѣщательному имуществу (отморшинѣ или приказному). Конструкція этой статьи вполнѣ аналогична съ 46-й статьей. Въ первой половинѣ формулируется общее требованіе, какъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ по Псковской пошлинѣ: въ случаѣ притязанія стороннихъ лицъ къ наслѣдственному имуществу, отъ наслѣдника требуется не приводъ къ присягѣ, а лишь одна ссылка на «сосѣдей или сторонних людей», которымъ «вѣдомо» дѣло. Затѣмъ во второй половинѣ статьи рѣчь идетъ примѣнительно къ данному случаю: если дѣйствительно будетъ сдѣлана наслѣдникомъ ссылка на послуховъ и послѣдніе подтвердятъ его показаніе («скажутъ, какъ право предъ Богомъ»), то «ему (наслѣднику) правда дать». т. е. онъ *оправдывается*, съ признаніемъ за нимъ права на спорное имущество, «какъ чисто отморшину». Чтобы получить возможность перевести выраженіе: «правда дать» въ излюбленномъ смыслѣ привода къ присягѣ, Энгельманъ, а за нимъ и Будановъ (Христ. I, 153, пр. 116 и 117), вводятъ частицу *не* [3]) въ текстѣ второй половины статьи ради того, что

---

[1]) Формула Рус. Правды: «провиновался еси, оже еси послуха не ставилъ» (Кар. сп. 48), несомнѣнно имѣла силу не только по долговымъ, но и вообще вещнымъ искамъ.

[2]) По старому процессу обѣ стороны являлись на судъ «истцами», (см. напр. Пск. суд. гр., ст. 13). Отвѣтчикъ, не представившій достаточныхъ доказательствъ законности пріобрѣтенія вещи, оказавшейся татебной, «не доискивался» права на спорную вещь. Законнымъ же способомъ пріобрѣтенія вещи путемъ купли считалось въ старое время совершеніе сдѣлки на торгу, публично, съ участіемъ послуховъ (рядцевъ).

[3]) «а только *(не)* будетъ человѣкъ 4 и 5». Дѣло въ томъ, что дальше слѣдуетъ: «скажутъ какъ право предъ Богомъ»; если читать первую цитату по глоссѣ Энгельмана, то будетъ совершенно не понятна вторая цитата, которая именно и говоритъ о *бытіи* свидѣтелей, показывающихъ «какъ право предъ Богомъ».

будто бы «смыслъ здѣсь настоятельно требуетъ частицы *не*». Никакой настоятельности здѣсь нѣтъ; и безъ всякой натяжки, а главное — безъ извращенія самаго текста памятника, дѣло объясняется весьма просто.

Въ виду сказаннаго о сродствѣ ученія о доказательствахъ по Рус. Правдѣ и Псковской грамотѣ, легко объясняются также статьи 42 и 51 (объ искахъ по изорничеству), въ которыхъ также находится формула: правда дать», вводившая изслѣдователей своей неопредѣленностью въ заблужденіе касательно настоящаго смысла упомянутыхъ статей, въ особенности первой. Статья 51 изложена довольно ясно. если изорникъ отказывается удовлетворить требованіе хозяина уплатить ему «покруту» (потому-ли, что ея вовсе не бралъ, или бралъ, да уже возвратилъ), то хозяинъ долженъ на судѣ подтвердить свое требованіе ссылкой на послуховъ и, кромѣ того (очевидно, ради бо́льшей гарантіи изорника, въ виду его зависимаго положенія), «дать правду», т. е. подкрѣпить послушество своей *присягой* или предоставить изорнику оправдаться цѣлованіемъ. Присяга здѣсь допускается *при* послушествѣ, но не можетъ замѣнять его, если не окажется послуховъ. Послѣднее положеніе составляетъ содержаніе второй половины статьи: если хозяинъ «не поставитъ людей», то онъ «покруты своея не доискался», очевидно потому, что при сдѣлкѣ о ней не ставилъ послуховъ (какъ требовалъ обычай) и этимъ лишился возможности защищать ее на судѣ. Изложенная статья ставитъ дѣло довольно ясно. За то 42-я статья, говорящая также объ изорничествѣ, возбуждаетъ разнорѣчіе въ ея пониманіи, а въ особенности въ пониманіи встрѣчающейся въ ней формулы: «правда дать» [1]). Точный смыслъ этой статьи таковъ: «отрокъ» (переходъ крестьянъ въ положенный срокъ, по желанію-ли послѣднихъ, или по волѣ самаго хозяина, не желающаго держать ихъ у себя) полагается въ Филипово заговѣнье; «а иному отроку не быти» Если хозяинъ, въ противность этому закону, разсчитаетъ изорника до установленнаго срока и потребуетъ отъ него полнаго разсчета (по договору изорничества, за все срочное время), изорникъ-же откажется удовлетворить требованіе хозяина, то (при разбирательствѣ спора на судѣ) изорнику «правда дать», т. е. онъ *оправдывается*, а хозяинъ «не доискался». О присягѣ со стороны изорника здѣсь не можетъ быть рѣчи: фактъ незаконности требованія хозяина самъ за себя говорилъ. Такой фактъ удостовѣрялся свидѣтельскимъ показаніемъ о времени отказа изорника: какъ слѣдуетъ доказывать въ спорахъ по изорничеству, показываетъ выше разобранная 51 статья, требующая здѣсь безусловно послушества.

Формула: «правда дать» встрѣчается въ двухъ статьяхъ (94 и 95) въ

---

[1]) Энгельманъ переводитъ ее въ смыслѣ привода къ присягѣ, Будановъ — вообще доказательствъ (Христ. I, 149, пр. 100).

смыслѣ—«обыскать правду», т. е. *разсмотрѣть дѣло судебнымъ порядкомъ* (ср. ст. 18 и 61).

Статья 94 я гласитъ: если наслѣдникамъ (братьямъ, живущимъ вмѣстѣ) будетъ заявлена долговая претензія на ихъ умершаго отца (безъ записи послѣдняго), при чемъ наслѣдники откажутся отъ удовлетворенія таковой претензіи (потому-ли, что долгъ уплаченъ, или его не дѣлалъ отецъ), то «вятшему брату (какъ представителю семьи) правда дать», т. е. онъ долженъ обратиться къ *разбирательству дѣла по суду*; если затѣмъ по суду окажется, что долгъ дѣйствительно не уплаченъ, то братья должны уплатить его изъ общаго имущества, а остатокъ дѣлять между собой (если пожелаютъ жить отдѣльно).—Такое-же толкованіе слѣдуетъ давать выраженію: «правда дать» въ 95 статьѣ. Въ ней рѣчь идетъ о братьяхъ, племянникахъ и дядяхъ, живущихъ вмѣстѣ, причемъ «меньшій братъ искористуется сребромъ» у брата своего или дяди и затѣмъ будетъ отказываться отъ возврата взятыхъ денегъ (корысть — собственно то же, что ростъ, проценты). Дѣло, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, разрѣшается формулой: правда дать, т. е. возникшій споръ *разбирается судомъ* и затѣмъ, хотя-бы по суду братъ не оказался виновнымъ («какъ за нимъ не будетъ»), тѣмъ не менѣе онъ можетъ требовать раздѣла общаго имущества. О тайномъ присвоеніи имущества и о присягѣ (см. Будан. Хр. I, 167, пр. 194) здѣсь едва-ли можетъ быть рѣчь.

Наконецъ, выраженіе: «правда дать» употреблено въ 110 статьѣ Псков. грамоты въ значеніи представленія *доказательствъ*, какъ это видно изъ прямаго смысла статьи.

Въ заключеніе приведемъ другія формулы «правды», употребляющіяся въ старыхъ памятникахъ, то въ смыслѣ присяги, послушества, то вообще суда.

Въ смыслѣ присяги «правда» употребляется въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

привести къ правдѣ: «и воеводы ихъ приведше по ихъ вѣрѣ къ правдѣ. приведше къ шерти» (П. С. Л. VIII, 273; ср. Мухан. Сборн. № 1, 9, 23 и пр.); дать *клятву* или крестное цѣлованіе при составленіи грамоты: «и грамоту напиши съ правдою» (Поучен. Влад. Мон. — Лавр. лѣт. 245); «*правда съ жеребья*»—приводъ къ присягѣ по жребію. «а давати исцемъ межь себя правду съ жеребья» (А. А. Э. I. 257; ср. III, 36).

Мрочекъ—Дроздовскій относитъ сюда также выраженіе: «правда на обѣ стороны», встрѣчающееся въ догов. грамотѣ кн. Ивана Влад. Пронскаго съ Витовтомъ Литовскимъ, 1430; но, судя по смыслу статьи, «правда» означаетъ здѣсь не присягу, а *судъ*: «а судьямъ *цѣловавъ крестъ* безъ всякія хитрости, а *правду* на обѣ сторонѣ; а что ся судьи сопрутъ о которыхъ дѣлѣхъ, ино положити на осподаря в. кн. Витовта» (А. А. Э. I, № 26). Дѣло въ томъ, что споры между Пронцами и Литовцами разбирались судьями, назначавшимися обо-

ими князьями. Эти-то судьи, по крестному цѣлованію, и давали «правду на обѣ стороны», т. е. рѣшали дѣла по жалобамъ Иронцевъ и Литовцевъ; если же судьи не согласятся между собой въ рѣшеніи дѣла, то послѣднее переходитъ на судъ вел. князя.

Въ смыслѣ послушества правда употребляется въ разныхъ выраженіяхъ: «слаться *съ суда на правду*» — ссылаться на послуховъ во время судоговоренія; ссылка «на *общую правду*» — ссылка обѣихъ сторонъ на однихъ и тѣхъ же послуховъ; «*правда изъ виноватыхъ*» — ссылка на послуховъ съ обязательствомъ подчиниться ихъ рѣшенію; «*отводная правда*» — ссылка безъ таковаго обязательства; «*заволостная правда*» — ссылка на послуха изъ другой волости (см. А. Ю. I, 154; III. 192; доп. А. Ю. IV, 43: А. А. Э. I. 121; IV, 112, 232). Специально подъ правдой разумѣлся вызовъ послуховъ на судъ: «ѣхать (приставу, по ссылкѣ сторонъ) *на правду*»; «*правду* предъ прикащикомъ *поставить*»; «*на правду вдвое*» (или—«на правду два»)—плата приставу вдвое за ѣздъ для вызова свидѣтелей къ суду; «*судъ съ правдою*» — право судьи посылать приставовъ для вызова послуховъ по ссылкѣ сторонъ (А. А. Э. I, 13. 215, 221. См. Мрочека-Дроздовскаго Изслѣд о Рус. Пр. 24 ислѣд.)

Въ виду разнообразія значеній «правды» естественно возникаетъ вопросъ, какое изъ ея понятій можно считать первоначальнымъ, кореннымъ и какія производными? Полагаютъ, что въ общемъ, родовомъ понятіи правды, какъ права, «выражалось все правосозерцаніе нашихъ предковъ»,—что «разложеніе этого понятія на виды—дѣло послѣдующаго праворазвитія» (Мрочекъ—Дрозд. Изслѣд. о Рус. Пр. 2). «Правда въ смыслѣ *права* дала свое имя и главнѣйшему въ старину доказательству, свидѣтельскимъ показаніямъ, или тому, что составляетъ сущность его, присягѣ, а вслѣдствіе этого слово правда стало употребляться и въ смыслѣ присяги вообще»... «Этотъ смыслъ слова правда (какъ права), будучи древнѣйшимъ, былъ первоначальнымъ, прямымъ». «Затѣмъ уже имя правда могло быть перенесено съ права, какъ цѣли суда, на то дѣйствіе, которымъ эта цѣль на судѣ достигалась» (ib. 21). Есть основаніе предполагать, однако, совершенно обратный ходъ развитія различныхъ понятій правды не отъ рода къ виду, а именно наоборотъ [1]). Едва-ли можно утверждать съ полной достовѣрностію, что понятіе правды, какъ права, было «древнѣйшимъ» и потому первоначальнымъ, кореннымъ. По нашимъ памятникамъ, какъ и по

---

[1]) На такой порядокъ развитія вообще понятій указываетъ, между прочимъ, глубокій знатокъ старины, Бестужевъ—Рюминъ: «родословіе *слова* есть раскрытіе пути, которымъ шло сознаніе, придавая постепенно частному признаку, первому поразившему вниманіе, общее значеніе, или восходя отъ чисто физическаго смысла къ смыслу нравственному». См. Истор. I, 7.

памятникамъ другихъ славянъ, «правда—послушество, присяга или судъ» отличаются такой-же древностію, какъ и «правда — право». Судя по всѣмъ даннымъ о ходѣ «праворазвитія» въ человѣческомъ общежитіи, слѣдуетъ полагать, что отвлеченная идея «права» не явилась сама собою сразу во всеоружіи, — идея эта, напротивъ, представляетъ результатъ долгаго процесса праворазвитія, результатъ борьбы разнообразныхъ жизненныхъ отношеній и интересовъ, столкновеніе которыхъ вызываетъ необходимость въ ихъ защитѣ путемъ какъ самосуда, такъ и общественнаго наряда. Судъ и его главные аттрибуты, хотя-бы въ самыхъ примитивныхъ формахъ, должны были явиться раньше, чѣмъ вполнѣ сложилась въ общемъ сознаніи отвлеченная идея права. Въ этой идеѣ нужно усматривать не начало, а напротивъ—вѣнецъ праворазвитія. Такой ходъ дѣла подтверждается вполнѣ и данными сравнительной филологіи. Первычное значеніе славянской «правды» тянетъ къ суду (даже просто битвѣ, борьбѣ, спору) и только позже, при дальнѣйшемъ ходѣ праворазвитія, названія суда и его отдѣльныхъ моментовъ могли быть перенесены съ суда на общее, родовое понятіе права По своему коренному значенію, славянская правда несомнѣнно совпадаетъ съ санскр. *parivâda* (litigatio, procés), отъ корня *vad* (dicere, loqui, vociferari); отсюда vâda (accusatio), vâdin (обвинитель), а съ прибавкой pari (споръ, борьба)- parivâda (судъ, судоговореніе, судебный споръ, борьба); отъ того же корня—avavâda, apavada, upavâda (imputatio, blâme и пр.) Отсюда—съ одной стороны, славян. —«вадити», освадити, освада, вада, — литов. wadinti — звать, называть (pawadinti — позывать къ суду, — срав. славян. «поводъ»—лице, зовущее на судъ), а съ другой—правда—изъ «пра» (пря—споръ) и «вада» (обвиненіе) — по первоначальному значенію судебный споръ, борьба, судоговореніе. Съ правдой находится въ генетической связи и славян. *право*— отъ арійскаго корня par (schlagen, kämpfen); отсюда—слав. pra—пря, борьба, споръ; ср. старосербское «парьба» или «парьна» (lis, тяжба), «парацъ», «парць» — procurator, истецъ [1]). Вообще говоря, генезисъ различныхъ понятій, совпадающихъ въ одномъ и томъ же терминѣ, объясняется всегда въ смыслѣ перехода видовыхъ понятій къ родовымъ, обобщеннымъ: чѣмъ матеріальнѣе понятіе, тѣмъ она несомнѣнно древнѣе, — отвлеченныя, родовыя понятія представляютъ результатъ обобщенія и, слѣдоват, являются позже образовавшимися понятіями. Въ виду сказаннаго можно полагать, что ходъ развитія различныхъ понятій правды въ общемъ былъ таковъ: правда первоначально обозначала просто борьбу — роту, судъ Божій, испытанія, послушество и другіе моменты

[1]) См. A. Pictet, Les origines Indo-Européennes, 2-е изд. III, 160; A. Fick, Vergl. Worterb 1870 стр. 281; Vaniček Griech.—Lat. Worterb. 1877, стр. 512; Mikl. Mon. 39, 287, 342, 379, 475 и пр.; Ср. Даничича Рјечник. s. voce «парьба, парьцъ».

суда, затѣмъ самый судъ и наконецъ родовыя, общія понятія — права, правомѣрности и справедливости [1])

Внѣшнимъ выраженіемъ правды у всѣхъ славянъ издстари служили *народные обычаи*. Въ памятникахъ древняго русскаго и вообще славянскаго права народные обычаи носятъ различныя названія: обычая, нрава (норова), преданія, пошлины или старины, закона, также покона, устава и урока. Всѣ эти термины даютъ указанія на различные моменты образованія и дѣйствія обычнаго права Остановимся сначала на обычаѣ и нравѣ, по своему значенію отличающимся отъ пошлины и пр.

I. *Обычай* (mos, consuetudo, ἦθος, Gewohnheit, Sitte, coutume) наиболѣе древній и распространенный у всѣхъ славянъ [2]) терминъ, употреблявшійся издстари для обозначенія дѣйствій и правилъ съ обычно — правовымъ характеромъ. «Обычай» упоминается въ разсказѣ начальной нашей лѣтописи о внутреннемъ бытѣ русскихъ славянъ. «имяху бо обычаи и законъ отець своихъ» и пр. (П. С. Л. I, 6). Въ смыслѣ правовой нормы, обычай постоянно упоминается въ древнихъ памятникахъ. «а пошлину давайте по обычаю» (А. И. I, 1, 3 и пр.). »Мірской» или «земскій» обычай [3]) противополагается «церковному обычаю» или «закону отъ Бога» (см. Павлова Памятн. др. кан. пр. 101,

---

[1]) Таковъ же генезисъ слав. *суда* (чешск. цуда, литов. sudas). Объясненіе первочальнаго значенія суда даетъ санскритъ корень çudh, çundh—purificare; отсюда—çuddhi очищеніе, çuddha обвиненіе, çôdhya обвиняемый, çôdhaka—обвинитель и пр. Славян. «судить» первоначально тоже, что скр. çundh—очищаться отъ обвиненія (ср. выраженіе: вода «святочудна», т. е. очистительная).—Подобнымъ-же переходомъ видовыхъ понятій къ родовымъ объясняются различныя значенія *скота* — имущество, деньги, казна, сокровище и наконецъ животное (скотъ), составлявшее главный предметъ степнаго хозяйства стараго кочевника —съ переходомъ къ осѣдлой культурѣ долго удерживается старое названіе цѣнностей и вообще имущества.—Можно привести много другихъ терминовъ, образовавшихся также путемъ перехода названія вида къ названію рода: хорват. «гуса, хусарьство» (хищничество, разбой)—первоначально похищеніе коровъ, битва изъ-за стада, челядь—кочующая группа индивидовъ, человѣкъ-кочевникъ и пр. (См. Pictet Orig. Indo-Europ.).

[2]) Терминъ «обычай» особенно употребителенъ въ южно-славянскихъ памятникахъ. «Дохотке обетуемо дати кралевству по чину и обичаю» (Miklos. Mon. 276); «како то е био нашехъ старехъ обичаи добри» (ib. 237); «како е нихъ почтени и красни обичаи» (ib. 292); «нашь обичаи нѣ одьписать» (Пуцич Спом. 29); «наша опкина нема обичая заимовать никому динаре» (ib 36). По Полицкому статуту судьи должны были руководиться обычаями: «имаю видити и разгледати и промисливши проценити ничь по закону и обичаю, зачь се не могу прем све ричи у штатуть поставити» (мое соч. — др. Хорв. Далм. зак. 64; ср. 39, 42 и др. См. Miklos. Lexic., Даничича и Вука Рѣчн. s. voce обычай; Jungmann Slownik s. v. obyczaj).

[3]) Въ Стоглавѣ обычай такъ опредѣляется: «обычай земли есть неписанъ законъ земскій; обычай инъ законъ» (гл. 42).

166, 389; А. И. I, 40). Дѣйствія, нарушающія обычай, составляютъ «лукавый» или «лихой» обычай (А. И. I, 5, 16); поступать противъ обычая значитъ «новую правду ставить», «неправду дѣлать» (Рус. Лив. Ак. 27), «дѣять новину» (П. С. Л. IV, 209), поступать со «лжею» (ib. I, 231) и пр.

Въ одинаковомъ смыслѣ съ обычаемъ употребляется изстари у славянъ терминъ — *нравъ* (поровъ [1]). Начальная лѣтопись ставитъ нравъ рядомъ съ обычаемъ и закономъ, какъ равнозначащія выраженія: «имяху бо обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ» (П. С. Л. I, 6). «Норовъ» по памятникамъ приравнивается къ закону: «онъ же (Святославъ) не послуша матере, творяше норовы поганьскія; како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ» (ib. 27). Стародавніе нравы пользовались у славянъ такимъ же значеніемъ и силой, какъ и всякій народный обычай; народная пословица доселѣ гласитъ: «норовъ не боровъ,—откормить его не убить»; «всякъ своему нраву работаетъ» и пр.

По своему коренному понятію, обычай заключаетъ въ себѣ указаніе на моментъ *происхожденія* правовыхъ нормъ. Обычай —отъ «быть» (какъ Gewohnheit — отъ wohnen) — то, что «бытуется», практикуется въ людскомъ обыходѣ (обыкѣ),—что требуется «бытомъ», возникаетъ и установляется *сообразно* съ условіями человѣческаго общежитія.

Исторія застаетъ человѣческія общества уже съ болѣе или менѣе сложившимися и окрѣпшими обычаями и потому не даетъ вполнѣ категорическаго отвѣта на вопросъ о томъ, какимъ именно путемъ слагались первоначально эти обычаи. Здѣсь возможенъ цѣлый рядъ предположеній, основанныхъ главнымъ образомъ на явленіяхъ позднѣйшей исторіи, которыя однако не всегда тождественны съ явленіями первычныхъ обществъ.

Вопросъ о начальномъ происхожденіи правовыхъ обычаевъ не новъ. Еще въ средніе вѣка легисты, выводившіе всѣ нормы права изъ воли законодателя, видѣли въ обычномъ правѣ неписанные законы, установлявшіеся путемъ привычки и молчаливо одобренные законодателемъ. Господствовавшее въ прошломъ вѣкѣ индивидуалистическое ученіе допускало первоначальное, такъ называемое «естественное состояніе» людей съ его «великой безурядицей» (bellum omnium contra omnes),—регулированіе такой безурядицы было дѣломъ воли, соглашенія отдѣльныхъ лицъ (господство автономнаго начала въ дѣлѣ образованія права). Въ началѣ настоящаго столѣтія формулируется и упрочивается надолго въ наукѣ новое ученіе (исторической школы) о происхожденіи обычнаго

[1]) Miklos. Mon. 4: «когождо езика раздѣливь и законь давъ и нравы устави и владыки надъ ними по нраву и по закону раставль». См. Mikl. Lexic, Данич. Рѣчн. s. v. «нравъ».

права, именно подъ вліяніемъ творческихъ силъ кроющихся въ народномъ духѣ и сознаніи [1]). Лучшіе представители новѣйшихъ ученій (органическаго — Аренсъ, реалистическаго — Іерингъ и др.) стараются примирить и пополнить воззрѣнія старыхъ школъ о начальныхъ моментахъ возникновенія права, путемъ выясненія объективныхъ условій [2]) человѣческаго общежитія неотразимо вліяющихъ на образованіе права. Всѣ эти ученія находили и находятъ отголоски въ трудахъ изслѣдователей по исторіи русскаго права. Воззрѣнія старой славянофильской школы развились, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ ученія исторической школы. Въ новѣйшее время начинаютъ получать у насъ право гражданства воззрѣнія органической и реалистической школъ; но также не совсѣмъ утратило силу и ученіе индивидуалистической школы прошлаго вѣка, съ ея гипотезами о «великой безурядицѣ» естественнаго (до—обычнаго) состоянія, о творческой силѣ воли и сознанія отдѣльной личности (начало автономіи, и пр.[3]).

---

[1]) Школа эта учила, что право есть плодъ всей народной жизни,—его начала искони заложены въ народномъ духѣ. Впрочемъ, какъ училъ одинъ изъ корифеевъ этой школы—Савиньи, въ народномъ сознаніи коренятся лишь общія основы права, — частности могутъ быть созданы и навыкомъ: онѣ «не даны въ народномъ сознаніи, а возникаютъ въ силу континуитета человѣческихъ поступковъ» (System d. rom. Rechts. 1830. I, § 12). Словомъ, сознательный народный элементъ въ образованіи права историческая школа ставитъ на первомъ планѣ; моментъ непосредственности, инстинктивности на всѣхъ ступеняхъ развитія права имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Позже дѣлались поправки въ ученіи исторической школы: вмѣсто «сознанія народа» подставляли «общее мнѣніе опредѣленнаго круга людей» (Kierulf Theorie d. gem. Civilrechts, 9 и сл.).

[2]) Къ нимъ относятъ: условія общественной среды (рода, семьи, общины, государства), физическія условія страны—климатъ, почва и пр.

[3]) Ученіе индивидуалистической школы прошлаго вѣка воспроизводится, хотя и въ обновленной формѣ, въ историко-юридическихъ трудахъ проф. Сергѣевича (см его «Изслѣд. и лекціи по исторіи рус. права) По его ученію, образованію нормъ права предшествуютъ отдѣльныя дѣйствія, сперва накопляются прецеденты. Обычай поэтому—не первоначальная норма, управлявшая людскими дѣйствіями до обычая были автономныя дѣйствія, самоопредѣленіе въ формѣ самоуправства. «Въ начальной исторіи права каждаго общества надо предполагать великую безурядицу». Какія-же силы создаютъ право? Какое либо убѣжденіе и, слѣдоват., убѣжденіе о правѣ можетъ имѣть только отдѣльный человѣкъ. Объ убѣжденіяхъ народа или племени можно говорить только, какъ о суммѣ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ. Изъ индивидуальнаго убѣжденія, проявляющагося въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, надо выводить обычное право, а слѣдоват. и первое право, возникшее въ исторіи. Обычное право возникаетъ. благодаря дѣйствію индивидуальнаго сознанія насущныхъ интересовъ человѣка, подъ вліяніемъ котораго опредѣляется тотъ или другой способъ его дѣйствія. Это начало самоопредѣленія (автономіи). Въ его основѣ — личный интересъ, личное усмотрѣніе о томъ, что должно быть при данныхъ условіяхъ, а не отвлеченная идея правды или справедливости. Развивая свою мысль далѣе, проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что творцомъ обычая является не просто человѣкъ, но человѣкъ передовой, энергическій, сильный. «Образъ дѣйствія, избранный нѣкоторыми, всегда болѣе энергиче-

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чрезъ человѣка, въ немъ же и для него возрождаются и живутъ правовыя идеи и правила, но весь вопросъ въ томъ, *какъ*, подъ вліяніемъ какихъ *внѣшнихъ и внутреннихъ силъ*, возрождаются и крѣпнутъ эти идеи и правила въ памяти человѣка, въ силу ли одной привычки, или же въ силу началъ, искони заложенныхъ въ народномъ духѣ и сознаніи; имѣло ли здѣсь рѣшающее значеніе исконное самостоятельное творчество и самоопредѣленіе личности, или же все опредѣлялось разными внѣшними, подавляющими силами, абсолютно исключавшими на первыхъ порахъ исторіи всякую возможность индивидуальнаго самоопредѣленія?

Нельзя отрицать извѣстнаго значенія «привычки» въ дѣлѣ правообразованія, но это значеніе не имѣетъ ничего общаго съ силой творчества: «привычка лишь *укрѣпляетъ* дѣйствіе однообразныхъ нормъ, а не создаетъ ихъ» (Буданова Обзоръ ист. рус. пр. I, 63). Привычка оперируетъ надъ образовав-

---

скими людьми, становится общею нормою. Путемъ пассивнаго подражанія дѣйствіямъ передовыхъ людей слагается наконецъ и общее убѣжденіе. Если обычай идетъ отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, то понятно, что первыми дѣятелями обычнаго права были люди энергическіе и сильные, а первоначальное обычное право—правомъ сильнаго. Опредѣленіе и охраненіе правъ въ началѣ исторіи было дѣломъ частнаго усмотрѣнія». Насколько однако всѣ эти положенія послѣдовательно проведены, показываетъ рядъ другихъ положеній того же автора, въ корнѣ уничтожающихъ его основныя положенія объ индивидуальномъ усмотрѣніи, самоопредѣленіи и автономіи передовыхъ и сильныхъ людей, какъ о совершенно и абсолютно свободномъ, правосозидающемъ началѣ. Во 1-хъ, изъ положенія о томъ, что обычное право возникаетъ изъ индивидуальнаго усмотрѣнія и дѣйствій энергическихъ и сильныхъ людей—первыхъ дѣятелей и творцовъ обычнаго права, само собою должно бы вытекать положеніе о томъ, что въ дѣлѣ созданія обычаевъ «народъ» остается не при чемъ,—что обычай по своему происхожденію всегда и вездѣ имѣетъ личный характеръ. Проф. Серг. однако иначе думаетъ и въ концѣ концовъ рѣшительно переходитъ на сторону исторической школы: «обычай не имѣетъ личнаго происхожденія, онъ *безличенъ;* обычай *выходитъ изъ народа*, какъ безличной массы, всѣ такъ думаютъ и всѣ такъ поступаютъ» (Изслѣд. 76). Во 2-хъ, проф. Серг. смотритъ на индивидуальное усмотрѣніе и самоопредѣленіе, какъ на непосредственную правопроизводящую силу; но въ слѣдъ затѣмъ онъ переходитъ на сторону стараго ученія, искавшаго происхожденіе обычнаго права въ силѣ привычки поступать извѣстнымъ образомъ: «самоопредѣленіе само по себѣ не творитъ еще обычнаго права»,—его творитъ «*инертная сила обыкновенія*». «Привычка можетъ порождать правовыя нормы» (Изслѣд. 83). Наконецъ, въ 3-хъ не признавая положенія исторической школы о непосредственности (инстинктивности) образованія обычнаго права помимо индивидуальнаго убѣжденія и сознанія, проф. Серг. затѣмъ полагаетъ однако, что въ дѣлѣ возникновенія обычаевъ (становящихся обязательными въ силу присущаго человѣку свойства слѣдовать разъ намѣченному пути) «есть что то общее съ свойствомъ физическихъ тѣлъ, извѣстнымъ подъ именемъ инерціи» (Изслѣд. 83). Но дѣйствовать по законамъ инерціи не значитъ-ли дѣйствовать «помимо индивидуальнаго сознанія», повинуясь непосредственному, инстинктивному чувству?

шимися уже, но еще не окрѣпшими нормами; не будь послѣднихъ, не имѣла бы мѣста и привычка.

Силу творчества въ дѣлѣ правообразованія нельзя приписывать и «народному духу и сознанію»—первоисточнику права по ученію исторической школы. Ученіе это справедливо называютъ не историческимъ: оно предполагаетъ бытіе «единаго народнаго убѣжденія» и общихъ народныхъ обычаевъ, которые бы исконно были дѣйствующимъ правомъ цѣлаго народа, что однако вовсе не подтверждается, какъ положительный историческій фактъ. Исторія человѣческихъ обществъ вовсе не подтверждаетъ ученія исторической школы объ исключительной національности права и о «народномъ убѣжденіи», какъ коренномъ источникѣ права. Исторія не знаетъ первоначально ни народнаго единства, какъ сознательнаго политическаго принципа (дѣлающаго возможнымъ «единое народное убѣжденіе»), ни общихъ народныхъ обычаевъ, какъ естественнаго продукта общаго народнаго убѣжденія и сознанія. Вмѣсто того первобытно весьма долго имѣетъ мѣсто жизнь въ розни, мелкими союзами, а не цѣлыми народами; начальная исторія имѣетъ дѣло весьма долго съ разнообразіемъ обычаевъ, дѣйствіе которыхъ ограничивается лишь тѣсной средой мелкихъ союзовъ и стоитъ въ зависимости отъ степени культуры, условій экономической и общественной жизни и пр. Сходныя черты въ обычаяхъ нельзя выводить изъ «единства народнаго духа»; черты эти объясняются ближе всего одинаковостью условій общежитія, воспроизводящихъ и сходныя правовыя нормы и институты.

Еще менѣе можно назвать историческимъ ученіе объ *автономіи* и *индивидуальномъ усмотрѣніи* лица, какъ первоисточникѣ права. Исторія учитъ, что начальныя основы права не имѣютъ ничего общаго съ произволомъ, не отдѣлимымъ отъ «индивидуальнаго усмотрѣнія». Не «праву сильнаго» обязаны своимъ бытіемъ такіе факты, какъ сходство, а иногда полная тождественность обычаевъ разныхъ народовъ, раздѣленныхъ пространствомъ и временемъ; «право сильнаго» ничего не можетъ подѣлать съ культурными условіями жизни степнаго кочевника, осужденнаго этими условіями къ опредѣленному modus vivendi сообразному съ степной культурой. Въ этомъ отношеніи новѣйшія ученія (органической и особенно реалистической школы) стоятъ на болѣе твердой, исторической почвѣ. Они выходятъ изъ той мысли, что не индивидуальное творчество и усмотрѣніе, не воля и самоопредѣленіе отдѣльнаго лица, но *объективныя*, жизненныя отношенія даютъ содержаніе и бытіе праву вообще, а тѣмъ болѣе праву обычному,—ученіе о реальныхъ, объективныхъ, внѣ личности лежащихъ основахъ и источникахъ, изъ которыхъ собственно возникаетъ и на которыхъ зиждется все право на низшихъ ступеняхъ его развитія. Здѣсь «народъ» и «личность» подставляются «внѣшней средой» и «обществомъ», «общественнымъ интересомъ» или «соціальными фактами» (см. Муромцева Опредѣл. права, 914)

Здѣсь не частное или индивидуальное усмотрѣніе, убѣжденіе и сознаніе, не индивидуальное самоопредѣленіе «энергической и сильной» личности, но элементъ необходимости, инстинкта, законы природы человѣка и человѣческаго общежитія, какъ и окружающей человѣка физической природы, считаются первоосновой и источникомъ правовыхъ идей и правилъ во всѣхъ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Направленіе большинства объективистовъ, при всѣхъ ихъ крайностяхъ и увлеченіяхъ, выражается въ строго-научномъ стремленіи поставить въ наукѣ на первомъ планѣ серьезное пониманіе «объективной жизни» и по возможности точно опредѣлить роль этическихъ и объективныхъ факторовъ въ дѣлѣ правообразованія

Наиболѣе близкой къ истинѣ можно считать слѣдующую формулу начальныхъ моментовъ правообразованія: «первоисточникъ права есть *природа человѣка* [1]) (физическая и моральная), подчиненная такимъ-же законамъ, какъ и природа органическая и неорганическая. Право на первой ступени является *чувствомъ* (инстинктомъ); такова месть, защита дѣтей родителями и обратно; таково право владѣнія (вообще такой характеръ право сохраняетъ въ семейныхъ и родовыхъ союзахъ). Всѣ поступаютъ одинаково не по силѣ подражанія одному, а одновременно и повсюду, по силѣ дѣйствія одинаковаго чувства» (см. Буданова—Владим. Обзоръ ист. рус. пр. I, 62). И это совершенно понятно: какъ отдѣльный человѣкъ, въ пору своего младенческаго возраста, такъ и каждая общественная группа, въ первыя эпохи своей совмѣстной жизни, ведутъ иногда очень долго совершенно безсознательную жизнь, слагающуюся подъ гнетущей силой чисто рефлективныхъ импульсовъ и движеній, «предписываемыхъ» неумолимой природой внѣшней среды, природой самаго человѣка и условіями людскаго общежитія, (слѣдоват., строгимъ закономъ необходимости, а не чистымъ «индивидуальнымъ усмотрѣніемъ»),—импульсовъ и движеній, изъ совокупнаго дѣйствія которыхъ и слагался первоначально общій людской «навыкъ», незатѣйливый modus vivendi первычныхъ (родовыхъ) союзовъ.

---

[1]. Въ одномъ изъ памятниковъ древней нашей письменности («Словѣ о правдѣ и неправдѣ») весьма характерно опредѣляется происхожденіе правды и кривды:

«Первое сътворена бысть правда Богомъ въ человѣцѣхъ, потомъ-же отъ непріязнена ума въста неправда, и нача боротися въ человѣцѣ, и пріяша человѣци неправду, а правду отвергоша, и оставиа правда въ своеи воли ходити, да погибаютъ, якоже изволиша. Въста бо на дѣвство блудъ и погуби дѣвство, въста на чистоту скверна, лютость на кротость, въста гнѣвъ на тихость, на любовь ненависть, въста несытость на постъ и піаньство на трезвость, въста обида на смиреніе, разбои на братолюбіе, въста скупость на щедрость и немилосердіе на милость, въста безаконіе на сохраненіе закона, и ина вся въсташа неправедная на праведная дѣлеса». Въ заключеніе «слово» указываетъ на цѣль человѣка — исканіе правды путемъ воздержанія и отверженія отъ неправды и неправедныхъ дѣлъ (см. Памят. стар. рус. словесн. IV, 213).

Чуть-ли не всѣ обычаи такихъ союзовъ имѣли такой-же характеръ неизбѣжнаго, предписаннаго самимъ «бытомъ», modus vivendi, какъ и modus проявленія и дѣйствія чисто физическихъ инстинктовъ и отправленій, дѣйствующихъ не самопроизвольно, но всегда въ строгомъ соотвѣтствіи съ внутренней ихъ природой (modus утоленія голода, половыхъ влеченій и пр.). Месть—основная форма самозащиты родичей — не установлена по ихъ индивидуальному усмотрѣнію и автономіи; этотъ «повальный» обычай старыхъ родовыхъ союзовъ коренится въ чисто физіологическомъ инстинктѣ самосохраненія, одинаково проявляющемся въ первычномъ человѣкѣ и дикомъ животномъ. Его вызываетъ къ жизни не общее убѣжденіе» или воля и сознаніе личности, но самая природа человѣка. Такіе-же чисто физіологическіе инстинкты и влеченія природы первычныхъ людей лежатъ въ основѣ такихъ обычаевъ, какъ порука родичей, живущихъ родовыми группами (инстинкты, встрѣчающіеся и у нѣкоторыхъ породъ животныхъ), первычныя формы брачныхъ связей (по инстинкту поддержанія рода), имущественныхъ отношеній и т. д. Всѣ такіе обычаи возникаютъ и затѣмъ дѣйствуютъ не потому, что того требуетъ «установившаяся практика» или сила подражанія и привычки, но потому, что иначе не можетъ жить первычный человѣкъ,—данные пріемы и способы дѣйствія предписываются самими условіями быта родовыхъ союзовъ. Исторія учитъ что въ дѣлѣ правоваго творчества господство очень долго остается за внѣшней силой, царившей надъ человѣкомъ въ первычныхъ обществахъ,—что свободное человѣческое самоопредѣленіе и автономія являются лишь, какъ добываемыя вѣковыми усиліями и борьбой вѣнецъ всей общественной цивилизаціи народовъ. Индивидуальное самоопредѣленіе и автономія въ людскомъ общежитіи не сразу даются людямъ, но появляются только въ силу долгаго воспитанія и общественной дисциплины людей и, слѣдоват., возможны лишь на сравнительно высокихъ ступеняхъ человѣческой цивилизаціи. Автономныя дѣйствія и индивидуальное самоопредѣленіе людей (допускаемыя индивидуалистическимъ ученіемъ уже на первыхъ порахъ сложенія человѣческихъ обществъ, еще «до обычая») не иначе мыслимы, какъ подъ тѣмъ условіемъ, что человѣкъ въ окружающей его средѣ автономно дѣйствуетъ и самоопредѣляется *сознательно*, — безсознательной автономіи и безсознательнаго самоопредѣленія нѣтъ и быть не можетъ. Автономно дѣйствующій человѣкъ долженъ уже имѣть предъ собой и хранить въ своей памяти необходимый для его самоопредѣленія запасъ предварительно сознанныхъ и внѣшно выражаемыхъ идей и правилъ, долженъ уже имѣть свой индивидуальный modus vivendi, непремѣнно предполагающій для своего сложенія и образованія, если не твердый обычай, то во всякомъ случаѣ какой либо начальный «навыкъ», рядъ какихъ либо приспособленій и началъ. Говорить о самоопредѣленіи и автономіи и въ то-же время отрицать всякій сколько нибудь прочный навыкъ, всякое предварительно выработанное, руководящее на-

чало, значитъ по меньшей мѣрѣ допускать очевидную логическую несообразность.

Нужно поэтому полагать, что какъ бы ни была примитивна жизнь людей, но имъ нельзя жить безъ всякихъ правилъ и обычаевъ, — такова уже первобытная природа человѣка и человѣческаго общества; что поэтому обычай—извѣчная и «первоначальная норма» права,—что гдѣ только люди ведутъ совмѣстную жизнь, тамъ непремѣнно есть и обычай, ведется ли эта жизнь въ формахъ примитивной культуры звѣроловнаго быта, или въ формахъ болѣе развитаго и организованнаго общежитія людей. Позволительно, поэтому, сомнѣваться въ исторической правильности и доказательности мысли о томъ, что «въ начальной исторіи права каждаго общества надо предполагать великую неурядицу» (Сергѣевича Изслѣдов., 86). Слѣдуетъ, напротивъ, думать, что какъ естествоиспытатель не можетъ и не въ правѣ считать «неурядицей» жизнь физическихъ организмовъ первычныхъ, эмбріологическихъ формъ, потому только, что они не представляютъ «правильности» и «порядка» высшихъ, сложныхъ организмовъ, такъ и изслѣдователь эмбріологическихъ явленій въ жизни соціальныхъ организмовъ, если только онъ не руководится готовымъ, предвзятымъ «ученіемъ», откроетъ въ основѣ такихъ явленій не неурядицу, а болѣе или менѣе явственные «законы» и «учрежденія», на нашъ субъективный взглядъ неправильныя и представляющія «великую неурядицу», но для современниковъ бывшія вполнѣ упорядоченными и законченными (см. мою статью въ Жур. Мин. Пр. 1874 , іюль, стр. 122—124). Позволительно сомнѣваться въ исторической правдивости и другаго положенія, стоящаго въ тѣсной связи съ ученіемъ о «великой неурядицѣ» въ первычныхъ обществахъ. Положеніе это гласитъ: возникнувъ изъ индивидуальнаго усмотрѣнія людей энергическихъ и сильныхъ, обычай, по праву сильнаго, становится обязательнымъ для всѣхъ слабыхъ, — лишь одному сильному дозволено «дѣйствовать по своему», безнаказанно, изо дня въ день, нарушать дѣйствующій обычай (вѣдь онъ—дѣло рукъ сильнаго) и этимъ полагать «начало образованія новаго обычая», руководясь лишь «личнымъ интересомъ, личнымъ усмотрѣніемъ о томъ, что должно быть при данныхъ условіяхъ, а не отвлеченной идеей правды или справедливости» (Сергѣев. Изслѣд. 83—84).

Отсюда, нужно полагать, старый мудрецъ, въ своей формулѣ: fiat justitia — pereat mundus, защищалъ и оберегалъ не абсолютное начало правды, но лишь одно право сильнаго, личному интересу котораго жертвуется цѣлый міръ; нужно думать, что и славянинъ гарантировалъ неприкосновенность того же рабскаго начала—права сильнаго, создавая цѣлый рядъ подобныхъ же пословицъ: «боље је да село пропадне, него у селу обычай; боље је землю продати, него јој обычай; все минется, одна правда останется» и пр. Нужно полагать, что и грубые славяне временъ Прокопія считали свои обычаи ненаруши-

мой святыней [1]) вовсе не потому, что въ нихъ выражалась «правда», но просто потому, что ихъ сильные, передовые люди создали эти обычаи и слабымъ смертнымъ волей-неволей нужно было сообразоваться съ установленной ими «практикой». Тому же источнику слѣдовало бы приписать и установленіе такихъ обычаевъ, какъ, напримѣръ, гостепріимство, имѣвшее у старыхъ славянъ до того строгій, религіозно-правовой, обязательный характеръ, что для соблюденія этого обычая вмѣнялось даже воровство [2]). И все изъ-за того только, что такъ установили по своему усмотрѣнію и ввели въ обязательную практику энергическіе и сильные люди... Думается намъ, что въ подкладкѣ всего этого ученія о происхожденіи и дѣйствіи обычаевъ скрывается полнѣйшая фальшь. Не рабское начало, не право сильнаго, создали первобытную «народную правду», не на нихъ держалась и держится доселѣ вся ея живая сила и дѣйствіе. Откуда, какъ не изъ законовъ необходимости, «предписанныхъ» самой природой человѣка,—изъ врожденной ему инстинктивной способности (чувства) къ приспособленію къ даннымъ условіямъ общежитія (а не изъ-за того только, что такова «практика», установленная передовыми и сильными людьми), возникло господствующее у многихъ народовъ воззрѣніе на извѣстные обычаи, какъ на религіозно-обязательныя догмы? Строгая обязательность даннаго modus vivendi для всѣхъ и каждаго несомнѣнно лежитъ доселѣ въ основѣ кочевыхъ обычаевъ нашихъ восточныхъ инородцевъ, съ ихъ религіознымъ убѣжденіемъ, что съ переходомъ къ осѣдлой жизни (немыслимой въ виду мѣстныхъ условій степнаго быта) «они должны потерять свободу» [3]). При данныхъ условіяхъ среды, кочевая жизнь съ свойственными ей обычаями и экономической культурой (исключительно скотоводческой и звѣроловной) — для степняка единственное спасеніе; въ ней для него вся «правда», — внѣ ея ему грозитъ гибель и потому иного строя жизни, при данныхъ условіяхъ, онъ не знаетъ и не понимаетъ. «Практика», какую заводила наша администрація (энергическіе и сильные люди по теоріи проф. Сергѣевича) у киргизовъ или калмыковъ, въ видахъ пріученія ихъ къ земледѣлію и осѣдлой жизни, не привела ни къ чему: она разбива-

---

[1]) Aliarum etiam rerum fere omnium ratio ab utrisque Barbaris servatur eadem, fuitque olim constituta (см. Procopii Caesarensis de Bello Gothico, lib III, c. 14).

[2]) Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris crastina hospitibus disperties. Si quis vero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus dominum vel facultates incendio consumere licitum est; atque in id omnium vota pariter conspirant, illum inglorium, illum vilem. et ab omnibus exibilandum dicentes, qui hospiti partem negare non temnisset (См. Helmoldus, Chronicon Slovorum lib. I, cap. 82).

[3]) См. мое сочиненіе «Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Калмыцкое право, I, 231 и слѣд...

лась о неодолимыя мѣстныя условія, допускавшія для степняка лишь одинъ, возможный въ безплодной и безпріютной степи, modus vivendi — кочеванье и связанную съ нимъ хищническую систему степнаго хозяйства. Здѣсь-то, въ этихъ мѣстныхъ условіяхъ, въ томъ, что для степняка-кочевника единственные источники жизни—скотоводство да хищничество (другія культурныя формы жизни для него недоступны и мало понятны), нужно искать корень всѣхъ степныхъ обычаевъ, всю ихъ внутреннюю правду и цѣлесообразность; здѣсь ни индивидуальное усмотрѣніе отдѣльнаго лица, ни право сильнаго, ничего не создадутъ.

Могущество и сила такихъ условій таковы, что народные обычаи, образовавшіеся на ихъ почвѣ, нерѣдко держатся безъ перемѣнъ цѣлые вѣка, трактуются дѣйствительной народной святыней, народной правдой; чтобы сломить такіе обычаи, нужно сперва въ корнѣ измѣнить вызвавшія ихъ условія. Глубокое убѣжденіе въ правдѣ народнаго обычая, переходящаго отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ родовая святыня, вкореняется всею жизнью степнаго кочевника. Хищникъ искренно вѣритъ въ «доблесть» и «правду» разбоя и грабежа, и не потому, что такъ требуетъ «господствующая практика», но потому, что таково пониманіе правды въ степномъ хищникѣ, сложившееся и окрѣпшее въ немъ подъ гнетущимъ вліяніемъ окружающей его среды. Если бы въ жизни дѣйствительно такъ было, какъ утверждаетъ индивидуалистическая теорія, мы бы видѣли, какъ быстро и невозбранно, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ людей энергическихъ и сильныхъ (дѣйствующихъ по пословицѣ: «каждый молодецъ на свой образецъ»), нарушаются старые обычаи и вводятся вмѣсто нихъ новые, — мы бы присутствовали при безпрерывной и постоянной смѣнѣ обычно-правовыхъ нормъ народной жизни. Но не такъ все это происходитъ въ жизни: проходятъ нерѣдко тысячелѣтія, а жизнь съ ея вѣками слагавшимися нормами остается все таже. Тутъ, очевидно, дѣйствуетъ какая-то упругая и неизмѣнная сила, а не преходящія начала личнаго «самоопредѣленія» и «права сильнаго».

II. Если термины «обычай» и «нравъ» даютъ указанія на происхожденіе обычнаго права, то другая группа названій народныхъ обычаевъ касается *дѣйствія* уже установившихся нормъ обычнаго права. Сюда принадлежатъ: преданіе, старина и пошлина [1]).

---

[1]) Мы остановимся здѣсь только на менѣе разъясненныхъ вопросахъ: объ общемъ значеніи этихъ терминовъ и о формахъ выраженія обычно-правовыхъ нормъ, — формахъ, служащихъ главными источниками распознаванія обычнаго права. Что касается собственно *свойствъ* обычнаго права (соблюденія, повторяемости, разнообразія или партикуляризма

Преданье (παράδοσις, traditio) встрѣчается во всѣхъ древнихъ славянскихъ памятникахъ въ смыслѣ обычно-правовой нормы, живущей и сохраняющейся въ народной памяти въ силу наслѣдственной передачи отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ грамотѣ 1391 г. вопросъ о принадлежности Дубровнику жупы Коновальской опредѣленъ «по старѣхь письмѣхь и по старѣхь паметарѣхь, добрѣхь людѣхь, кои *су чули одь еднега колѣна до другога*» (Mikl. Mon. 217) [1]). Въ такомъ-же смыслѣ обычая, переходившаго отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ завѣтъ отцовъ, говоритъ о преданьи начальная русская лѣтопись: «имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья».

«Преданью» соотвѣтствуютъ «старина» и «пошлина»—термины, наиболѣе употребительные въ памятникахъ для обозначенія старыхъ земскихъ обычаевъ. Оба эти термины указываютъ на основной моментъ *правосохраненія*—дѣйствія «правды» въ смыслѣ изстаринныхъ обычаевъ, соблюдаемыхъ въ видѣ однообразныхъ дѣйствій и нормъ, какъ они «пошли» изъ старины, сложились и окрѣпли въ силу стародавней практики и сохраненія въ памяти народной, путемъ передачи ихъ «изъ рода въ родъ». *Пошлиною* считалось все, что «пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ», что «бывало отъ начала міра» (П. С. Л. III, 79). Старый обычай назывался «земскою изъ начальства (т. е. изначала) пошлиною» (А. И. I, 40), «отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ утвержениемъ» (П. С. Л. I, 97), «устроеньемъ отьнимъ и дѣднимъ» (ib, 54). Бытовые порядки, практиковавшіеся изъ старины, мотивируются въ памятникахъ древнерусской письменности такой формулой: «всему тому есть обычай испоконъ вѣка, да и дѣло то не писанное, а уложено старыми людьми недаромъ» [2]). Можно сказать, что почти нѣтъ ни одного памятника древнерусскаго права, въ которомъ бы не дѣлалось ссылки на старый обычай, пошлину,—«какъ то пошло исперва (изначала и пр.)отъ дѣдъ и отецъ» [3]) Пошлиной назывались не только мірскіе, но

обычаевъ, ихъ консервативности и пр.), то этого вопроса мы не будемъ касаться въ настоящемъ случаѣ, въ виду того, что онъ достаточно разработанъ. См. Буданова Обзоръ I, 64; Сергѣевича Изслѣд. 76, моя Ист. рус. пр.» 83; о разработкѣ обыч. пр. (Жур. Мин. Пр. 1878, т. 198, стр. 146).

[1]) Въ грамотѣ сербскаго краля Стефана (1228 г.) Жичскому монастырю на имѣніе, между прочимъ, приведены старыя брачныя правила, основанныя на преданьи и церковныхъ уставахъ: «и по томоу Божьствьни съ законь наоучивьше по црьковному оуставоу и прѣдани» (Mikl. Mon. 14). Въ грамотѣ Стефана Уроша 1357 г. «преданье» употреблено въ прямомъ значеніи обычая: «и дрьжещу ми скиптрось царьствами по прѣданию же и уставу» (ib. 161).

[2]) См. «Старый обрядникъ» въ Правосл. Собес. 1860, III, 288.

[3]) Всѣ докончанья Новгорода съ князьями мотивируются обычными формулами пошлины и старины. Въ договорной грамотѣ 1265 отдѣльныя статьи постоянно ссылаются на

и церковные обычаи (см. Павлова Памятн. 233, 240). Пошлина соотвѣтствовала «правдѣ»: «судить по пошлинѣ» было равнозначительно съ «судить въ правду по крестному цѣлованію» (А. А. Э. I, 87). По «посаженьи» князей имъ «давали княжую пошлину» (т. е. обязывали вести княжій нарядъ по старымъ земскимъ обычаямъ); князья съ своей стороны «цѣловали крестъ по всей Псковской пошлинѣ» (Псковская лѣтопись Погодина 77, 82 и пр.) Одинаковое значеніе съ пошлиною имѣла *старина*: «какъ то пошло у васъ, то ваша добрая старина» (А. И. I, 10); «судить по старинѣ» или «судъ вѣдать по старинѣ» значило то-же, что «судить по пошлинѣ» (Новг. с. гр. 2, 3, 23 и пр.) [1]). Пошлина и старина практиковались не въ одномъ Новгородѣ и Псковѣ (см. Псков. суд. гр. 85, 103; Новг. с. гр. 2, 3 и пр.), но и въ другихъ русскихъ земляхъ обычай сходиться на вѣча существовалъ, по словамъ лѣтописца, въ Новгородской, Смоленской, Кіевской, Полоцкой и другихъ волостяхъ «изначала», т. е. считался вездѣ стариной, пошлиной, стародавнимъ, исконнымъ обычаемъ (П. С. Л. I, 160). Эта-то пошлина была всеобъемлющимъ началомъ древнерусскаго быта. «Вся жизнь древнихъ княженій опредѣлялась обычаемъ. Частныя и государственныя права подчинялись его дѣйствію: права князей и народа, право наслѣдованія, мести, выкупа, право собственности и т. д.; все было основано на обычаѣ» (Сергѣевича Изслѣд. 96). Все, что «порушало старину», считалось «новиной», «мятежнымъ житіемъ», «злымъ обычаемъ», «беззаконіемъ». Гдѣ рушилась пошлина, тамъ бывала «изъѣжа велика и боры частыя»,— «христіанамъ становилось пакостно и душевредно» (см. П. С. Л. IV, 124, 209; А. И. I, 23 и пр.) Подобное воззрѣніе на старый обычай держится и въ московскую эпоху; въ особенности оно рѣзко высказалось въ протестѣ Стоглава противъ «злыхъ обычаевъ», заносимыхъ изъ другихъ странъ: «въ коейждо убо странѣ законъ и отчина, а не приходятъ другъ ко другу, а своего обычая

старый обычай, какъ на главный источникъ: «что пошло тобе и твоимъ мужемъ, како то пошло»; «тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отець, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава»; «а дворяномъ твоимъ ходити по пошлинѣ, какъ пошло исперва»; «а что пошло князю, а то княже» и пр. (Собр. гос. гр I, 1 и слѣд.) Тѣже формулы пошлины встрѣчаемъ и въ друг. грамотахъ: «а вязчего не пошло по Новгородской волости»; «а холопа и половника не судити безъ господаря.. тако пошло»; «а кто купець, пойдеть въ свое сто, а смердъ пойдеть въ свой погостъ: тако пошло въ Новѣгородѣ» и пр. (ib. 10, 14); «судить намѣстнику по Новгородской пошлинѣ»; «какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ» и пр.

[1]) «Отняли бяше Юрьевци старинъ Псковскихъ много» (Пск. лѣт. Погод. 77); «Новгородъ держати по старинѣ»; «ходити и учити доброи старинѣ. по пути отецъ своихъ ходити и жити» (Соб. гос. гр. I, 1, 22). О старинѣ см. П. С. Л. III, 1, 9; IV, 126, 209 и пр.; А. А. Э. I, 27. О церковныхъ обычаяхъ въ значеніи старины см. Павлова Пам. 233, 385, 386, 388, 700; А. А. Э. I, 87.

кійждо законъ держатъ. Мы же разныхъ странъ беззаконій оскверняхомся, обычая злая отъ нихъ пріемше, тѣмже отъ тѣхъ странъ томимы есмы и расточаемы виною нашею» (Стогл. гл 39). Старина и пошлина въ особенности обозначали *судебные обычаи*, охранявшіеся и державшіеся на судѣ и нарядѣ, какъ обязательные для всѣхъ обычаи, и въ этомъ смыслѣ вполнѣ соотвѣтствовали древне-герм. Weisthumer-Judicia, Schoffenrecht, Gebraucherichten и пр. (см. Zöpfl. Deut. Rechtsgesch. 9). Судъ «по пошлинѣ» или «старинѣ»—обычная формула судебныхъ обычаевъ (Иск. с. гр. 85, 103; Новг. с. гр. 2, 3, 24; А. А. Э. I, 27, 87 и пр.); въ договорахъ съ нѣмцами выраженіе: «судить по пошлинѣ» обыкновенно переводится: «broke, brokerichten, gebraucherichten» (см. Андреевскаго догов. Новг. съ нѣм 24, 28, ст. III, XII). Самые акты, основанные на старыхъ земскихъ обычаяхъ, получали иногда названіе старинъ и пошлинъ. Грамота князя Александра, данная Пскову на основаніи псковскихъ пошлинъ, считалась «старинной», обязательной для всѣхъ: «а будеть то ваша старина: и вы по той старинѣ ходите» (А. И. I, 10). Псковская судная грамота, составленная на основаніи грамотъ прежнихъ князей и приписокъ Псковскихъ пошлинъ, носила названіе «пошлинной» грамоты (ст. 108).

Эти-то пошлины и старины *дѣйствовали* въ русскихъ земляхъ и волостяхъ въ разнообразныхъ формахъ и видахъ. Сама жизнь, путемъ непосредственнаго творчества природы человѣческой (чувства), создавала юридическія правила и хранила ихъ въ видѣ дѣйствій, обрядовъ, символовъ, пословицъ и проч. «Народъ первобытной эпохи не помнитъ, чтобы когда нибудь изобрѣлъ онъ свой языкъ, миѳологію, законы, обычаи и обряды. Всѣ эти національныя основы уже глубоко вошли въ его нравственное бытіе, какъ самая жизнь, пережитая имъ въ теченіи многихъ доисторическихъ вѣковъ, какъ прошедшее, на которомъ твердо покоится настоящій порядокъ вещей и все будущее развитіе жизни» [1]). Обычное право проявляется въ разнообразныхъ внѣшнихъ формахъ, которыя въ особенности на первыхъ порахъ исторіи представляютъ важнѣйшіе, а иногда и единственные источники непосредственнаго познанія обычнаго права. Таковы прежде всего манипулятивныя формы проявленія обычнаго права—конкретные казусы и дѣйствія, правовые обряды и символы, и словесныя формы, правовая обстракція—слово (правовая терминологія), формулы и пословицы.

Манипулятивная (мимическая, нѣмая) *форма* проявленія и дѣйствія обычнаго права господствуетъ въ полной силѣ у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, у которыхъ правовыя идеи выражались не столько путемъ абстракціи и формулированія словомъ, сколько въ видѣ различныхъ ма-

[1]) Буслаева Историч. очерки рус. народн. словесн. I, 1.

нипуляцій, путемъ мимики, *внѣшнихъ дѣйствій и движеній*, обрядовъ и символовъ—условныхъ фактовъ и дѣйствій, служившихъ для выраженія правомѣрности извѣстныхъ явленій. Юридическое значеніе манипуляцій и символовъ въ быту первычныхъ людей стоитъ въ тѣсной связи, какъ съ первоначальной разобщенностію общественныхъ группъ, съ ихъ мимическими способами сношеній (отсюда, наприм., «нѣмая» торговля дикихъ), такъ и съ первобытнымъ вѣрованіемъ въ чарующую силу человѣческаго слова и дѣйствія, исполненіе которыхъ всегда отражается въ извѣстныхъ явленіяхъ, вызываетъ намѣченныя цѣли и результаты (сила заговора и разныхъ манипуляцій,—см. Аѳанасьева Поэт. воззрѣнія I, 413, 431 и пр.). Вмѣсто словесной формы выраженія понятій, опредѣлявшихъ разнообразныя людскія отношенія, первычный человѣкъ выражалъ ихъ опредѣленнымъ движеніемъ руки и пр. Только послѣ совершенія обычной манипуляціи, обряда или символа, данное дѣйствіе (сдѣлка и пр.) считалось законно совершившимся, пріобрѣтало полную юридическую силу. Такія манипуляціи и символы, однообразно воспроизводимые во всѣхъ аналогическихъ случаяхъ и выражающіе опредѣленныя юридическія понятія и правила, служатъ лучшимъ показателемъ въ дѣлѣ распознаванія обычнаго права. Манипулятивныя и символическія формы господствовали въ старое время въ правѣ славянъ, какъ и другихъ народовъ. Таковы, напримѣръ, манипуляціи, обряды и символы, извѣстные всѣмъ древнимъ славянамъ и нерѣдко удержавшіеся до нашихъ дней: «посаженье князя на столѣ» — символъ законности пріобрѣтенія власти; «покора» — символъ примиренія, совершавшійся надъ убійцей въ томъ случаѣ, когда съ нимъ мирились родичи убитаго; «рукобитье» (по рукамъ, manu ad manum, Hand in Hand)—символъ заключенія договоровъ; «передача дерна» — символъ пріобрѣтенія поземельныхъ правъ; «постриги», также «посаженье на коня» или «врученіе меча или лука» — символы, совершавшіеся у славянъ надъ юношами, по достиженіи ими опредѣленнаго возраста, какъ акты признанія юноши равноправнымъ членомъ рода или семьи, дружины и пр.; «смѣшеніе крови» и «борьба»—символы побратимства; различные брачные символы и обряды, напоминавшіе рим. confarreatio и пр. [1]).

Правовыя *формулы* и *пословицы* — болѣе совершенная форма выраженія обычнаго права. *Слово* — одно изъ наиболѣе раннихъ «переживаній» древней культуры всѣхъ народовъ [2]). Еще въ 20-хъ годахъ Гриммъ (Deut. Rechtsalterth.)

---

[1]) См. Калмыкова о символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности. Спб. 1839; Макушева извѣстія иностр. 143; Энгельмана о пріобрѣтеніи права собств. на землю, 9 и слѣд.; Шпилевскаго объ источникахъ, 6 и слѣд.; Н. Загоскина методъ и средства изученія древн. истор. рус. пр. (Учен. зап. Казан. унив. 1877, № 1); Буданова Обзоръ 63. Ср. также Grimm deut. Rechts- Alterthümer.

[2]) «Слово—первый памятникъ духовной жизни человѣка; родословіе слова есть раскрытіе пути, которымъ шло сознаніе». См. Бестужева-Рюмина Ист. I, 7.

полагалъ, что «unsere Sprache ist auch unsere Geschichte». Термины являются первой попыткой народа выразить въ свойственной человѣку формѣ первоначальный кругъ понятій, усвоенныхъ народомъ, — въ языкѣ наглядно выражается наслоеніе бытовыхъ понятій и представленій разныхъ временъ и поколѣній. Путемъ изученія терминовъ, коренныя формы которыхъ образовались еще въ темныя доисторическія эпохи, можно до извѣстной степени возстановить кругъ первычныхъ идей и понятій о предметахъ, знаніе о которыхъ пріобрѣтено народомъ въ незапамятныя времена, и такимъ образомъ можно ознакомиться съ древнимъ бытомъ народа, даже такихъ эпохъ, отъ которыхъ не дошло до насъ никакихъ другихъ исторически достовѣрныхъ памятниковъ. Теперь считается вполнѣ доказаннымъ фактомъ, что обширный циклъ названій предметовъ и понятій, одинаковыхъ у славянъ и другихъ племенъ общаго арійскаго корня, сформировался у нихъ еще до разселенія ихъ — въ тѣ эпохи, когда они составляли цѣльную, нераздѣльную племенную единицу [1]). Таковъ обширный кругъ родственныхъ и семейныхъ названій у славянъ, употребляемыхъ съ незапамятныхъ временъ для обозначенія отношеній мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, старшихъ родичей къ младшимъ, затѣмъ степеней родства, многихъ другихъ отношеній права гражданскаго, уголовнаго и пр.,—отношеній, терминологія которыхъ представляетъ иногда поразительное сходство съ правовыми терминами другихъ народовъ арійскаго корня. Все это раскрываетъ предъ нами широкое поле для изученія правовыхъ идей и воззрѣній, образовавшихся у славянъ еще въ темныя эпохи ихъ совмѣстной жизни съ другими арійскими народами, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что источникъ-юристъ, особенно въ виду современнаго развитія сравнительнаго языкознанія, не въ правѣ обходиться безъ помощи филологіи. Введеніе въ исторію права главнѣйшихъ выводовъ, добытыхъ исторіей языка и сравнительнымъ языкознаніемъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно привести къ плодотворнымъ результатамъ, особенно въ дѣлѣ разъясненія вопроса объ исходныхъ моментахъ въ исторіи права даннаго народа. Въ этомъ отношеніи справедливо замѣчаютъ, что сравнительному языкознанію выпало на долю открыть новую эру въ историко-сравнительномъ изученіи общественныхъ и политическихъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, арійскихъ племенъ. Указывая на происхожденіе индо-германскихъ нарѣчій изъ общаго всѣмъ имъ источника древне-арійскаго языка, филологія доказываетъ тѣмъ самымъ фактъ сожитія арійскихъ народовъ въ періодъ времени, который она отказывается опредѣлить (см. Юрид. Вѣстн. 1878, № 1, стр. 9), и доставляетъ возможность воспроизвести, по дан-

---

[1]) См., наприм., Воцеля древ. бытов. исторія слав., въ переводѣ Задерацкаго, стр. 44.

нымъ языкознанія, фактъ существованія общеплеменныхъ учрежденій, возникшихъ еще въ первоначальной родинѣ этихъ племенъ [1]). Въ настоящее время можно считать прочно установившеюся мысль о томъ, что вполнѣ удовлетворительныя доказательства исконности данныхъ учрежденій можно находить не столько въ самомъ фактѣ сходныхъ видоизмѣненій ихъ въ быту одноплеменныхъ народовъ (сходство можетъ быть результатомъ различныхъ причинъ — не только общаго племеннаго происхожденія, но и дѣйствія одинаковыхъ законовъ и причинъ или же простаго заимствованія учрежденій), сколько въ самомъ языкѣ. Рѣшающимъ моментомъ считается здѣсь то обстоятельство, что аналогическія учрежденія имѣютъ однокоренныя названія, употреблявшіяся въ общеплеменномъ языкѣ, и притомъ именно въ томъ техническомъ смыслѣ, въ какомъ данные термины встрѣчаются впослѣдствіи. Для признанія такого сходства унаслѣдованнымъ, большинство изслѣдователей полагаетъ достаточнымъ, если термины, обозначающіе сходныя учрежденія, происходятъ отъ общаго корня, или если они по смыслу совершенно вѣрно переводятъ одно другое; но, по справедливому замѣчанію проф. Сергѣевича, при отсутствіи сходнаго техническаго выраженія для обозначенія даннаго учрежденія, общаго всѣмъ родственнымъ народамъ, всѣ заключенія о томъ, что это учрежденіе принадлежитъ эпохѣ, предшествовавшей раздѣленію родственныхъ народовъ, будутъ только предположеніемъ (см. Сборн. госуд. знаній VII, 46). Границы пользованія филологическими данными для цѣлей исторіи права можно опредѣлить приблизительно слѣдующимъ положеніемъ: сходство въ однокоренныхъ техническихъ названіяхъ учрежденій указываетъ лишь на то, что въ старину эти учрежденія, наслѣдованныя и болѣе или менѣе видоизмѣненныя въ позднѣйшемъ быту родственныхъ народовъ, уже начали складываться еще въ пору ихъ со-

[1]) А. Кунъ (Zur ältesten Geschichte d. Indogerm. Volker, въ сборн. Вебера—Indische Studien. 1850, I) и Гриммъ (Geschichte d. deut. Sprache, 1848) первые показали путь, которымъ можно выводить изъ филологическихъ данныхъ древнѣйшую исторію народовъ. Заслугу этому дѣлу затѣмъ оказали A. Pictet (Les origines Indo-Europeenes ou les Arias. 3 изд., 1880) и особенно A. Fick (Die ehemalige Sprachenenheit d. Indo-Germanen Europas, 1873, и Vergleich. Worterb.). Есть также труды другихъ филологовъ въ томъ-же направленіи: Лассена, М. Мюллера, Аделунга Шлегеля, Эйхгофа, Юсти, Гвинти, Бенфея, Куно, Боппа, Потта, Шлейхера, Асколи, Шмидта, Лавровскаго, Будиловича и др. Въ послѣднее время историки-юристы (Фримэнъ, Гернъ и др.) дѣлаютъ опыты примѣнить къ исторіи права результаты сравнительнаго языкознанія. На анализѣ данныхъ правовой терминологіи основанъ цѣлый рядъ работъ нѣмецкаго юриста *B. Leist*: а) Die realen Grundlagen u. die Stoffe d. Rechts, 1877 (Civilistische Studien, IV Heft); б) Obsequium-Verhältniss (Glück Leist, Commentar, V, 20 — 145); в) Zur Gesch. d. rom. societas. 1881; г) Graeco-italische Rechtsgeschichte 1884. Гриммъ еще въ 20-хъ годахъ обратилъ вниманіе на правовую терминологію; см. его Deutsche Rechtsalterth., 1—6. Весьма обстоятельный обзоръ трудовъ культурно-лингвистическаго характера сдѣланъ О. Шрадеромъ, въ его «Сравнит. языковѣд. и первобыт. исторія» (перев. съ нѣм. Спб. 1886).

вмѣстной жизни; но отсюда никакъ еще нельзя выводить, что эти учрежденія были детально такія же, какъ и позже. Изъ сходства родственныхъ и семейныхъ терминовъ у всѣхъ арійскихъ народовъ нельзя еще, наприм., заключать, что въ пору ихъ совмѣстной жизни, до раздѣленія, существовалъ у нихъ такой же благоустроенный семейный бытъ, какъ и нынѣ (какъ полагали Кунъ, Пиктэ, Лавровскій и др.). Данныя языка констатируютъ собственно одинъ фактъ существованія въ старину сходныхъ институтовъ, до извѣстной степени могутъ разъяснять ихъ бытовыя основы, общій смыслъ и содержаніе; но на основаніи филологическихъ данныхъ еще нельзя воспроизвести до подробностей живой и цѣльный образъ всего народнаго быта. Въ этомъ отношеніи нужно пользоваться данными сравнительнаго языкознанія съ большою осторожностью; указанія филологіи необходимо восполнять данными иного порядка: историческими преданіями и переживаніями, сохранившимися въ позднѣйшія эпохи,—также этнологическими наблюденіями надъ бытомъ расъ и племенъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія и пр. Лишь на почвѣ всей совокупности доступныхъ для изслѣдованія и провѣренныхъ строгой научной критикой, лингвистическихъ, этнологическихъ и историческихъ данныхъ можно воспроизвести болѣе или менѣе опредѣленную картину первобытной жизни даннаго народа [1]).

Перейдемъ теперь къ *формуламъ* и *пословицамъ*, представляющимъ собой одну изъ древнѣйшихъ формъ выраженія человѣческихъ понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основныхъ понятій и явленій стараго обычнаго права. Что на первыхъ порахъ исключительно выражалось внѣшнимъ дѣйствіемъ и символомъ, то позже формулируется словомъ, высказывается въ афористической формѣ, въ видѣ краткихъ изрѣченій, формулъ и пословицъ, въ которыхъ выражались народныя понятія о правѣ, какъ готовыя аксіомы или рѣшенія по разнымъ юридическимъ казусамъ [2]). При первычномъ вѣрованіи въ силу чарованія слова [3]), термины могли пріобрѣсти значеніе манипуляцій (звуковыхъ) съ символическимъ характеромъ, могли выражаться въ строго опредѣленныхъ формулахъ, неизмѣнно употреблявшихся въ извѣстныхъ случаяхъ. Такія формулы въ особенности пріурочивались къ процессуальнымъ дѣйствіямъ [4]). У славянъ доселѣ со-

---

[1]) О методѣ и границахъ пользованія филологич. данными см. М. Ковалевскаго о методологич. пріемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учрежденій (Юридич. Вѣстн. 1879, I, 9; отдѣльно—1880); В. Сергѣевича Право и государство въ исторіи (Сборн. государ. знан. VII, 44, и Изслѣдов. и лекціи); Загоскина Методъ и средства изученія и пр., 262.

[2]) «Ersten Abstractionen alles Rechtes sind die Rechtssprüchworter». Warnkonig Jurist. Encykl. 94.

[3]) См. Аѳанасьева Поэтич. воззр. I, 404 и слѣд.

[4]) Въ древнемъ римскомъ процессѣ, наприм., и стороны, и судьи должны были произносить всегда извѣстныя, точно опредѣленныя формулы показаній на судѣ, вопросовъ и

хранилось много пословицъ (иныя съ символическимъ характеромъ), образовавшихся еще въ глубокой древности, въ которыхъ высказываются народныя понятія о правѣ [1]). Пословицы нерѣдко обращались въ постоянныя юридическія формулы, употреблявшіяся для обозначенія какихъ либо юридическихъ дѣйствій и понятій. Многія изъ такихъ старинныхъ пословицъ послужили формою закона [2]). Въ Рус. Правдѣ, Псковской грамотѣ, старыхъ докончаньяхъ и другихъ памятникахъ весьма часто встрѣчаются правила, выражающіяся въ однообразной формулѣ и несомнѣнно взятыя изъ народныхъ пословицъ. Нѣкоторыя изъ такихъ древнихъ формулъ уцѣлѣли до нашихъ дней. Содержаніе формулъ — пословицъ обнимаетъ всѣ стороны общественной и правовой жизни народа, причемъ нерѣдко даются указанія на институты глубокой старины. Старыя пословицы имѣютъ большею частію строго казуистическій характеръ; очевидно, они образовались изъ отдѣльныхъ бытовыхъ случаевъ и дѣйствій. Наконецъ, въ пословицахъ высказываются правовыя нормы не только въ положительной, но и въ отрицательной формѣ («міръ не судья, были бы сватовья» [3]).

Приведемъ главнѣйшія формулы — пословицы, записанныя въ старыхъ памятникахъ, а также и нѣкоторыя изъ современныхъ пословицъ, сохранившіяся еще отъ первыхъ временъ исторіи.

Старая славянская *община* воспроизводится доселѣ въ пословицахъ:

Дворъ обо дворъ и калитка на дворъ — намекъ на семейную общину (задругу).

отвѣтовъ. То-же замѣчается и въ правѣ нѣкоторыхъ славянъ, наприм., чеховъ, у которыхъ процессъ былъ обставленъ строгими формальностями, сходными съ римскими судебными формулами. По народнымъ воззрѣніямъ, слово—то-же, что законъ, клятва (рота), какъ это видно изъ многихъ народныхъ поговорокъ. Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы. До слова крѣпись, а давши слово, держись Слово законъ, держись за него, какъ за колъ. Слово въ вѣкъ не сломится. Слово — не воробей, вылетитъ—не поймаешь. На правду мало словъ. Право—велико слово — обычная формула клятвы, употреблявшаяся въ старое время при рѣшеніи тяжбъ и споровъ (Снегирева Русскіе въ своихъ пословицахъ, I, 134, 136). Въ памятникахъ «слово» употребляется иногда въ смыслѣ рѣшенія, постановленія: «а се за то ялися послове по Новгородскому *слову* и по Новг. грамотѣ» (А. А. Э. I. 58).

[1]) Значеніе пословицы выражается во многихъ народныхъ поговоркахъ: Старая пословица во вѣкъ не сломится. Старая пословица не мимо молвится Одна рѣчь не пословица. Не всякое слово пословица. На пословицу ни суда, ни расправы. Бѣлый свѣтъ—не околица, пустая рѣчь—не пословица. На рынкѣ пословицы не купишь. Загадка, разгадка, да семь верстъ правды и пр. (Даль).

[2]) См. Снегирева Рус. въ своихъ послов. III, 7.

[3]) См. Буданова Обзоръ. I, 63—64. Первый опытъ разработки русскихъ правовыхъ пословицъ примѣнительно къ исторіи права сдѣланъ въ 30-хъ годахъ И Снегиревымъ, въ его изслѣдов. «Русскіе въ своихъ пословицахъ» I—IV. 1831—34. Лучшій сборникъ пословицъ, въ томъ числѣ юридическихъ, принадлежитъ В. И Далю: «Пословицы русскаго народа» I—II. 1879.

Мірѣ никто не судитъ, одинъ Богъ. Міръ тонокъ да дологъ. Мірская шея толста. Съ міру по ниткѣ, голому рубашка (мірская самопомощь). Что міромъ положено, тому и быть такъ.

Не въ нашъ *конѣ* бьетъ. Онъ не нашего кона (держится противной стороны, тянетъ къ другой общинѣ). Вся бѣда на кону (быть на чередѣ, править дѣломъ).

Не купи себѣ домъ, купи себѣ *сосѣда*.

Стати всѣмъ за одинъ; либо животъ, либо смерть за правду Новгородскую (кругов. *порука*; лѣтоп.)

Дума на Великой (рѣкѣ), а сердце на Волховѣ (побратимство Новгорода съ Псковомъ). На чемъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ. Како намъ любо, такоже створимъ (отнош. старшаго города къ пригороду, — П. С. Л. I, 1176 г.)

Не мало пословицъ сохранилось также касательно старыхъ *общественныхъ классовъ*:

Молодой (*дружинникъ*) на битву, а старый—на думу. А *боярамъ* и *слугамъ* вольнымъ воля (догов. грамоты князей). На поле съѣзжаются, родствомъ не считаются (*мѣстничество*). Чинъ чина почитай, а меньшой садись на край (послѣ отмѣны мѣстничества). Хоть лыкомъ шитъ, да почитай его.

Не бывать *попу* въ холопѣхъ, а холопу въ попѣхъ (послѣ запрещенія крестьянамъ вступать въ духовное званіе). Лучше жить въ попѣхъ, нежели въ холопѣхъ.

Гдѣ *смердъ* думалъ, тамъ Богъ не былъ. Смердей взглядъ пуще брани. Мѣха не надуть, а смерда не научить. Холопъ не смердъ, а мужикъ не звѣрь. На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день (крестьянскій выходъ). Вольному воля, а ходячему путь (тоже). Куда голова, туда и животы (тоже). Вотъ тебѣ, бабушка, будетъ Юрьевъ день (угроза раздѣлаться въ Юрьев. день). Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ (намекъ на выходъ крестьянъ оголенными помѣщикомъ). Волкъ — то на волѣ, да и воетъ доволѣ (положеніе перехожихъ крестьянъ въ старое время). Ни кола, ни двора, ни перегороды (перехожіе крестьяне). Наряжается, какъ баба на Юрья (великій праздникъ).

Чей хлѣбъ кушаешь, того и слушаешь (старое *закупничество*). По мужѣ *роба*, по робѣ холопъ (Рус. Пр.). Въ боярскій дворъ ворота широки, да вонъ узки (кабала). Кабала вверхъ ведетъ, а неволя внизъ. Холопское слово — что рогатина (отношенія къ господину). Не роженъ — не сынъ, не куплень — не холопъ. Неволя холопу, а воля господину. Ужъ видѣнъ холопъ: серьга въ ухѣ. Не держи безъ кабалы.

Положеніе старыхъ земскихъ *князей* обрисовывается цѣлымъ рядомъ формулъ и поговорокъ:

Князь щедръ отецъ есть всѣмъ (Дан. Заточн.) Не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близь княжа села (тоже). Плохова князя телята

лижутъ. Коль худъ князь, такъ въ грязь. Тебѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина; быть за одинъ до живота (договоры между князьями). Быти вездѣ за одинъ до своего живота: а кто князю другъ, то и тебѣ другъ, а кто будетъ князю недругъ, то и тебѣ недругъ. Аще кому насъ будетъ обида, то ты прави (П. С. Л II, 22). Кождо да держитъ отчину свою (ib. I, 109). Показывать отъ себя путь князю; быти по волѣ Новгородской; цѣловать крестъ на всей Псковской пошлинѣ; весь порядъ положити съ княземъ (отношенія общины къ князю, — П. С. Л. II, 117; IV, 224, 251). Что пошло князю, а то княже (догов. Новгор. 1265). До Бога высоко, до царя далеко. Царевъ гнѣвъ посолъ смерти. Гдѣ царь, тамъ и орда.

Есть пословицы, намекающія на старыя *вѣча*:

На одномъ вѣчѣ, да не одни рѣчи (требованіе единогласія) Вольнѣе торгу (вѣча) нѣтъ. Площадная рѣчь (мірской приговоръ), что виноватаго сѣчь; площачная рѣчь, что деньги беречь. Новгородцы такали, да Новгородъ и протакали. Разошлась Новгородская власть (вѣче), разошелся и Новгородъ.

Старые *думцы* и *старцы земскіе* также оставили свой слѣдъ въ поговоркахъ и пословицахъ:

Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишенъ будетъ (Дан. Заточн.) Молодъ князь, молода и дума. Первый въ совѣтѣ, первый въ отвѣтѣ. Красота граду старые мужи и честна дума старыми и бѣлыми сѣдинами сущихъ (Ник. лѣт. V, 29). На совѣтъ чужой не ходи; пока позовутъ, погоди. Не спрашивай стараго, а бывалаго (лучшіе мужи, знахори). Гдѣ старья, тамъ и статья (значеніе старцевъ). У семи нянекъ дитя безъ глазу; у семи пастуховъ не стадо (намекъ на «лихолѣтье»—семибоярщину послѣ ц. Васил. Ив.).

Старый *земскій нарядъ* оставилъ по себѣ память въ нѣсколькихъ поговоркахъ:

Не гонись за рядовичемъ, лови атамана. По ватагѣ и атаманъ, по овцамъ пастырь. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. На службу не накупайся. Что намѣтитъ дьякъ, тому и быть такъ. Гряды пахалъ, да въ воеводы попалъ. Умный, что староста губный: всякъ его боится. Худой миръ лучше доброй брани. Миръ стоитъ до рати, а рать до мира (Карамз. II, прим. 227)

Сохранилось также не мало старыхъ пословицъ, относящихся къ *частноправному* быту:

Твой *домъ*—твоя воля. Дома—какъ хочу, а въ людяхъ—какъ велятъ. Хозяинъ въ дому, какъ Авраамъ въ раю.

Мужъ крѣпокъ по женѣ, а жена крѣпка по мужу (ср. Рус. Пр. Кар. сп. 120). Не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ (Дан. Заточн.). Нашего поля прибыло, а вашего поля убыло (намекъ на старую умычку — на игри щахъ въ полѣ, «межю селами»).

Держи деньги въ темнотѣ, а дѣвку въ тѣснотѣ (старое *затворничество*). Всякъ бы про дѣвушку слышалъ, да не всякъ бы ее видѣлъ (тоже). Въ клѣткѣ птицы, а въ теремѣ дѣвицы.

Невѣста родится, а женихъ на конь садится (намекъ на «посаженье на коня»—символъ *принятія въ дружину*). Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не пристанетъ (намекъ на положеніе члена семьи, *выходящаго* изъ нея). Кто старъ, тотъ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ (слова Псков. князя Довмонта къ дружинѣ) Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью.

Братъ не братъ, такъ отдай мой крестъ (*побратимство*).

Чей дворъ, того и хоромы. Чей конь, того и возъ. Чей берегъ, того и рыба. Чья *земля*, того и хлѣбъ (Догов. Новгор. XV в., — Истор. Росс. іерар. Ш, 562). Чья земля, того и городьба. Что взято, то свято (*займище* — право перваго занятія). Куда плугъ, соха и коса (топоръ) ходили (формула опредѣленія *границъ владѣнія*; древ. нѣмец.—wohin pflug und sense gehet; рим.—quo falx et aratеr ierit). Купилъ есмь деревни... со всѣми угодьи, что изстари потягло (опредѣленіе *принадлежностей* имущества).

Дворъ безъ *дѣла* отень всякъ меншему сынови (Рус. Пр. и соврем. пословица). Сестра при братьяхъ не вотчинница.

Како ся будетъ *рядилъ*, на томъ же стоитъ (Рус. Пр.); тако же есть рядъ, яко же рядилъ; чья воля старѣ, та и правѣ (рядъ). Жить по ряду, вести череду. Махнули пола объ полу, ударили рука объ руку. Что сусѣдъ проситъ, то и дай, съ нимъ не рядись. Гдѣ кабалено, тамъ и пито. У кого купишь, тому заплати. Уговоръ паче денегъ. Пословица всему дѣлу порѣшница. Уговорецъ — дѣлу родной братецъ.

По *уголовному праву* можно также указать на нѣсколько формулъ, удержавшихся въ старыхъ памятникахъ, а иногда сохранившихся и въ современныхъ пословицахъ:

Воръ воруетъ, міръ горюетъ (общин. порука). Кинешма да Рѣшма кутятъ да мутятъ, а Сойдогда убытки платитъ (тоже). Третья вина виновата. Десятая вина виновата (отвѣтственность общины). Вора миловать, добраго губить (еще Влад. Св. упрекалъ духовенство за снисходительность). Безъ вины виноватъ. Повинную голову и мечъ не сѣчетъ (упоминается уже въ Москов· памятникахъ). Не всяко лыко въ строку. Всяка вина виновата. Виноватаго кровь—вода, а невиннаго—бѣда. Оже убіетъ мужъ мужа, мстити брату брата и пр. (Рус. Пр.) Мертвый у воротъ не стоитъ, а свое возметъ (намекъ на старыя виры). Въ отперты двери лѣзутъ звѣри (ср. Рус. Пр. Кар. 38, 39 — о татьбѣ скота изъ клѣти). Безъ вины мужа волости не лишати (старыя договор. грамоты князей). А кто преступитъ крестное цѣлованіе, а Богъ ему судья (П. С. Л. I, 97). Оже князь извинить (нарушитъ рядъ подъ присягой) — въ волость, а мужъ — въ голову (ib. 119).

Наконецъ по *суду* сохранилось въ старыхъ актахъ и народной памяти много формулъ, намекающихъ иногда на институты глубокой древности:

Свой судъ короче (самосудъ). Міръ не судья, были-бы сватовья. Не бойся закона, бойся судьи. Законы миротворцы, да судьи крючкотворцы. Судья что плотникъ: что захочетъ, то и вырубитъ. Судить съ обѣ стороны по крестному цѣлованью (смѣстный судъ; соб. г. гр 1, 48). И быти дѣлу дому, какъ третьи приговорятъ. Свои собаки грызутся, а третья не приставай. Братчина судитъ какъ судьи (Пск. с. гр. 113).

Кто купець, пойдетъ въ свое сто, а смердъ пойдетъ въ свой погостъ: тако пошло въ Новгородѣ (подсудность; догов. Новг. 1305). Гдѣ орудье почнеть, ту его и концать (собр. гр. 1, 23). Судомъ потянути по землѣ и по водѣ (ib. 48, 169). Судомъ потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ (ib. 76). Татя гдѣ имутъ, тутo судятъ (ib. 173). Гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати (Рус. Лив. ак. 9). Въ которой волости человѣкъ извиниться, ту ему правда дати (ib. 13).

Кому съ кимъ *тяжа*, судъ дати безъ перевода (ib. 13). Судъ вѣдать по старинѣ (Новг. с. гр 2, 3). Судить имъ право (въ правду) по крестному цѣлованью; судомъ не мститись, не отчитись (не дружить); безъ исправы человѣка не погубити (Пск. с. гр. 3; Новг. с. гр. 1, 9, 27 и пр.).

Кто купилъ, а тый знаетъ своего *истца* (соб г. гр. I, 6). Звать истцу истца (Пск. с. гр. 13). Богъ любитъ праведника, а судья ябедника (ср. Рус. Пр. Ак. 1).

Промиловался еси, оже еси не ставилъ *послуховъ* (Р. Пр.) Холопу на правду не вылазити (ib). Холопъ на холопа послухъ. Знайку на судъ ведутъ. Легко воровать, какъ семеро норовятъ (намекъ на 7-ное число послуховъ—очистниковъ).

Жельза (ордаліи) и змѣя боится. Правда тяжеле золота, а на *водѣ* (тоже) всплываетъ. Въ *полѣ* (поединкѣ) двѣ воли, кому Богъ поможетъ. Лежачаго (на поединкѣ) не бьютъ.

Суженаго не посуживать Рѣшено-вершено. Грамотъ не посуживати (Пск. с. гр).

Кромѣ пословицъ, начала обычнаго права выражаются также въ другихъ памятникахъ чисто-народнаго творчества. Таковы старыя славянскія *вѣщбы*, *пѣсни*, *былины* и *сказанія*, дающія нерѣдко драгоцѣнныя указанія на правовые институты глубокой старины. По вѣрному замѣчанію историковъ, въ первычныхъ обществахъ замѣчается удивительная цѣльность всего быта и воззрѣній народныхъ. «Языкъ, миѳологія, поэзія, право, нравы, обычаи, стоятъ въ самой тѣсной, неразрывной связи между собою. Поэзія была для народа эпохи первобытной выраженіемъ, не только миѳа и языческаго обряда, но и судебнаго порядка; потому у римлянъ carmen имѣло значеніе судебнаго

изрѣченія, закона; точно также и славянская вѣщба, кромѣ чарованій и поэзіи, имѣла смыслъ и юридическій... Народная поэзія—это тѣ-же лѣтописи, только не записанныя, а пропѣтыя. Иное въ ней сказывается новизною, иное содержитъ остатки глубокой древности Въ народной поэзіи наглядно выражается то причудливое наслоеніе историческихъ слѣдовъ разныхъ временъ и разныхъ поколѣній, изъ котораго органически слагается всякая народность» [1]). Дѣйствительно, народъ, стоящій на низкихъ ступеняхъ развитія, не выросшій еще изъ патріархальныхъ формъ жизни, всякое проявленіе мысли формулируетъ въ поэтическомъ созерцаніи,—пѣсней, сказаніемъ, легендой передаетъ свои вѣрованія и воззрѣнія на память другимъ поколѣніямъ. Недаромъ народная пословица гласитъ: «пѣсня былъ». Въ этихъ-то пѣсняхъ, былинахъ и сказаніяхъ проглядываетъ высказанная въ поэтической формѣ народная мысль о правѣ, религіи и пр. У славянъ доселѣ удержались подобныя «живыя лѣтописи»—вѣщбы, пѣсни, былины, легенды и сказанія, служащія очень важнымъ источникомъ для изученія общественнаго и частнаго быта древнихъ славянъ [2]). Вѣщбы упоминаются часто въ древнихъ чешскихъ легендахъ, у Далемила, Ститнаго и др., въ такомъ же смыслѣ, какъ и римское carmen или скандин руны, серб. вјештина (знаніе) и пр. Вѣщба (отъ vetiti, вѣщать, говорить) [3]) означаетъ вообще вѣщаніе, прорицаніе, просто сказаніе, пѣснь, затѣмъ и спеціально — сказаніе «знатоковъ права» (вѣщихъ людей, см. ниже),—словомъ, вѣщба употреблялась не только въ смыслѣ чарованія и поэзіи, но имѣла и юридическій смыслъ [4]). Образцы старыхъ славянскихъ вѣщбъ можно видѣть въ древнѣйшихъ былинахъ, легендахъ и пѣсняхъ сербскихъ, хорватскихъ, русскихъ и пр. Многіе изъ такихъ памятниковъ безспорно должны быть причислены къ числу важнѣйшихъ актовъ чисто народнаго творчества, рисующихъ нерѣдко въ яркихъ краскахъ древнѣйшій общественный бытъ славянъ. Наши старыя былины даютъ, напримѣръ, ясные намеки на слѣды института «материнства» (матернитета, Mutterrecht) въ быту богатырей Владимірова цикла [5]). Есть также не мало старыхъ сербскихъ пѣсень,

---

[1]) Буслаева Историч. очерки рус. нар. словесн. и искусст I, 1, 6; его же Сравнит. изуч. народ. быта (Рус. Вѣст. 1872. Окт., 713). Ср. также J Grimm Poesie im Recht (Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissensch. Bd. 2); Maciejowski Hist. prawod. Slowian. I, 121; Иречек Slov. pr. I, 152; Das Recht im Böhm. I, 43.

[2]) Таковы, наприм., пѣсни, собранныя Караджичемъ и др.

[3]) Mater Verborum глоссируетъ вѣщбу—vaticinia.

[4]) См. Šafarik u. Palacki die ält. Denkmäler d. böhm. Sprache, 97; Иречка Sl. pr., I, 152; Recht in Bohm. I, 44; Аванасьева Поэтич. воззр. Славянъ I. 405 послѣд.; Мацѣевскаго Hist. I, 121; Снегирева Русскіе въ своихъ пословицахъ I 23

[5]) См. Буслаева Сравнит. изученіе народнаго быта (Рус. Вѣстн. 1872. Окт., 704–708).

затрогивающихъ нерѣдко очень важные вопросы по древнему славянскому праву. Наприм., пѣсня «на просидби» говоритъ о старомъ обычаѣ умычки невѣсть «силом», чрезъ «уводника»; пѣсня: «Бајо Пивлянинъ» и «Перович Батрич»—объ обычаѣ мести съ религіознымъ характеромъ (вмѣсто: «отмстить за убитаго», говорится въ пѣсняхъ: «осветити душу убитаго»), также о денежныхъ выкупахъ, дававшихся по обычаю отместнику, и пр. [1]). Былины въ особенности заключаютъ богатый *миѳологическій* матеріалъ, представляющій также не мало данныхъ для познаванія раннихъ формъ общественныхъ отношеній. Миѳологическія данныя, какъ извѣстно, не ограничиваются только религіозными представленіями и понятіями: миѳы—вообще способъ пониманія вещей, первычная форма мыслить и выражаться, и потому большая часть миѳовъ—болѣе или менѣе удачное толкованіе представленій первычныхъ людей объ окружающихъ явленіяхъ, въ особенности объ идеальномъ мірѣ, жизни высшихъ духовъ и пр. Народныя вѣрованія переносили въ область миѳологіи тѣ же общественныя отношенія, которыя первичные люди видѣли въ своей дѣйствительности, — по этимъ вѣрованіямъ жизнь высшихъ существъ (боговъ) построялась по образцамъ и формамъ человѣческой жизни. Понятно отсюда, на сколько важны для древней исторіи права различныхъ арійскихъ народовъ тѣ указанія миѳологіи, какія она даетъ, наприм., касательно семейныхъ отношеній, существовавшихъ въ быту боговъ по миѳологическимъ представленіямъ славянъ и другихъ арійскихъ племенъ,—о пещерномъ и пастушескомъ бытѣ веддійскихъ боговъ и т. п. Но какъ и въ дѣлѣ пользованія лингвистическими данными, примѣненіе данныхъ миѳологической древности къ цѣлямъ исторіи права требуетъ большой осторожности. «Не всегда легкое разграниченіе въ миѳологическихъ сказаніяхъ, съ одной стороны—области поэтическаго воспроизведенія дѣйствительности, съ другой—фантастическихъ вымысловъ, составляетъ причину невѣрности многихъ заключеній, полученныхъ путемъ односторонняго примѣненія этого метода, безъ достаточной провѣрки ихъ методомъ историко-сравнительнымъ» [2]).

Обычное право затѣмъ выражается въ правовыхъ дѣйствіяхъ и нормахъ, констатируемыхъ старыми «*пошлинными*» *уставами* и сборниками (Рус. Прав., Псковская и другія грамоты), *лѣтописями* [3]) и другими однородными источни-

---

[1]) См. Вука Караджича Српске Народне пјесме I, 2; III, 215, 465.

[2]) См. «Юрид. Вѣстн.» 1878 № I, 20. Объясненіе данныхъ славянской миѳологіи примѣнительно къ исторіи древней культуры славянъ см Буслаева «Сравнит. изученіе народн. быта» («Рус. Вѣстн.» 1872, Окт.); Аѳанасьева поэтич. воззрѣнія славянъ на природу. Ср. также труды по сравнит. миѳологіи: M. Muller Essais s. Mythologie comparée; Вс. Миллера Очерки арійской миѳологіи, 1876 и др.

[3]) Въ старое время княжескихъ «усобицъ» земской (до-московской) эпохи лѣтописи имѣли, между прочимъ, значеніе оффиціальныхъ источниковъ для опредѣленія правъ князей на столы. Въ 1432 г. вел. князь Василій Васильевичъ велъ въ Ордѣ споръ съ кня-

ками, также *показаніями свѣдущихъ лицъ*, выросшихъ и постоянно живущихъ въ той средѣ, гдѣ дѣйствуетъ обычай (показанія старцевъ, знатоковъ права,—см. ниже объ органахъ обычнаго права), наконецъ, судебными актами и актами юридическихъ сдѣлокъ, въ которыхъ данныя сдѣлки и дѣйствія совершаются согласно съ существующими обычно-правовыми нормами [1]).

III. Къ третьей группѣ терминовъ, обозначающихъ по старымъ памятникамъ обычное право, относятся: *законъ*, *поконъ*, *уставъ* и *урокъ*. «Обычай» и «пошлина» обозначаютъ, какъ правовые, такъ и простые этнографическіе обычаи, разсматривающіеся со стороны ихъ образованія или же дѣйствія. «Законъ» и другіе приведенные выше термины спеціально указываютъ на *правовой обычай*, въ смыслѣ «мірскаго устава», опредѣлявшаго общій земскій порядокъ, обязательную для всѣхъ норму, или границу, предѣлъ между правдой и кривдой.

По словамъ Константина Порфиророднаго, древніе славяне имѣли свои «законы» (ἔθος καὶ ζάκανον [2]). «Законъ» (zakon) знаютъ историческіе и юридическіе памятники всѣхъ южныхъ и западныхъ славянъ именно въ смыслѣ правовой нормы. Этотъ терминъ доселѣ удерживается въ особенности въ правѣ южныхъ славянъ [3]). У насъ о законѣ говорятъ: начальная лѣтопись (имяху бо обычаи свои и законъ отець своихъ,—П. С. Л. I, 6), договоры съ греками (уставъ, поконъ и законъ русскій), Русская Правда (вирные законы) и позднѣйшіе памятники.

Весь вопросъ сводится къ тому, какъ понимали законъ въ старое время,—такъ ли, какъ теперь, т. е. въ значеніи нормы, установляемой законодательной властію, или же закону давалось одинаковое значеніе съ обычаемъ?

Вопросъ этотъ рѣшается различно. Многіе изслѣдователи, смотря на дѣло глазами своего времени, склонны вообще «видѣть въ прошломъ тѣже явленія, къ которымъ привыкли и въ окружающей ихъ дѣйствительности» (Сергѣевича Изслѣд 90). Еще изслѣдователи прошлаго вѣка полагали, что законы въ на-

---

земъ Юрьемъ Дмитріевичемъ: «князь великій по отчеству и по дѣдству искаше стола своего, князь же Юрьи *лѣтописци* и старыми списки и духовною отца своего». См. П. С. Л. VIII, 96. О значеніи лѣтописей и другихъ однородныхъ источниковъ распознаванія обычнаго права см. Буданова замѣтку въ «Обзорѣ» I, 63.

[1]) Объ этихъ источникахъ распознаванія обычнаго права см. мою статью—«о разработкѣ обычнаго права», въ Журн. Мин. Пр. 1878 г., т. 198, стр. 155 — 158, 172—177. См. также Сергѣевича Изслѣд , 96; Буданова Обзоръ, I. 63.

[2]) Const. Porphir. De adm. Imp., cap. 38, стр. 170.

[3]) Законъ Винодольскій, zakoni grada Zagreba и пр. Терминъ «законъ» заимствованъ у славянъ албанцами; онъ извѣстенъ также литовцамъ—zokanas, mos. См. Мацѣевъ. Hist. prawod. I, 122; Иречка Sl. pr. I, 144, 150; мое Хорв.—далм. зак. 63 и пр.; Miklos. Lex., Караджк. и Данич. Rjечн. s. v. «законъ»

стоящемъ смыслѣ издавна были у славянъ и что у насъ, наприм., Русская Правда существовала «за нѣсколько вѣковъ» до Ярослава [1]). Раковецкій прямо настаиваетъ на древнихъ обще славянскихъ писанныхъ законахъ, собранныхъ въ одномъ кодексѣ, подобномъ Ведамъ или Зендъ Авестѣ (см. Prawda Ruska I, 115, 131, 243). Мацеювскій точно также полагаетъ, что Несторъ говоритъ не только объ обычаяхъ, но и законахъ, сохранявшихся письменно: законы Рус. Правды могли дѣйствовать уже во время договоровъ съ греками (Hist. prawod. I. 122). И позднѣйшіе изслѣдователи видятъ въ «законахъ» греческихъ договоровъ, или прямое указаніе на Рус Правду, которая могла уже существовать въ то время (Тобинъ), или же вообще различаютъ законъ лѣтописей и договоровъ X в. отъ обычая и «покона» въ такомъ же смыслѣ, какъ lex отъ consuetudo (см. Срезневскаго о договорахъ Руссовъ съ Греками, въ Извѣст. Ак. наукъ, III, 282). Того же воззрѣнія держатся и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ — юристовъ [2]).

По другому воззрѣнію, законъ въ старину означалъ тоже, что и обычай. Въ этомъ смыслѣ древнимъ славянскимъ «законамъ» вполнѣ соотвѣтствуютъ на Западѣ средневѣковые «leges populares или leg. barbarorum»; какъ въ старыхъ славянскихъ памятникахъ дѣлались ссылки на «законы», такъ и въ средневѣковыхъ сборникахъ законовъ франкскихъ и германскихъ постоянно встрѣчаемъ ссылки на старые leges (наприм. lex Salica); но ссылки эти имѣли въ виду собственно не законы, а живые обычаи, послужившіе матеріаломъ для самихъ сборниковъ, но не вполнѣ въ нихъ исчерпанные. Въ средніе вѣка lex понимали не только въ смыслѣ римскаго писаннаго закона, но и обычая — consuetudo (отсюда «lex consuetudinis) [3]) Въ такомъ именно смыслѣ понимаютъ

---

[1]) См. предислов. къ «Рус. Правдѣ», издан. любителями отеч. исторіи 1799. См. также Эмина исторію и пр.

[2]) См. Шпилевскаго объ источникахъ рус. права, 4; ср. его же Союзъ родств. защиты, 60. Первоначально того-же воззрѣнія держался и Будановъ—Владимірскій. Въ своихъ глоссахъ къ статьямъ греч. договоровъ Будановъ приводитъ противоположеніе, дѣлаемое Срезневскимъ между закономъ въ смыслѣ lex и покономъ въ смыслѣ consuetudo (ἔθος), и затѣмъ прибавляетъ: «въ 6 ст. Игорева договора упоминаются «уставъ и законъ» русскій въ смыслѣ уголовнаго закона, чтб *еще рѣшительнѣе указываетъ на существованіе закона какъ* lex; но въ какой формѣ могъ существовать этотъ законъ, догадаться трудно» (Христом. I, 9). Въ «Обзорѣ ист. рус. пр.» уже не дѣлается различія между обычаемъ, закономъ и покономъ (I, 62).

[3]) По словамъ Цёпфля, «man verstand nämlich im Mittelalter, abweichend von dem romischen Sprachgebrauche, unter «Lex» überhaupt jede schriftliche Rechtsaufzeichnung, selbst wenn sie nur Gewohnheitsrecht enthielt; auch wurde sogar häufig das nicht aufgeschriebene Gewohnheitsrecht als Lex bezeichnet» (см. Zopfl Deut. Rechtsgeschichte, 9; ср. Laspeyres, über d. Entstehung d. Libri Feudorum, 208; Pardessus, La loi Salique и пр.

западные глоссаторы значеніе славянскаго «ζάκανον» Константина Порфиророднаго, впервые сообщившаго свѣдѣнія о славянскихъ законахъ. «καὶ ὅτε ποιήσουσιν οἱ Παζινακῖται πρὸς τὸν βασιλικὸν τοὺς ὅρκους κατὰ τὸ ζάκανα αὐτῶν (De Thematibus et de administrando imperio cap 8. стр. 73); ὃν καὶ ἄρχοντα κατὰ τὸ τῶν χαζάρων ἔθος καὶ ζάκανον (въ латин. переводѣ—more ac consuetudine) πεποιήκασι» (ib. cap. 38, стр 170). Бандури, въ своихъ «Animadversiones in Const. Porph. lib. de adm. imp.», говоритъ, что подъ выраженіемъ ζάκανον» нужно разумѣть законъ, какъ писанный, такъ и не писанный, — lex et consuetudo [1]). Точно также по глоссѣ Дюканжа, ζάκανον — lex, mos receptus, vox barbarica (Ducangii Gloss. med. graec., s vocе ζάκανον). Тоже возрѣніе на значеніе термина «законъ» усвоено историками права славянъ южныхъ и западныхъ Крестичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Душановомъ Законникѣ, приходитъ къ тому заключенію, что главнымъ источникомъ этого сборника древнихъ сербскихъ законовъ послужили старые славянскіе «законы», подъ которыми разумѣлись въ старину у всѣхъ славянъ народные обычаи (см. «Разматрања Душан. Закон», въ Гласникѣ VI, 94) [2]). У насъ еще Эверсъ, въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о древнемъ русскомъ правѣ, полагалъ, что славяне жили по обычаямъ предковъ и первоначально вовсе не знали законовъ (Древ. рус. пр. 5, 7. 12, 15). Въ 40-хъ годахъ Снегиревъ указывалъ на то, что Несторъ называетъ обычаи и преданья «законами отецъ» (Русскіе въ своихъ пословицахъ. III, 8). По мнѣнію проф. Дювернуа, «въ языкѣ лѣтописи слово законъ употребляется иногда въ смыслѣ закона отцовъ и дѣдовъ, иногда въ смыслѣ закона Божьяго. Позже, для понятія о правѣ, которое возникло не изъ личной чьей либо воли, а составляетъ исконный порядокъ, древній языкъ употребляетъ слово пошлина

Lex въ средневѣковыхъ источникахъ имѣлъ и другія значенія: закона священнаго, церковнаго (das alte Testament) и римскаго права. По коренному своему генезису, «lex» совпадаетъ съ «jus» (отъ ju, jug—соединять)—отъ корня lag, lig — связывать, ligare; въ этомъ смыслѣ lex, какъ и jus, является связующимъ началомъ въ общежитіи, совпадаетъ съ понятіемъ pactum, foedus, др.-нѣм. Ewa и Reht(Recht), слав. редь (см.ниже). Таковъ-же коренной смыслъ сканд. lagh (обычай). См. Ascoli въ Zeitschrf. vergl. Sprachvorsch. v. Kuhn, XVII, 256; Brugmann, въ Studien f. griech. lat. gramm v. Curtius, VII, 308. Corssen Ueb. Aussprache I. 444 Принимаютъ также другой корень lex—leg, lag– лежать, упрочивать, полагать, утверждать; въ такомъ смыслѣ lex совпадаетъ съ нѣм. Gewohnheit или слав. «обычай»—что «бытуется», принято въ жизни за норму (см. Bugge въ Studien v. Curtius, IY, 205; Curtius Grundzüge d. griech Etymol. 367).

[1]) «Τὰ ξάκανα — vox Illyrica corrupte scripta, uti passim apud Graecos recentiores voces occurunt alienigenae corruptae: *sakon* quippe in singulari numero, seu ut nostrates scribunt sakon vel sacon, legem significat tam scriptam quam non scriptam, hoc est legem et consuetudinem; et in plurali zakona seu sacona—leges et consuetudines. См. Banduri «Animadversiones», стр. 307.

[2]) Ср. также Иречка Slov. pr. I, 144.

или старая пошлина» (Источники, 29). Весьма метко опредѣляется значеніе «закона» въ «Изслѣдованіяхъ» проф. Сергѣевича. По его словамъ, «очень трудно думать, чтобы съ X уже вѣка у насъ существовала опредѣленная законодательная власть, которая творила право по своему усмотрѣнію». Слово законъ «означаетъ тѣже обычаи. Нашъ начальный лѣтописецъ упоминаетъ не одни только законы отцевъ, но и обычаи отцевъ. Слова: законы и обычаи замѣняютъ у него одно другое Преданія, идущія отъ отцовъ, онъ безъ различія называетъ то обычаями, то законами. Эти законы и обычаи имѣютъ у него одинъ и тотъ же источникъ: дѣятельность отцовъ Все мѣсто лѣтописи, въ которомъ встрѣчаются эти слова, представляетъ образчикъ столь свойственнаго древнему языку многословія. Въ своемъ описаніи внутренняго быта славянскихъ племенъ, лѣтописецъ подъ рядъ, безъ всякаго различія, говоритъ о нравахъ славянъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, объ образѣ ихъ жизни, о пищѣ, о юридическихъ обычаяхъ (порядокъ брака) и, наконецъ, о религіозныхъ обрядахъ. Онъ передаетъ все, что извѣстно о бытѣ славянъ, но безъ всякаго обособленія внѣшней обстановки жизни отъ нравовъ и юридическихъ обычаевъ, а этихъ послѣднихъ отъ религіозныхъ обрядовъ. Всѣ собранныя имъ черты суть для него одинаково обычаи, законы отцовъ и преданья. Можно ли, при такомъ смѣшеніи нравовъ, права и религіи, думать, что въ области права онъ различаетъ уже обычай отъ закона и въ томъ именно смыслѣ, какъ можемъ различать ихъ мы»? Затѣмъ, «законъ и поконъ» договора Олега съ греками «такъ-же нѣтъ никакого основанія понимать въ смыслѣ противоположенія закона обычаю (по Срезневскому). Если примемъ такое противоположеніе, то придемъ къ невозможному выводу,—что въ X вѣкѣ, кромѣ народныхъ языческихъ обычаевъ, было еще языческое религіозное законодательство. Предположеніе совершенно невѣроятное» (Изслѣд. 91—93).

Вѣрность изложенной формулы закона въ смыслѣ народнаго обычая рѣшительно подтверждается массой данныхъ, находимыхъ въ памятникахъ старой славянской письменности.

Въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ не дѣлается никакого различія между обычаемъ, нравомъ и закономъ: это понятія совершенно тождественныя. Въ грамотѣ конца XII в. (1198), данной Сербскимъ великимъ жупаномъ Стефаномъ Неманей Хиландарскому монастырю, находимъ такое же многословіе и повтореніе однозначащихъ выраженій, какъ и въ начальной нашей лѣтописи: «и когожде езика раздѣливь и законь давь и нравы уставы и владыкы надь ними по нравоу и по законоу раставль своею прѣмоудростию» (Miklos. Mon., 4) [1]. Доселѣ законъ у сербовъ означаетъ не только lex и

[1]) Въ смыслѣ обычая законъ встрѣчается во многихъ сербскихъ актахъ стараго времени: «да нась узьдьржишь у всѣхъ добрѣхь старѣхь законехь» (Пуцичъ Спомен. 11);

religio, но и mos, Sitte; въ послѣднемъ значеніи этотъ терминъ употребляется въ народныхъ пѣсняхъ у южныхъ славянъ [2]). Тоже значеніе дается закону въ старыхъ хорватскихъ уставахъ и статутахъ [1]). Въ нашей начальной лѣтописи законъ употребляется въ общемъ значеніи народныхъ правовъ и обычаевъ: «яложе се и при насъ нынѣ Половци *законъ* держать отець своихъ — кровь проливати... ядуще мертвечину и *ина обычаи* отець своихъ творять» (П. С. Л. I, 7). Тоже самое словоупотребленіе находимъ и въ позднѣйшихъ историческихъ актахъ. Въ грамотѣ (1395 г.) митрополита Кипріана Псковичамъ «правилу» (церковному закону) противополагается «законъ», какъ мірской обычай, Псковская пошлина: предлагая Пскову отвергнуть приписки, сдѣланныя владыкою Діонисіемъ къ грамотѣ в. князя Александра противно «Псковскимъ пошлинамъ», митрополитъ говоритъ «Денисей не свое дѣло дѣлалъ, не по закону (т. е. Псков. пошлинѣ) и не по правиламъ» (церковнымъ) (А. Ю. I, 10). Любопытное опредѣленіе обычая и закона даетъ Стоглавъ «въ коеждо убо странѣ законъ и отчина, а не приходятъ другъ ко друзей, но своего обычая кійждо законъ держитъ» (гл. 39); «обычай земли есть неписан законъ земскій; обычай инъ законъ» (гл. 42). Въ первой формулѣ законъ именно означаетъ правило, основанное на обычаѣ. Доселѣ въ общежитіи народъ называетъ свои обычаи предковскими законами (Соловьева очеркъ нравовъ, обыч. и религіи славянъ, въ Архивѣ Калачова 1850, I, 45). Изстари «законъ» выводился изъ одного источника съ обычаемъ — изъ дѣяній «отецъ своихъ», — воззрѣніе, встрѣчающееся не только въ начальной лѣтописи (П. С. Л. I, 6, 7), но и въ позднѣйшихъ

«да имь се не пометаю добри закони» (ib. 2); «да ихь уздьрже у добрѣхь увѣтехь и законехь, како су прьво были» (ib. 110); «овѣмзи увѣтомь и закономь и начиномь» (Mikl. Mon. 188).

[1]) Караджичъ (Рјечн., 177) приводитъ слѣдующую сербскую пѣсню, въ которой законъ употребленъ въ смыслѣ обычая:

«Остави нам колу дара, *закон* ти је —
Сарајево огњем изгорјело!
Што у тебе зли *закон* постаде:
Да се љубе буле удовице,
Остављају лијепе дјевојке —
Наша невјесто, зла ти вечера!
Тога *закона* нема овдјенак».

[2]) Уставы Винодольской и Вепринской общинъ называются «законъ Винодольскій» «zakon» общины Вепринской—въ смыслѣ сборника обычаевъ Винодола и Вепринца; въ такомъ-же смыслѣ «законники» Загреба, Каствы и другихъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ, также серб. «Законникъ» Душана, называются законами. Въ Полицкомъ Статутѣ обычай постоянно называется закономъ: «хоте стари законъ»; «есть стари законъ»,—«то е био стари законъ» законъ—обычай отличается отъ «повала, разлогь, одлука, наредба» и пр. См. мое Хорв.-дальм. зак. 63; Буданова Неиздан. зак. юго-зап. слав. (Ж. М. Пр. 1881, т. 214, стр. 93).

историческихъ актахъ. Въ увѣщательной грамотѣ (1468 г.) Новгородцамъ, желавшимъ поддаться польскому королю, митрополитъ Филиппъ упрекаетъ ихъ въ забвеніи старыхъ Новгородскихъ обычаевъ, въ такихъ выраженіяхъ. «забывающе великую вашу старину и закона отець своихъ и дѣдовъ своихъ и прадѣдовъ» (Собр. гос. гр. I, 22)

Указаніе Раковецкаго на параллель между древне-славянскими «досками» (книгами) и арійскими ведами и авестами нисколько не можетъ служить подтвержденіемъ мысли о существованіи у древнихъ арійцевъ и славянъ законовъ въ собственномъ смыслѣ. Въ основаніи ведъ (какъ и римскихъ XII таблицъ, монголь ясъ и писаницъ и пр.) лежали исключительно старые родовые обычаи: ни древнимъ арійцамъ, ни средневѣковымъ франкамъ, германцамъ и славянамъ не были еще извѣстны законы, не было и законодателей въ нашемъ смыслѣ слова. Какъ будетъ сказано ниже, сборники «законовъ» въ старое время вездѣ составлялись одинаково: »старцы» и вѣщатели права («вѣщіе», т. е. свѣдущіе люди, «знахори») у всѣхъ арійскихъ народовъ лишь собирали и записывали старые обычаи, но не творили законовъ по своему усмотрѣнію, помимо обычнаго права Въ этомъ смыслѣ и нужно понимать слова Массуди (943—957 г.) и другихъ арабскихъ писателей X вѣка о томъ, что славяне не повинуются законамъ: «Slaves n'obéissent á aucune loi révélée... n'on point d'idée des lois». (См. Charmoy, 308; Frahn, 51).

Начальная наша лѣтопись даетъ понятіе о законѣ, какъ о нормѣ, повидимому, отличной отъ обычая. Называя народные обычаи и преданья «закономъ отецъ своихъ», Несторъ въ тоже время говоритъ: «комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай (П. С. Л. I, 6) [1]); хотя и здѣсь едва ли еще можно видѣть прямое указаніе на законъ, издаваемый законодателемъ по своему личному усмотрѣнію. Какъ кажется, въ приведенной цитатѣ лѣтописи выражается лишь та мысль, что у однихъ народовъ дѣйствующіе обычаи сохраняются путемъ устнаго преданья (собственно обычая), у другихъ же они были и записаны.

По вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, первый путь къ новому словоупотребленію закона (какъ собственно lex) проложило знакомство русскихъ людей съ греческими кормчими и другими переводными памятниками греческой письменности. Греческій νόμος не подходилъ подъ понятіе обычая, ибо греческое право вносило новыя начала, къ которымъ у насъ не было привычки; «законъ» не представлялъ такого неудобства, — имъ и стали переводить греческій νό-

[1]) Будановъ видитъ здѣсь прямое «различіе между закономъ *собственно* и обычаемъ». См. Обзоръ I, 62.

mos [1]). Точно также къ «уставной» дѣятельности князей, первоначально основанной на пошлинахъ, долго не примѣнялось названіе закона [2]). Лишь въ пору позднѣйшей, болѣе самостоятельной указной дѣятельности князей стали постепенно слагаться въ народной памяти понятія о законѣ въ настоящемъ смыслѣ, что и выразилось въ цѣломъ рядѣ новыхъ пословицъ о законѣ и законникахъ. Оффиціальныя названія грамотъ и пр. стали терять въ народѣ старое значеніе,—онъ и указную дѣятельность князей и царей, подобно церковнымъ правиламъ, сталъ въ своихъ поговоркахъ и пословицахъ окрещивать «закономъ». Такова лѣтописная поговорка: «идѣже законъ, ту и обидъ много» [3]),—поговорка, рѣзко высказывающая протестъ противъ закона, какъ новой формы права, шедшей въ разрѣзъ съ обычаемъ. Послѣдній вездѣ, у всѣхъ славянъ, считался народной святыней, истинной «правдой», квалифицировался эпитетами «добрыхъ, почтенныхъ, старыхъ, красныхъ» обычаевъ и законовъ. Старый сербъ не даромъ говорилъ: «боље је да село пропадне, него у селу обичај». Напротивъ законъ (въ смыслѣ lex), по народному воззрѣнію, граничитъ съ обидой, кривдой, новиной, нарушающей «правду», и пр. Вотъ рядъ народныхъ пословицъ, однородныхъ съ приведенной выше лѣтописной поговоркой гдѣ законъ, тамъ и преступленіе; строгій законъ виновныхъ творитъ; не будь закона, не стало бъ и грѣха; хоть бы всѣ законы пропали, только бы люди правдой жили; законъ что паутина: шмель проскочитъ, а муха увязнетъ; законъ дышло: куда захочешь, туда и воротишь, и пр. [4]).

---

[1]) См. Изслѣд. 93. Наприм., въ одномъ актѣ 1414 г. «закономъ» названы церк. уставы въ отличіе отъ обычая: «и по давному обычаю и закону укрѣплено быть единой митрополіи быти во всей русской церкви» А И I, 27. Въ Псков. судн. грамотѣ отъ пошлины отличаются «*строки*»—отдѣльныя статьи грамоты; см также грамоту 1447 г.: «а сія *строки* написана у васъ въ обоихъ грамотахъ»—докончальной и перемирной (А. И I. 78).

[2]) Даже въ царскую эпоху продукты законодательной дѣятельности по старому оффиціально назывались грамотами, уложеніями и пр.; законами продолжали называться по преимуществу народные обычаи. Самое понятіе московскихъ царей о своей законодательной дѣятельности еще весьма не опредѣлилось и цари въ своихъ «указахъ» и уставахъ всегда стараются опереться на обычай (См. Сергѣевича Изсл. 93)

[3]) См. Карамз. Ист. III, пр. 172. Приведенная пословица высказана лѣтописцемъ при описаніи неурядицы въ княжемъ нарядѣ при Андреѣ Боголюбскомъ. Снегиревъ не безъ основанія относитъ эту пословицу къ заимствованнымъ изъ памятниковъ классической письменности: «summum jus, summa injuria» (de officiis Цицерона), «summum jus, summa malitia» (у Теренція К.). См. Снегирева Рус. въ своихъ пословиц. I. 93

[4]) У славянъ западныхъ и южныхъ находимъ такія-же пословицы: Vrch práva, vrch krivdy (strenge Recht, gewiss Urrecht); holé prisne právo, holé bespráví: sto vise zakona, to vise prestupljenia; strozji zakoni, to ise krivaca; práva jak pavucina, brouk se probije, a na muchu vina; ustawy jako pajęczyna, mucha ulgnie, bąk ją przebije.

Законъ давалъ обычно — правовымъ началамъ, какъ строго юридическое содержаніе, такъ и необходимую санкцію въ смыслѣ обязательныхъ для всѣхъ нормъ права. Касательно генезиса и внутренняго значенія закона – обычая установились довольно точныя воззрѣнія въ нашей историко-юридической литературѣ. Бар. Розенкампфъ и другіе изслѣдователи [1]) сближаютъ слово «законъ» съ *конъ*—начало, граница, предѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ міръ, община. Подобно тому, какъ въ старыхъ скандинавскихъ памятникахъ «lagh» означалъ міръ или общество и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовавшіе въ немъ обычаи, такъ и въ славянскихъ памятникахъ слово «конъ» значило то и другое Отсюда и «законъ» означалъ порядокъ, принятый и санкціонированный міромъ, и въ этомъ смыслѣ законъ приравнивался вообще къ мірскому или земскому обычаю. Въ общинѣ (мірѣ-конѣ), на которой въ слабо слагающемся государствѣ, главнымъ образомъ, опиралась охрана личности и собственности, «должна была первоначально опредѣляться и мѣра права и способъ его защиты дѣлъ всякаго ея члена» [2]). По объясненію проф. Сергѣевича, «слово законъ происходитъ отъ кона; конъ означаетъ начало, а вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ, границу. Отсюда въ словѣ законъ полагается граница человѣческой дѣятельности, или свободѣ; законъ есть тотъ порядокъ, которому человѣкъ долженъ подчиняться въ своихъ дѣйствіяхъ Но и обычай есть тоже порядокъ, подчиненіе которому обязательно; а потому обычное право представляется уму со всѣми признаками закона и можетъ быть названо закономъ» [3]). Обѣ глоссы «закона», въ существѣ вещи, не противорѣчатъ одна другой, а лишь взаимно восполняютъ себя: первое воззрѣніе (законъ — установленіе міра) указываетъ на генезисъ понятія закона, второе (законъ—обязательный для всѣхъ порядокъ, или предѣлъ человѣч. дѣятельности) опредѣляетъ юридическое содержаніе закона.

Изложенное ученіе о генезисѣ закона и о связи его съ кономъ—міромъ вполнѣ подтверждается данными сравнительнаго языкознанія, указывающими на аналогическое словоупотребленіе соотвѣтственныхъ терминовъ въ языкахъ славянъ и другихъ арійскихъ народовъ. Корень славян. «законъ» и «конъ»—*ga*, *gan*—начинать, рождать, производить, происходить и пр. Отсюда рядъ производныхъ: а) въ общемъ значеніи начала, какъ и предѣла, конца, — напр. др. герм. kanî, и б) скр. gana, ganas—семья, родъ, народъ и пр.; лат. gens; ирл. ginel, cinéal, cine; кимвр. cenel; гот. kuni; др. герм. gau—съ одинаковымъ зна-

---

[1]) См. Розенк. Обозр. Кормчей, изд. 2-е, 249; Карамз. Ист. II, прим. 88; Раковецк. Prawd. Rus. I, 112; II, 133, прим. 38; Попова Рус. Правда въ отнош. къ угол. праву, 100; Дювернуа Источники, 29.

[2]) См. Дювернуа, 29.

[3]) Сергѣевича Изслѣд., 92. Ср. также Смегирева Рус. въ своихъ послов. III, 7: законъ ставится въ связь съ конъ—начало, предѣлъ, конецъ.

ченіемъ рода, позже общины, расы и пр. [1]). Таково же коренное значеніе и славянскаго «кона»—начала и предѣла съ одной стороны и міра—общины съ другой. По славянскимъ памятникамъ, «конъ» означаетъ initium, ἀρχή—начало и конецъ, глава, граница и предѣлъ, а по русскимъ памятникамъ, кромѣ того, міръ, община [2]).

Отъ того же корня «gan» происходитъ другое славянское выраженіе «*поконъ*», равнозначительный съ закономъ и конемъ. У южныхъ славянъ «поконъ» означаетъ ἀρχή, initium; сербо-хорв. «поконьникъ» (ἀρχηγός, dux) указываетъ на конъ—общину (см. Mikl. Lex. s. v. поконь). У насъ доселѣ поконъ удерживаетъ старое значеніе закона (Даля Толков. слов.) Терминъ этотъ извѣстенъ самымъ древнимъ памятникамъ — договорамъ съ греками X вѣка и Русской Правдѣ, въ общемъ смыслѣ mos, обычая, закона [3]).

Уставъ и *урокъ* употребляются въ древнихъ памятникахъ русскаго права, какъ понятія, параллельныя съ закономъ и покономъ. Въ договорѣ Игоря (ст. 6) говорится: «и тъ показненъ будетъ по закону гречьскому, по *уставу* и по закону русскому» (Будан. Христ. I, 15) Какъ въ законѣ нужно здѣсь видѣть тотъ же обычай, такъ и уставъ не означаетъ здѣсь собственно правилъ, установленныхъ законодательною властью (каковой въ русскихъ земляхъ еще не могло быть въ X вѣкѣ). Здѣсь рѣчь идетъ просто о правилахъ, уставленныхъ предковскими обычаями. Такая же точно параллель замѣчается въ Русской Правдѣ между покономъ и *урокомъ*. «Поконы», или «законы вирные», ко-

---

[1]) См. Pictet Les Orig. Indo-Europ. III, 86 — 87; ср. Fick Vergl. Wört., 16, 28; Böhtlingk Sanscrit.—Worterb. 56; Vanicek Griech. – Lat. Wörterb.—186.—Отъ того-же корня—gan—происходятъ арійскія названія главъ родовыхъ и позже общинныхъ союзовъ: слав конязь (князь, кнез)=скр. ganaka (джанака, джанатри), лат. genitor, др. герм chuning, анг. king, сканд konung и пр. (см. Pictet)

[2]) Въ славянскихъ языкахъ производныя отъ кона искони (изначала), испоконъ вѣку, конать, доконать, докончанье и пр; «отъ кона до кона» (отъ начала до конца): серб. кона—сосѣдка, конакъ—дворъ (См. Mikl. lex s. v. конъ; Караджича Рјечн. 288). Въ Рус. Правдѣ (Кар. сп 34) — «оному вести (украденнаго челядина) по конамъ до 3-го свода». Ср. городскіе «концы» въ Новгородѣ и другихъ древнерус. городахъ, также «контины» полабскихъ славянъ (Гильфердинга Ист. балт. слав).

[3]) Снегирева Рус. въ своихъ послов. III, 8; Срезнев. о догов. 282, Сергѣев. 92. Въ Рус. Правдѣ законъ и поконъ замѣняютъ одинъ другаго, какъ равнозначащіе термины: тр. сп. 7: «а се *поконы* вирніи были при Ярославѣ»; Кар. сп. 7 «се бо *закони* вирные были при в. князѣ Ярославѣ». Мрочекъ—Дроздовскій (Изслѣд. о Рус. Пр. II, 233), принимая чтеніе академич. списка краткой Правды («а се *поклонъ* вирный,—ст. 42), объясняетъ «поклонъ» въ смыслѣ поклона, поклоннаго, т. е. приношенія на поклонъ,—что позже называлось прогонами въ значеніи доходовъ чиновника. Но такое толкованіе не вѣрно: оно основано на испорченномъ текстѣ Правды Объ испорченности 42-й ст. академ.списка Правды см. Буданова Христом. I, 34.

торые «были при вел. князѣ Ярославѣ», названы (въ акад. спискѣ Правды) «оурокомъ Ярославлимъ» [1]). Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и уроки, упоминающіеся въ Правдѣ подъ именемъ мостовныхъ, городныхъ, татебныхъ, желѣзныхъ и судебныхъ (см. Р. Пр. ак. 42, 43; кар. 39, 42, 100, 108, 109, 118) [2]). Оба термина — уставъ и урокъ — несомнѣнно славянскаго происхожденія. Они особенно употребительны въ южно-славянскихъ памятникахъ. Въ нихъ уставъ означаетъ тоже, что въ русскихъ памятникахъ поконъ: ὅρος, terminus, finis, вообще regula, constitutio, definitia, sententia, δόγμα, наконецъ lex, decretum (см. Miklos. Lex. и Данич. Рјечн. s. v. оуставь). Основное понятіе устава—порядокъ, основанный на старинѣ, установленный обычаемъ: «естьства оуставь»; «безъ оустава творю» (не держась обычнаго порядка); «коеждо повелѣние свой имать оуставь (т. е. основаніе); «оуставь чрьрньчьскь, церковный» и пр. Въ сербскихъ грамотахъ «оуставь» отождествляется съ «правинами», или порядкомъ, установленнымъ по обычаю: въ 1348 г. Стефанъ Душанъ далъ церкви св. Михаила и Гавріила грамоту малованную (хрисовулъ) на Вранину «сь сели и сьлюдми, сь виногради, и сь планинами, и сь доходьки... и сь всими *правинами и устави*», т. е. со всѣми порядками (constitutio) и принадлежностями, установленными стародавнимъ обычаемъ (см. Mikl. Mon 134). Иногда «оуставь» ставится въ прямую параллель съ «прѣданиемъ» (ib. 161). Такое же общее значеніе constitutio, sententia, regula, уставленныхъ обычаемъ, дается въ сербскихъ памятникахъ и термину «*оурокь*», имѣвшему также видовыя значенія — portio, dies constituta и пр. (см. Miklos Lex., Данич. Рјечн. s. v. оурокь).

Тотъ же моментъ обычнаго, установившагося порядка, или «наряда» [3]), лежитъ въ основѣ понятій «устава» и «урока» и по древнерусскимъ памятникамъ: въ нихъ законъ, поконъ, уставъ и урокъ употребляются безразлично, какъ понятія, параллельныя одно другому. «Нарядъ», прочно установившійся «отъ отецъ и дѣдъ», и назывался въ старину пономъ, уставомъ, уставленіемъ, строемъ или устроеніемъ, утвержденіемъ и пр. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ положеній, находимыхъ въ лѣтописи и другихъ источникахъ: «яко кто дерзнетъ помыслити благое сие *уставление* (обычай) превратити лу-

---

[1]) «То ти оурокъ Ярославль»—акад. сп. 42.

[2]) Въ позднѣйшихъ памятникахъ находимъ также другія, видовыя значенія урока въ смыслѣ оброчной дани, или оброка, платившагося по точно опредѣленнымъ окладамъ (П. С. Л. I, 56; Собр. гос. гр. I, 323; Карамз. Ист. V, прим. 210; Гагемейстера Розыскан. о финанс. 22, 94),—урочнаго времени, наприм., найма (Пск. с. гр. 39),—обычныхъ угодій, или урочищъ (церкви даны «земли, воды и уроки... и дани, и хлѣбъ, и пошлины»,—см. Павлова Памятн. др. канон. пр, 700 и пр.

[3]) «Форма устава соотвѣтствуетъ преимущественно (лѣтописному) понятію наряда»,— Владиміръ думалъ съ дружиною объ уставѣ земленѣмъ» (Дювернуа Источники, 30).

кавымъ обычаемъ»,—новиной, нарушающей старую пошлину (А. И. I, 5); «обаче то есть отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ *утверженіе*» (П. С. Л. I, 97); «бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о *строи* земленѣмъ, и о ратехъ и *уставѣ* земленѣмъ.. живяше Володимеръ по *устроенью* отьню и дѣдню» (ib. 54); «слышахъ насилие отъ князей въ васъ и того ради пришелъ семь к вамъ, скорбя и тужа о своей вотчинѣ, о Новѣгородѣ, яко и *старыи* сіи *обычаи* в васъ перемѣняютця прежнихъ князей *уставы*» (Никон. лѣт. 307); всему тому есть обычай испоконъ вѣку, да и дѣло то не писанное, а *уложено старыми людьми* не даромъ» (Прав. Соб. 1860, III, 288). Значеніе устава, какъ прочно установившагося порядка, доселѣ живетъ въ народной памяти, сохранившей цѣлый рядъ пословицъ, очевидно весьма древняго происхожденія: не долго той землѣ стоять, гдѣ начнутъ уставы ломать (боље је земљу продати, него јој обычај изгубити,—южно слав. посл.); гдѣ добры нравы, тамъ храпятся и уставы; не дорога пѣсня, да дорогъ уставъ, и пр.

Въ виду сказаннаго легко объясняется значеніе *уставной* дѣятельности, приписываемой лѣтописью и другими источниками старымъ русскимъ князьямъ [1]). Ихъ «уставы» нельзя оцѣнивать съ современной намъ точки зрѣнія на указную дѣятельность законодательныхъ органовъ. Если, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, въ Московскую эпоху еще не было сознанія о томъ, что «воля князей, какъ субъекта верховной власти, творитъ право», то «могли ли князья до—Московскаго періода быть проникнуты сознаніемъ, чуждымъ даже Московскимъ государямъ, что ихъ усмотрѣніе творитъ право?» (Изслѣд. 586, 594). Ни общины (въ лицѣ вѣчъ), ни старые князья не сознавали идеи творчества законодательной функціи: ихъ заботой было лишь охраненіе старой пошлины —главной и единственной основы, какъ «пошлинныхъ» грамотъ вѣчъ, такъ и тѣмъ болѣе «уставовъ» князей. Уставы древняго времени нужно ставить рядомъ не съ указами, регламентами и уложеніями новаго времени, а главнымъ образомъ съ поконами и пошлинами русскихъ земель, знавшихъ лишь одну форму права—«обычаи и законы отець своихъ и преданья».

IV. Эта-то уставная дѣятельность старыхъ общинъ и князей, цѣликомъ опиравшаяся на обычномъ правѣ, особенно рельефно проявляется въ *рядѣ* — стародавней формѣ, въ какой выражалась у всѣхъ славянъ идея правды, какъ объективной нормы права, регулировавшей *междусоюзный* бытъ общинъ, земель и волостей.

---

[1]) Олегъ «устави» дани (П. С. Л. I, 10). Ольга «устави» по Мстѣ повосты и дани (ib. 25). «Правда оуставлена Роуськои земли, егда ея съвокупи Изяславъ» и пр. (Рус. Правда). «А се оуставилъ в. кн. Владимеръ Всеволодовичъ» (ib.). Всеволодъ далъ Новгородцамъ «волю всю и уставы старыхъ князь» (П. С. Л. I. 210). «Аще кого хощете жаловати, жалуйте, а кого хощете казнити, казните, якоже имате старый уставъ прежнихъ князь въ васъ учиненъ, тако творите» (Никон. лѣт. 303) и пр.

Рядъ—первое проявленіе *сознательнаго элемента* въ процессѣ правообразованія. Въ понятіи обычая, пошлины, покона, моментъ обязательности обычныхъ правилъ опредѣляется силой привычки, давности, старины, — тѣмъ, что «такъ пошло», такъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ ведется на міру и т. п. Въ основѣ всѣхъ такихъ понятій и формулъ лежитъ непосредственное чувство правды, въ силу котораго соблюдался данный modus vivendi, намѣченный и, такъ сказать, предписывавшійся самой природой человѣка и человѣческаго общежитія. Рядъ впервые вводитъ въ правообразованіе и правоохраненіе сознательные элементы—волю, соглашеніе. Обычно—правовыя нормы въ формѣ ряда становятся обязательными, юридически—необходимыми, не по непосредственному чувству, не по привычкѣ или давности, а въ силу акта свободной воли — единенья, союзности, закрѣпляемой клятвой и порукой.

Первыя начала ряда находимъ еще въ быту первычныхъ стадныхъ группъ и организованныхъ родовъ кочевыхъ племенъ, — въ институтахъ родоваго патронатства, побратимства, поруки и въ особенности въ «рядѣ» вождей и главъ родовыхъ группъ, освящаемомъ и санкціонируемомъ велѣньемъ, заповѣдью Божества, открывающаго свою волю родовымъ вождямъ и жрецамъ (заповѣди древнихъ евреевъ).

Рядъ начинаетъ пріобрѣтать силу существеннаго фактора правообразованія и правоохраненія еще въ пору образованія первычныхъ родовыхъ группъ. На началѣ ряда обосновались родовое патронатство и побратимство—исконные обычаи, путемъ которыхъ складывались первыя начала и зародыши организованныхъ родовыхъ союзовъ. Таковы, прежде всего, союзныя товарищества, заключавшіяся отдѣльными лицами ради взаимной помощи (въ бѣдѣ и пр.), также ради различныхъ общественныхъ цѣлей (военныхъ и религіозныхъ). Формы побратимства вполнѣ образовались у славянъ и другихъ арійскихъ племенъ еще въ языческое время. Лица, заключавшія побратимство, по старымъ славянскимъ обычаямъ, открываютъ жилы и смѣшиваютъ кровь. Древне-русское побратимство совершалось, какъ видно изъ былинъ, также посредствомъ борьбы: заключающіе союзъ самопомощи (братотворенія) боролись и, если силы оказывались равными, борцы заключали между собой рядъ побратимства [1]). Подобная форма ряда самопомощи указываетъ на равенство отношеній между рядцами. Переживанія отъ этого обычая находимъ еще въ христіанское время, когда «братотвореніе» совершалось у насъ съ особыми церковными обрядами [2]). Товарищества имѣли въ виду, главнымъ образомъ, союзъ самозащиты: рядъ по-

---

[1]) По былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, богатыри и «молодцы», при встрѣчѣ другъ съ другомъ, пробуютъ взаимно свои силы и, если эти силы окажутся равными, борцы заключаютъ между собой договоръ побратимства (См. Стихотвор. Кирши, изд. 3-е, 51.

[2]) См. Правосл. Собес. 1859, I, 369, 371.

братимства обязывалъ ко взаимной помощи и мести за обиды или убійство побратима. Такіе союзы самопомощи и самозащиты заключали дружинники на случай ратныхъ «пучей» [1]). Ради защиты отъ «лихихъ» людей заключали подобныя же «братства» цѣлыя группы лицъ, наприм., у старыхъ чеховъ — нерѣдко цѣлыя общины, вступавшія въ рядъ братства, подъ названіемъ «possoby» и «honitvy» (см. Иречка Sl. pr.). Подобныя же союзныя товарищества составлялись ради цѣлей промышленныхъ (для охраненія торговыхъ каравановъ, какъ было, наприм., въ обычаѣ между гостями ганзейскими и русскими и пр.) [2]) и религіозныхъ (церковныя братства и пр.). «Братчина» [3]) Псковской судной грамоты — переживаніе товариществъ съ политическимъ характеромъ, имѣла религіозное значеніе, собиралась въ праздники для народнаго пиршества въ складчину [4]).

---

[1]) По лѣтописямъ и былинамъ, побратимство заключаютъ князья, богатыри, «молодцы». По древней славянской легендѣ о происхожденіи побратимства, братство крестное установлено самимъ Богомъ, подъ угрозой проклятія тому, кто, будучи въ братствѣ, «не вѣритъ» въ брата, нарушаетъ союзъ побратимства (См Памятн. стар. рус. слов., изд. Костомаровымъ, I, 123). «Побрататься» значило заключить союзъ «братства» (названнаго, крестоваго), сдѣлаться «другами», «братьями названными», «братьями крестовыми». Символы братства—борьба, порука, мѣна оружіемъ или крестами. Братство обязывало выручать брата въ бѣдѣ, мстить за него· «когда надо мною будетъ безвремяньице, поспѣшайте—то, братьица, ко мнѣ на выруку»; «крестами братались—слухать большему брату меньшаго, а меньшему брату большаго... дружка за дружку стоять». Побратимство считалось священнымъ «закономъ», котораго нельзя «переступать»; законъ братства трактовался выше братства естественнаго: «а будь мнѣ паче брата родимаго... сіе убо братство болѣ брата рожденнаго» (см. П. С. Л. I, 28; VШ, 96 г ; Костомарова Памятн. старин. рус. слов. I, 2, 123—125 ; Лѣтоп. рус. слов. Тихонравова IV, отд. II. 4, 8; стихотвор. Кирши Данилова, 51; пѣсни Кирѣевскаго 1, 8, 11, 76; II, 2. 17; пѣсни Рыбникова I, 39, 41, 68, 96; Прав. Собес. 1859, I (житіе Ростов архіеп. Кирилла).

[2]) Характеръ братствъ имѣли также старыя «ватаги» лодейныя (рыболовныя), сокольничьи и пр. Отношенія между «ватаманами» или «старостами» и «другами», «новатажниками», «осначами» и пр. во многомъ напоминаютъ отношенія между побратимами (см. Карамз. Ист. IV, прим. 206, 328; А. А. Э. I, 1, 39, 67, 102, 104; А. И. I, 70, 96).

[3]) Пск. с. гр. 113. Одинаковое значеніе съ братчинами имѣли «пиры» и «покормы». См. Пск. с. гр. 27, 34, 80; Рус Пр. Кар. сп. 4; П. С Л. II, 83; А. А. Э. I, 50, 72, 102, 104, 113, 122; Доп. А. И. I, 3; А. Ю. 234; А. Юр. быта I, 31; Павлова Пам. 8, 104; Пам. старин. рус. слов. I, 2; Стихотв. Кирши, 52.

[4]) «Братчина» и «братство» извѣстны памятникамъ другихъ славянъ. Въ Винодольскомъ Законникѣ (конца XIII в., ст. 11)3 упоминается «братштина», владѣющая «сборомъ»—общимъ имуществомъ—и платящая десятину при его раздѣлѣ. Полицкому Статуту (1400 г.) извѣстно «братство» — по видимому то-же, что задруга (см. Kukuliev. Ark. V, 302, ст. 42, 245). См. также Рейца объ устройствѣ далмат. город. общинъ, 74 — 77, 123. Въ польскихъ статутахъ (напр. въ Вартскомъ 1420 г.) подъ «bractwami» (fraternitates) разумѣлись ремесленныя артели (см. Гельцеля Wisl. Stat., 327). Такія-же ремесленныя

Нѣтъ сомнѣнія, что происхожденіе обычая побратимства принадлежитъ еще той глубокой старинѣ, когда имѣли политическую силу кровные союзы и хищничество, на что указываютъ самые символы заключенія союза—смѣшеніе крови и борьба. Есть, далѣе, данныя, указывающія на присутствіе начала ряда въ дѣлѣ образованія семейныхъ союзовъ. По свадебнымъ обычаямъ славянъ, женихъ окруженъ дружиной побратимовъ, собиравшихся на умычку невѣсты и дававшихъ клятву стоять другъ за друга «за единую каплю крови». Когда по обоюдному согласію супруговъ расторгался бракъ, разводившіеся точно также заключали союзъ побратимства (Павлова Памят I, 861). Договорно-союзный элементъ, вообще говоря, ясно проглядываетъ во всемъ строѣ древне-славянской семьи, имѣвшей значеніе товарищества, основаннаго на рядѣ, соглашеніи членовъ. На это указываетъ самое происхожденіе слова «семья»: въ нашихъ старыхъ памятникахъ выраженіе »семья» употреблялось въ значеніи товарищества, заговора, стачки («не семьяниться на государя» — не дѣлать противъ него заговора). Тотъ-же элементъ ряда замѣчается и въ организаціи старыхъ родовъ: по смерти естественнаго главы рода, послѣдній могъ держаться лишь искусственно, путемъ наряда, установлявшагося по соглашенію родичей. Члены рода могли усвояться и изъ чужеродцевъ, путемъ усыновленія и «братотворенія».

Союзы побратимства извѣстны въ особенности у кочевниковъ, подверженныхъ постояннымъ нападеніямъ со стороны сосѣднихъ хищниковъ: «ойратство» (славян. побратимство) у средне-азіатскихъ монголовъ имѣло мѣсто не только между цѣльными родами и племенами, но и отдѣльными лицами. По адатамъ кавказскихъ горцевъ, пріемъ «пришлеца» въ родъ на положеніи равноправнаго члена возможенъ былъ путемъ присяжнаго побратимства съ родомъ. Въ видахъ самопомощи горцы заключали между собой еще въ нынѣшнемъ столѣтіи «соприсяжничества» — товарищества, обнимавшія цѣлые роды (см. мое соч. Адаты).

Особенно для насъ важенъ, по своей аналогіи съ славянскимъ побратимствомъ, кавказскій адатъ куначества. Кунакъ—чужеродецъ, заключавшій союзъ родоваго патронатства съ лицомъ, принадлежавшимъ къ другому роду. Куначество возникло изъ старой племенной розни горцевъ. Лицо, не принадлежавшее по крови къ данному роду, трактовалось въ отношеніи къ нему, какъ врагъ, лицо безправное; учрежденіе правовой защиты чужеродцевъ и являлось въ формѣ куначества, установлявшаго для чужеродца извѣстныя права въ родѣ

«братства» (fraternitas, societas, contubernii и пр) были въ старое время въ городахъ Литов. княжества; упоминаются также братства церковныя, «панскія» или свѣтскія (См. собр. древ. грамотъ г. Вильно I, 31, 87, 89, 90, 96; II, 2, 13; собр. гр. Минска, 79, 112, 115, 139).

его патрона — кунака. Чужеродецъ, являвшійся «гостемъ» въ другомъ родѣ, долженъ былъ имѣть въ немъ кунака, чтобы подъ его защитой пользоваться обезпеченнымъ положеніемъ. Отсюда связь куначества, съ одной стороны, съ «гостьбой», какъ купеческимъ дѣломъ, а съ другой—съ обычаемъ «гостепріимства», несомнѣнно возникшимъ первоначально на почвѣ бытовой розни родовыхъ союзовъ и имѣвшимъ вездѣ въ старое время такой-же религіозно-правовой характеръ, какъ и вообще родовое патронатство. Таковъ-же генезисъ и древнеримскаго клиентства, аналогическаго съ монгольскимъ ойратствомъ и кавказскимъ куначествомъ.

Слѣдуетъ полагать, что и славянскіе институты побратимства, братчинъ, possob и honitv возникли первоначально на той-же почвѣ родоваго хищничества, отрицавшаго правоспособность личности внѣ ея рода и племени, и потому имѣли въ старину бытовое значеніе родоваго патронатства, именно въ пору сложенія у славянъ патріархальныхъ. кочевыхъ формъ быта. Подобно куначеству кавказскихъ горцевъ, побратимство древнихъ славянъ — основная форма родоваго патронатства, выражалось въ рядѣ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ родовыхъ группъ, вступавшихъ между собой въ союзъ самопомощи, символизируя союзъ фикціей, заимствованной изъ кровныхъ формъ общества. Въ такомъ значеніи побратимство могло явиться гораздо раньше возникновенія института «круговой поруки», возводящей самопомощь, сперва основывавшуюся на простомъ соглашеніи побратимства, въ строго-обязательный институтъ родовой, а затѣмъ и общинной жизни. Но порука не отмѣняла стараго побратимства; напротивъ, оба института могли совершенно естественно идти рука объ руку,—первый — какъ обязательный союзъ самопомощи (въ силу принципа genti adscriptio), второй—какъ совершенно свободная (договорная) кооперація самозащиты и самопомощи индивидовъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ.

Необходимость въ рядѣ возникаетъ сама собой изъ розни, партикуляризма обычнаго права въ первычныхъ обществахъ, съ ихъ совершенно замкнутой жизнью, безъ признанія правовыхъ нормъ въ междусоюзныхъ отношеніяхъ, представлявшихъ лишь одно господство хищничества и полное отрицаніе права. «Обычное право возникаетъ не въ народѣ и даже не въ племени, а въ каждой группѣ людей, ведущихъ *совмѣстную* жизнь» (Сергѣев. изсл. 84). Даже больше: обычай, въ первычныхъ, непосредственныхъ формахъ своего образованія, является въ народной жизни представителемъ всего индивидуальнаго, сепаратнаго,—имѣетъ дѣло лишь съ индивидуальными отношеніями отдѣльныхъ лицъ и мелкихъ родовыхъ или территоріальныхъ группъ, ведущихъ совмѣстную жизнь, дѣйствуетъ лишь тамъ, гдѣ жизнь слагается непосредственнымъ путемъ, на исключительной почвѣ конкретныхъ казусовъ, индивидуальныхъ дѣйствій, поступковъ и отношеній (см. Ж. М. Пр. 1878, т. 198, стр. 151). Гдѣ нѣтъ такой индивидуальной бытовой практики, тамъ нѣтъ почвы и для непосредствен-

наго возникновенія обычая, какъ это и имѣло мѣсто между старыми, обособленными родами и общинами, относившимися между собою по началу отрицанія права, мести, хищничества.

Иныя явленія замѣчаемъ въ пору возникновенія союзности между обособленными родами. При отсутствіи непосредственно дѣйствовавшихъ здѣсь правовыхъ обычаевъ, нужно было искусственно создавать, на почвѣ существовавшихъ родовыхъ порядковъ, правовыя нормы тамъ, гдѣ царило дотолѣ «безправдье». Рядъ родовъ и общинъ, вступавшихъ между собой въ союзныя отношенія, являлся первымъ и основнымъ актомъ, вводившимъ правовыя нормы въ междусоюзный бытъ послѣднихъ. Путемъ такого ряда не создавались однако законы въ собственномъ смыслѣ: рядъ только разширялъ дѣйствіе старыхъ обычаевъ, практиковавшихся дотолѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ родовъ и общинъ, дѣлалъ ихъ обязательными также въ междусоюзныхъ отношеніяхъ этихъ родовъ и общинъ.

Типическимъ образцомъ такого ряда можетъ служить «яса» (буквально рядъ, союзъ), на основаніи которой монгольскіе роды вступили между собой въ родовое «ойратство» (союзъ побратимства) при Чингисѣ, образовавшемъ изъ разрозненныхъ и враждебныхъ дотолѣ родовъ сплоченный политическій союзъ —монгольское «ойратство». Организаціонныя начала ойратства и формулированы въ «ясѣ», составленной на родовомъ курилтаѣ или хурулѣ (вѣчѣ) монгольскихъ вождей. Въ основу ясы положенъ былъ союзный рядъ вождей монгольскихъ—жить между собой въ мирѣ, на основаніи стародавнихъ родовыхъ обычаевъ, принятыхъ вождями въ качествѣ нормъ, обязательныхъ для союзныхъ племенъ и внесенныхъ въ ясу—общеплеменной уставъ монгольскаго ойратства (см. мое соч. «Къ истор. пр. инородцевъ»).

Такое же значеніе у кавказскихъ горцевъ имѣетъ «маслагатъ» (рядъ, соглашеніе, союзъ), путемъ котораго мелкіе роды и общины установляли между собой мирныя, союзныя отношенія и опредѣляли въ этой сферѣ правовыя нормы, превращавшіяся затѣмъ въ прочные племенные обычаи (см. Адаты, I, введеніе). У Осетинъ (арійскаго племени) обычай и вмѣстѣ рядъ носитъ названіе «арьдау»—терминъ, вполнѣ соотвѣтствующій скр. rgu (jus), зенд. ragah (rastah-ordo, consuetudo), лат. regula, ordo или славян. ряду (редь, наредь и пр.) [1]; «арьдау» имѣлъ такой-же генезисъ и значеніе въ быту Осетинъ, какъ и маслагатъ у остальныхъ горцевъ (см. Адаты I, 4).

Тотъ же моментъ союзнаго соглашенія, ряда, имѣлъ мѣсто въ образованіи средневѣковаго обычнаго права западно-европейскихъ народовъ. Кромѣ leges populares или barbarorum (позже Volksrechte, соотвѣтствующихъ нашимъ

[1]) См. Pictet, III, 141

обычаямъ—законамъ или поконамъ) и Weisthumer (Schoffenrecht, Iudicia—пошлина, старина, собств. судебные обычаи), обычное право средневѣковыхъ германцевъ называлось также *Ewa* [1]) (Ewa, Efa, Ea, Ehe и пр.), *Pactum* (Pactus, Pacht), позже *Willkühren*,—термины, означавшіе Bundniss, Vertrag, foedus, Uebereinkunft, а также и народный обычай (lex consuetudinis). Древне-герман. «Ewa» ставятъ въ параллель съ рим leg. sacratae, въ смыслѣ «gezunfti» (Einigung), gericht, judicium, forum и jus (Recht, Echt и Acht). Основное понятіе Ewa и Willkuhren—«autonomisches Stammesrecht»—право автономныхъ племенъ, вступившихъ между собой въ союзныя отношенія, на основаніи клятвеннаго ряда, или соглашенія народныхъ вѣчъ и князей (см. Zopfl Deut. R.—gesch., 9—10).

Тѣже явленія замѣчаемъ и въ древнемъ правѣ славянскихъ народовъ. Въ славянскихъ памятникахъ находимъ *редь* [2]), наредь (наредьба, оуредь, врядъ, оурядьство), также *начинь* (чинь), *увитъ*, *завезь*, *одлука* и пр., имѣвшія тоже значеніе, что и древне герман. Ewa или pactum. Обычаи, констатированные путемъ союзнаго соглашенія, утверждались клятвою (клетвь) [3]) и порукою (обѣтъ, обечаніе, обеканіе) и становились, такимъ образомъ, обязательными нормами для общинъ, вступавшихъ по ряду въ союзныя отношенія, какъ члены одной «жупы» (жупанства), «обкины», «земли» и пр. Союзныя общины, подъ общимъ названіемъ «клетвенниковъ» [4]) (foederatus, jurejurando obstrictus), подчинялись «законамъ», которые санкціонировались ихъ союзнымъ рядомъ. Такое значеніе имѣютъ, наприм., «законы» Винодольскіе, Загребскіе или Каставскіе, типическіе образцы союзныхъ рядовъ, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія общинъ, главнымъ образомъ, на основаніи стародавнихъ предковскихъ обычаевъ.

---

[1]) Древненѣм. êwa соотвѣтствуетъ скр. êva, êvas (ходъ, поступокъ, обычай, нравъ), отъ корня *i* — идти, происходить. См. Pictet, III, 141, Leist Die real. Grundlagen, 49; Grimm d. Rechtsalterth. 417. Ср. Fick, Worterb. s. v. éwa.

[2]) Пуцичъ Спом. 53, 67, 80, 110, 133, 146; Mikl. Mon. 116, 187, 188, 276, 459 и пр. *Редь* соотвѣтствуетъ скр. «rgu» — право, отъ корня *rq*, arg, rag — regere, regum esse, splendere. Производныя: зенд. *raz* (erezj—rectum esse, *râza*—justitia, перс. *ragah*—порядокъ, *ras'ah*—обычай; осет- *аръдау*—обычай; лат *regula*, *rectus*; гот. *raihts*—судъ, ags, *reht*, древнегерм. *reht* (Recht), сканд. *ret* — jus, judicium, др. ирл. *rect* — lex, кимвр. *rhaith* — право, jury, слав *редь* — соглашеніе, обычай, порядокъ и пр. См. Pictet, III, 91, 141. Таковъ-же генезисъ и рим. *jus* — отъ корня *ju*, *jug* = соединять, связывать, вступать въ союзъ и проч. Jus — такое-же связующее начало, какъ скр. rgu, нѣм. Recht или слав. редь (Vaniček. 761).

[3]) Mikl. Mon. 20, 23, 25, 39 и пр. Пуцичъ Спом. 65.

[4]) См. напр. Mikl. Mon. 44: «я жупань Радославь есмь вѣрьнь клетьвеникь господину кралу угьрьскому».

Рядъ вполнѣ извѣстенъ и древнерусскимъ памятникамъ. О рядѣ говорятъ лѣтописи и разные акты и памятники княжей эпохи. Но весь вопросъ въ томъ, нужно ли считать рядъ частнымъ контрактомъ, въ его обыкновенномъ, частноправномъ значеніи (т. е. такимъ актомъ, въ которомъ все зависитъ отъ индивидуальной воли и усмотрѣнія контрагентовъ), или же въ рядѣ нужно искать иное специфическое значеніе? Подъ рядомъ, о которомъ трактуютъ лѣтописи и древніе акты, разумѣлась прежде всего общая норма, порядокъ, правило, законъ (въ договорахъ съ греками: «урядиться» — постановить, «уряженье» — распоряженіе). Въ источникахъ рядъ тождественъ съ выраженіями: «нарядъ», «порядъ» или «обрядъ» [1]) «Рядиться въ рядъ», или «рядить по ряду», «дать рядъ» значило тоже, что «творить нарядъ», «положить порядъ» строить нарядъ и пр. (см. П. С. Л. I, 104, 159 и др.; Соб. г. гр. I, 31; Доп. А. И. I, 4). Нарядъ же понимался въ общемъ смыслѣ порядка, основаннаго на обычаяхъ. Въ лѣтописномъ сказаніи о призваніи князей говорится: «почаша сами въ собѣ володѣти: и не бѣ въ нихъ *правды*.. поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву («и *рядилъ по ряду*» или «по праву»)... а *наряда* въ ней нѣтъ» (П. С. Л. I, 8). Что въ началѣ цитаты названо правдой, то въ концѣ—нарядомъ, — рядить «по ряду» значило поступать или распоряжаться по правдѣ, управлять по народной пошлинѣ, какъ главной основѣ общественнаго порядка [2]). Значеніе ряда въ смыслѣ нормы права видно и изъ другихъ техническихъ терминовъ, имѣвшихъ одинаковое съ рядомъ значеніе, наприм. уставъ или *свѣщаніе* греч. договоровъ (указъ, грамота). Вообще въ старину у насъ рядъ имѣлъ тоже значеніе, что и славян. редь или древ. герман. Ewa, pactum (см. выше), т. е. означалъ обычай, норму или правило обычнаго права, державшееся въ народномъ преданьи или изложенное письменно въ рядахъ и докончаньяхъ. Рядъ, затѣмъ, означалъ актъ соглашенія—*докончанье*, договорную грамоту, въ которой формулировались нормы, принятыя по ряду вѣча, князей и пр. Наконецъ, рядъ означалъ и самый *способъ примѣненія* обычно—правовой нормы къ

---

[1]) См. П. С. Л. 8, 104, 158, 159; П, 22 и пр. Собр. гос. гр. I, 2, 6, 15, 30, 31. Доп. А. И. I, 4. Въ смыслѣ-же ряда употреблялись выраженія: *пословица* (соб. г. гр. I, 48) и *смолвка* (П. С. Л. Ш, 88: «пріѣзжали нѣмецкіе послы въ Новгородъ на смолвку»).

[2]) Такое-же понятіе дается ряду и въ памятникахъ чисто народнаго творчества. Въ былинахъ встрѣчаемъ такія указанія «говорятъ ему (Ильи Муромцѣ) мужики Бѣжеговцы: ой же ты, русскій могучій богатырь! стань-ко къ намъ суды судить да ряды рядить»; «сидитъ тутъ царь Азвякъ—суды разсуживаетъ и ряды разряживаетъ». См. Пѣсни Рыбникова Ш, 25, Стихотв. Кирши, 21. Въ старыхъ славянскихъ памятникахъ князья и вообще лица, стоявшія во главѣ общинъ и земель, называются «нарядниками, нарядьбьниками, наредбениками, уредниками», въ смыслѣ rector, constitutor, curator, ἐπιμελητης, magistratus, officialis (см. Пуцичъ Спомен. 11, 32, 40, 105, 108; Breviarium Glagolit. Croat. 325).

данному казусу (по прецеденту и пр.) Въ такомъ значеніи равнозначительны съ рядомъ «*дума, еднанье, одиначество, пословица, смолвка, слово*» и проч. Этотъ-то рядъ былъ главнымъ явленіемъ древняго юридическаго быта русскихъ земель въ теченіе всей княжей эпохи; путемъ ряда образовались федераціи (союзы «братства») земель и волостей и создана была вся система древнерусскаго обычнаго права, особенно дѣйствовавшаго въ *междусоюзныхъ* отношеніяхъ общинъ, слагавшихся въ автономныя земли — волости. Самыя формы союзности славянскихъ жупъ и русскихъ волостей установлялись по типамъ *побратимства*, какъ оно опредѣляется, наприм., въ былинахъ о старыхъ русскихъ богатыряхъ. Подобно тому, какъ богатыри — побратимы назывались братьями «большимъ» и «меньшимъ» и обязывались «слухать большему брату меньшаго, а меньшему брату большаго, а дружка за дружку стоять» (пѣсни Рыбник. I, 39, 41, 96), такъ и, наприм., Псковъ по отношенію къ Новгороду назывался «молодшимъ братомъ» (Псковичи говорили Новгородцамъ. «*господо братіе*! како печалуетеся нами, своею *братьею молодшею*»,—П С Л. III, 89). Извѣстныя названія русскихъ князей, бывшихъ въ рядѣ,—*старшими* или *большими*, *молодшими* и *ровными* братьями, несомнѣнно воспроизводятъ аналогическія формулы древнеславянскаго побратимства; названія, употреблявшіяся между князьями—*дядями* и *племянниками*, точно также не больше, какъ воспроизведеніе формулъ побратимства: старшій побратимъ считался «дядею» для дѣтей молодшаго брата (см. Прав. Соб. 1859, I, 371).

Рядъ лѣтописей и старыхъ актовъ нельзя ставить въ параллель съ *частноправнымъ договоромъ*; рядъ общинъ и князей вовсе не имѣлъ того случайнаго характера, какой ему иногда приписывается (пр. Сергѣевичъ). Элементъ случайности начинаетъ вкрадываться въ междукняжескіе ряды лишь съ тѣхъ поръ, какъ князья, осѣвшіе по волостямъ, стали обособляться и получать возможность самовластныхъ дѣйствій, шедшихъ въ разрѣзъ съ народнымъ обычаемъ. Но ряды этой эпохи нисколько не имѣли частно-правнаго характера,—въ нихъ начинаютъ высказываться первыя начала государственнаго порядка, ставшія подъ конецъ княжеской эпохи вообще укореняться въ народномъ быту (см. мою статью — о задружно-общин. характерѣ полит. быта древн. Россіи).

Замѣтимъ при этомъ, что древнѣйшія формы частно-правнаго ряда (договора, суплетки, пословицы, слова, еднанья, докончанья,—у другихъ славянъ—smlùvy, shody, sliba, zaweza, увита и пр.) образовались несомнѣнно подъ вліяніемъ первычнаго, «групповаго» ряда старыхъ родовъ и общинъ, — рядъ въ послѣдней формѣ, можно думать, предшествовалъ образованію частно-правнаго ряда. Дѣйствительно, судя по всѣмъ даннымъ, относящимся къ этому вопросу, можно полагать, что первычной сферой ряда были не индивидуальная жизнь и отношенія отдѣльныхъ лицъ, но именно междусоюзныя отношенія цѣлыхъ

общественныхъ группъ—старыхъ родовъ и территоріальныхъ общинъ. Являясь главными и чуть ли не единственными дѣятелями имущественнаго оборота, а слѣдоват. и главными субъектами правъ вещныхъ, роды и общины вели весь свой имущественный и хозяйственный обыходъ въ формѣ разнаго рода сдѣлокъ, докончаній и пр. Члены рода не имѣли индивидуальнаго объекта для договорной сдѣлки отъ себя лично и потому, если участвовали въ рядахъ, то всегда по сдѣлкамъ своего рода и племени. Первоначальная неразвитость договорнаго начала въ индивидуальной жизни личности была естественнымъ результатомъ господствовавшей въ эпоху первобытной культуры имущественной общности,—контрагентами являлись не лица (по своимъ индивидуальнымъ сдѣлкамъ), а цѣлыя группы ихъ—роды съ ихъ первычными развѣтвленіями, которыя, являясь коллективными субъектами правъ, вступали между собой въ докончанья и ряды. Въ пору старой розни родовъ и вообще первоначальнаго господства грубыхъ хищническихъ формъ жизни свободное начало ряда вовсе не могло имѣть мѣста. Сколько нибудь пригодная для него почва открывается только со времени замиренія родовой розни и хищничества, когда роды, жившіе совершенно обособленною жизнію, начинаютъ сплачиваться въ болѣе или менѣе организованные союзы. Въ это-то время договорное начало начинаетъ примѣняться въ отношеніяхъ между союзными родовыми группами. Въ свою очередь территоріальная община также являлась субъектомъ имущественныхъ правъ и заключала ряды; но она уже признаетъ отдѣльное имущество (прчію, прокъ, собину) лица и «инокоштины» (семьи). Рядомъ съ имущественнымъ оборотомъ общины (семейной и территоріальной) развиваются обороты и сдѣлки между отдѣльными лицами. Изъ сказаннаго ясно, что индивидуальная жизнь личности могла опредѣляться свободнымъ рядомъ, лишь начиная съ эпохи осѣдло-общинной культуры, когда личность постепенно пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе, становится субъектомъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Съ этихъ поръ рядъ начинаетъ пріобрѣтать частно-правный характеръ, являться основной формой имущественнаго и вообще хозяйственнаго и бытоваго оборота не однихъ родовъ и общинъ, но и отдѣльныхъ лицъ. Слѣды стараго порядка находимъ въ народныхъ обычаяхъ, сохраняющихъ доселѣ память о былой жизни «отцовъ и дѣдовъ», не знавшихъ индивидуальнаго имущественнаго оборота и частныхъ сдѣлокъ по дѣламъ личнымъ. «Что сусѣдъ проситъ, то и дай, съ нимъ *не рядись*», — формула несомнѣнно первобытной имущественной общности, удержавшаяся въ народной поговоркѣ, какъ переживаніе, смыслъ котораго забытъ народомъ, но которое въ старину имѣло вполнѣ реальное значеніе.

Первычный общественный характеръ всякаго рода сдѣлокъ объясняетъ *публичность* совершенія и заключенія договоровъ и всякихъ обязательствъ, — требованіе, которое по древнему славянскому и русскому праву считалось существенно необходимымъ для признанія дѣйствительности не только обществен-

ной, но и частной сдѣлки, совершаемой въ договорной формѣ Ряды общинъ и земель должны были совершаться «на міру»—на общихъ народныхъ сходкахъ (вѣчахъ) именно потому, что такіе ряды были общимъ дѣломъ всего міра, касались въ равной мѣрѣ всѣхъ членовъ общины. То-же требованіе публичности стало затѣмъ примѣняться и къ частнымъ сдѣлкамъ. Подобно тому, какъ по древнимъ чешскимъ, хорватскимъ или сербскимъ памятникамъ всякія сдѣлки между членами общинъ должны были совершаться «свитло, билодано» (публично) на торгу, предъ сходкою сосѣдей (см. мое соч Др. Хорв.-далм. зак.), такъ и у насъ въ теченіе всей земской эпохи требовалось, чтобы всѣ сколько нибудь важныя сдѣлки производились на торгу, предъ сосѣдями,—позже (особенно со времени развитія письменной формы сдѣлокъ) съ «доклада» судьѣ, князю и пр. Публичностью договорныхъ сдѣлокъ объясняется Псковская пошлина о внесеніи въ «ларь св. Троицы», не только вѣчевыхъ грамотъ и рядовъ князей, но и болѣе важныхъ актовъ по частнымъ дѣламъ (Пск. с. гр. 32, 38).

Изъ первычнаго-же характера договорныхъ сдѣлокъ вытекало само собою важное значеніе и роль *послушества* при ихъ заключеніи. Ряды общественные (наприм., у насъ договоры съ греками X вѣка или позднѣйшія докончанья князей и общинъ между собой и съ нѣмцами) заключались при посредствѣ «сольбы», составлявшейся изъ представителей («словъ») общинъ и князей по ихъ «велѣнію» (слову), заключавшихъ союзные ряды. Такая-же сольба въ существѣ дѣла имѣла мѣсто и въ сферѣ частно-правныхъ сдѣлокъ По древнему славянскому праву, главнымъ актомъ укрѣпленія договоровъ считалось заключеніе ихъ при послухахъ. Но это не были только частные сторонники контрагентовъ: они являлись органами общины, которые санксировали своимъ присутствіемъ дѣйствительность данной сдѣлки. Являясь на «торгъ» въ качествѣ «добрыхъ мужей» — представителей общины («ямци», «одговорници» по хорват памятникамъ), свидѣтели—послухи принимали отвѣтственное участіе въ совершавшейся предъ ними сдѣлкѣ — въ роли «вѣщихъ» (свѣдущихъ) людей. наприм., оцѣнщиковъ, опредѣлявшихъ стоимость предмета договора, и вообще въ значеніи посредниковъ, третей между контрагентами (хорв. цинци, чеш. prostřednici, odhadnici, mediatores или taxatores — см. Иречка Sl. pr. II, 285; мое соч.—др. хорв.-далм. зак. 92).

Внѣшняя обстановка, при какой по старымъ обычаямъ совершались у всѣхъ арійцевъ общественные ряды, съ ихъ различными *манипуляціями и символическими дѣйствіями*, усвоена была затѣмъ и частно-правными договорами. Присутствіе послуховъ-рядцевъ и добрыхъ людей, совершеніе сдѣлокъ на міру, на сходкахъ, предъ сосѣдями, было достаточной гарантіей правильности и дѣйствительности общественныхъ и частныхъ рядовъ. При данной общественной обстановкѣ, всякій договоръ въ старое время могъ являться въ словесной формѣ, какъ указываютъ на это и самые термины договоровъ —

смлува, сгода, пословица, слово и пр. Но это форма болѣе поздняя: ей несомнѣнно предшествовала нѣмая «суплетка» и «завезъ» (вспомнимъ первычную «нѣмую» гостьбу и нѣмыя формы образованія права), — договоры общественные, а затѣмъ и частные, совершались первоначально у славянъ, какъ и у древнихъ римлянъ или германцевъ, путемъ различныхъ манипуляцій и дѣйствій, имѣвшихъ символическій характеръ. «Рука» — символъ человѣческой силы и воли — является главнымъ юридическимъ актомъ договоровъ: контрагенты «сплетались» руками (отсюда названіе договоровъ «суплетка») [1]) или били по рукамъ, символизируя этимъ свою сдѣлку и придавая ей юридически-обязательный характеръ. «Рукобитье», «порука», («обѣтъ» съ клятвой) и передача предмета договора «изъ рукъ въ руки» (даже при покупкѣ невѣстъ) считались у славянъ символическими дѣйствіями, укрѣплявшими силу всякихъ договоровъ и рядовъ [2]).

Затѣмъ, болѣе важные ряды должны были сопровождаться клятвой сторонъ; «заповѣдью», «ротой» или «крестнымъ цѣлованьемъ» и другими символическими дѣйствіями съ религіознымъ характеромъ. (Олегъ и Игорь, при заключеніи договоровъ съ греками, полагали предъ Перуномъ щиты и оружіе, на которомъ и клялись). Религіозно-символическій характеръ нѣкоторыхъ договорныхъ обрядовъ, возникшихъ еще въ пору общественныхъ рядовъ, виденъ изъ ихъ наименованій: «богомолье», «литки», «zavdavki» (питье), указывающихъ на употребленіе въ старое время при рядахъ религіозно-жертвенныхъ возліяній [3]). Слѣды такихъ символовъ сохранились въ «магарычахъ» старыхъ западно-русскихъ актовъ, извѣстныхъ доселѣ въ народныхъ обычаяхъ и пословицахъ, напр.,—«гдѣ кабалено, тамъ и пито»,—«пропить» невѣсту значитъ выдать замужъ, а по старой терминологіи—продать невѣсту за магарычъ [4]).

У славянъ всякіе общественные и частные ряды заключались по «*доскамъ*» (деревянымъ таблицамъ), бывшимъ въ употребленіи у всѣхъ древнихъ народовъ. По словамъ Шафарика (Die ält. Denkm. 98), доски содержали какъ-бы велѣнія божества, въ видѣ изрѣченій, или формулъ, начертанныхъ на доскахъ,

---

[1]) Пск. г. гр. 103.

[2]) По древнему русскому праву, рукобитье имѣло мѣсто не только при куплѣ — продажѣ, займѣ и другихъ частныхъ сдѣлкахъ, но и при рядахъ на самомъ судѣ. Напр. при дачѣ срочной грамоты о явкѣ въ судъ къ условленному сроку требовалось отъ сторонъ крестное цѣлованіе: «да и по руцѣ (тутъ-же предъ судьей) ему ударити съ истцемъ своимъ» (Новг. с. гр. 24).

[3]) См. Иречка Recht I, 54. О жертвенныхъ возліяніяхъ см. Аѳанасьева Поэтич. воззр. II, 46, 252.

[4]) У малороссовъ доселѣ въ обычаѣ—при заключеніи всякихъ сдѣлокъ, въ особенности по куплѣ, заручинамъ и пр., приносить водку, которая и распивается въ знакъ заключенія сдѣлки, подъ названіемъ «злывокъ», «завдавокъ», магарыча».

какъ наиболѣе дѣйствительное, символическое средство придать содержавшимся въ нихъ правиламъ значеніе непосредственныхъ заповѣдей Божіихъ [1]). У чеховъ, до позднѣйшаго времени, всякаго рода общественные и частные акты и ряды назывались по старой памяти досками (dsky krajské, zemske, trhove и пр.). Доски, въ качествѣ актовъ низшаго разбора, упоминаются также въ нашихъ лѣтописяхъ и Псковской судной грамотѣ (ст. 30 и др.; ср. П. С. Л. I, 210). Южнымъ славянамъ извѣстны были *книги* въ одинаковомъ значеніи съ досками (kneje, knìje—пень, дерево, доска) [2]). У насъ письменная форма рядовъ употреблялась издревле (договоры съ греками X в.); еще въ былинахъ говорится о «грамотахъ» и «заповѣди великой» съ «подписью» богатырей и молодцовъ, заключавшихъ рядъ побратимства (Пѣсни Рыбникова I, 96; Лѣтоп. русск. слов. Тихонр. IV—народ. пѣсни, 4). Рус. Пр., впрочемъ, еще не знаетъ письменныхъ частныхъ рядовъ, совершавшихся, повидимому, словесно, при послухахъ; грамоты и записи становятся обычнымъ явленіемъ въ Псковской судн. грамотѣ.

По древнему славянскому праву, всякая «smluva» была «svata»,—безусловно обязательна для рядцевъ. Подобное воззрѣніе констатируется цѣлымъ рядомъ формулъ, сохранившихся въ народныхъ поговоркахъ и нерѣдко записанныхъ въ древнихъ памятникахъ. Такова, напр., формула Рус. Правды: «како ся будеть рядилъ, на томъ же и стоить (въ другихъ статьяхъ: «тако же есть рядъ, яко же рядилъ»), несомнѣнно образовавшаяся еще въ начальную пору общественныхъ рядовъ и въ эпоху Правды ставшая примѣняться и къ частноправнымъ договорамъ [3]). Неисполненіе ряда общинъ и князей влекло за собой «разбратіе», или прекращеніе «братства» и союзныхъ отношеній; «разверженіе» [4]) ряда и крестнаго цѣлованія снимало съ рядцевъ обязанности, налагавшіяся на нихъ союзнымъ рядомъ. Для общинъ наступало «размирье», «нелюбье», разрѣшавшееся «судомъ Божьимъ» (бранью) и затѣмъ «разратьемъ», заключеніемъ новаго ряда, излагавшагося въ докончальныхъ и крестныхъ грамотахъ (П. С. Л. I, 97, 108, 117; II, 28 и пр. Соб гос. гр. I, 15, 52 и пр.).

---

[1]) Таковы евр. «заповѣди», рим. XII «таблицъ», монг. «найзе» и «писаницы» на скалахъ и доскахъ деревяныхъ и металлическихъ и пр. См. мое соч. Къ исторіи права рус. инородц. Ойрат. уставъ, 189, 207, 210, 233.

[2]) Впрочемъ, этотъ терминъ въ смыслѣ littera производятъ также отъ одного корня съ kanning (знакъ). См. Иречка Slov. pr. I, 151; II, 230; его-же о dskach zemskich (Сборн. 1862). О доскахъ см. сочин. Hasner, Demuth, Haan и Šafarik. См. мою ист. рус. пр. I, 100.

[3]) Обязательность исполненія договоровъ высказывается въ цѣломъ рядѣ народныхъ пословицъ: уговоръ паче денегъ; пословица всему дѣлу норѣшница и пр.

[4]) «Нъ толко бяше не *развержено* крестное цѣлованіе Новгороду съ Нѣмци» (П. С. Л. III, 89). Нарушеніе союзнаго ряда называется въ былинахъ *разбратіемъ*. «Какъ возговоритъ молодцу Абезской князь: покажи-ка грамотку отъ князя Володиміра; а живемъ мы всѣ съ нимъ не въ *разбратіи*, а въ согласіи и въ сватовствѣ живемъ, въ братотвѣ названномъ» (Лѣтоп. рус. слов. Тихонр. IV, отд. II, 4).

Случаи нарушенія союзнаго ряда князьями и слѣдовавшаго затѣмъ разбратья и размирья разрѣшаются обыкновенно слѣдующей формулой. «а кто преступитъ крестное цѣлованіе, а Богъ ему судья» (П. С. Л. I, 97 и др.); но извѣстно было и болѣе опредѣленное правило: «оже князь извинить—въ волость, а мужъ—вь голову» (ib, 119). «Изгойство» князей являлось конечнымъ результатомъ нарушенія ряда. Точно также и «мужу» грозило за неисполненіе ряда, если не полное изгойство, то во всякомъ случаѣ приволакиванье къ суду, штрафы, «выдача головою до искупа», а въ иныхъ случаяхъ и полная потеря свободы [1]).

V. Право, какъ непосредственное, инстинктивное чувство первобытнаго человѣка, сохраняется въ первычныхъ родовыхъ группахъ, не нуждавшихся въ точномъ опредѣленіи и формулированіи нормъ права [2]). Сознательные элементы начинаютъ сказываться въ процессѣ правообразованія лишь съ тѣхъ поръ, какъ мелкія родовыя группы, путемъ союзнаго ряда, вступаютъ между собой въ правовыя отношенія, сплачиваются въ организованные племенные союзы. Въ эту то пору родовой культуры выдѣляется дѣятельность особыхъ *органовъ* или *вѣщателей* обычнаго права. Обычаи, образовавшіеся первоначально въ разрозненныхъ родовыхъ группахъ, получали затѣмъ признаніе въ большихъ племенныхъ союзахъ, какъ обязательныя для нихъ заповѣди божества, открываемыя родовыми вождями и жрецами. Въ своихъ leges sacratae вожди и жрецы возвѣщали религіозныя и правовыя догмы, какъ волю самихъ боговъ, и этимъ придавали имъ обязательную силу для всѣхъ родовыхъ группъ, вступавшихъ между собой въ племенные союзы Такую патріархально-теократическую подкладку имѣло право у всѣхъ древнихъ народовъ, жившихъ въ формахъ родоваго быта. Первычные законы, легшіе въ основу племенныхъ союзовъ, коренились собственно въ изстаринныхъ родовыхъ обычаяхъ, считавшихся народной святыней, велѣніями самаго божества. Племенные вожди и жрецы не создавали законы по своему личному усмотрѣнію; ихъ заповѣди не имѣли субъективно-произвольнаго характера; напротивъ, онѣ являлись строго объективнымъ выраженіемъ родовыхъ обычаевъ, санксированныхъ откровеніемъ боговъ и авторитетомъ племенныхъ вождей.

---

[1]) См наприм., Р. Пр. Кар. сп. 68—70. Неисполненіе ряда дѣлало недѣйствительнымъ и возникавшее изъ него обязательство. Въ 1300 г. Витебскій князь Михаилъ за взятаго имъ у нѣмецкихъ гостей коня порядился дать имъ «проводы» (стражу, проводниковъ) изъ Смоленска; но это не было исполнено княземъ. Требуя отъ князя коня, нѣмцы говорили: «княжо, тимь словомь (договоромъ) не дослужил ся еси того коня. Аже бы ты у своемь слове стоялъ, а нашю братню проводилъ бы, мы быхомъ не поминали того коня» (Рус. Лив. Ак. 27).

[2]) См. Буданова—Владим Обзоръ ист. Рус. Пр. I, 63.

Изъ сказаннаго видно, что въ пору сложенія племенныхъ союзовъ право образованіе носило монопольный характеръ: одни родовые вожди да жрецы «знали» правовыя догмы, развившіяся на почвѣ родовыхъ обычаевъ и получавшія религіозную санкцію, — власть вождей, путемъ такой санкціи и подъ авторитетомъ родоваго наряда, дѣлала обязательными племенные обычаи, какъ предписанія и заповѣди боговъ. Корни такой формы правообразованія нужно искать въ цѣломъ складѣ первычныхъ обществъ, построенныхъ на дружинно-родовыхъ и теократическихъ началахъ и усвоявшихъ родовымъ вождямъ и жрецамъ монополію наряда и знанія религіозныхъ и правовыхъ догмъ. Въ особенности выдающуюся роль въ этомъ отношеніи игралъ въ древнихъ обществахъ *жреческій* классъ, въ которомъ изслѣдователи (Іеринъ) справедливо видятъ «юристовъ» древнихъ временъ («Literary Class» по Мэну). Жреческіе классы «вѣщателей» права извѣстны были древнимъ арійскимъ народамъ. Таковы индійскіе brahman'ы и pathikrit'ы, греческіе gephyrai (γεφυραί) и римскіе pontifices [1]), одинаково являвшіеся вѣщателями и истолкователями jus sacrum древнихъ арійцевъ [2]).

Вѣщателей права находимъ также у другихъ, не—арійскихъ народовъ, въ особенности у семитовъ и монгольскихъ племенъ. Древніе народные вожди евреевъ—библейскіе патріархи и пророки—имѣли значеніе вѣщателей и хранителей религіи и права; позднѣйшій талмудизмъ представляетъ также созданіе раввината—главнаго органа религіознаго и правоваго сознанія евреевъ. Таково же значеніе ламаизма въ быту средне-азіатскихъ кочевниковъ, нашихъ калмыковъ, бурятъ и другихъ монгольскихъ племенъ. Ихъ родовые вожди и жрецы (ламы) являются органами и вѣщателями права [3]); подобно тому, какъ говорить о религіи и разъяснять священныя книги буддистовъ и ламаитовъ считается для «непосвященныхъ» дѣломъ не дозволеннымъ [4]), такъ и въ об-

---

[1]) См. Leist Graeco—Ital- Rechtsgeschichte, 182—187; Marquardt Staatsverw. III, 228—230; Ihering Geist des röm. Rechts Thl. II, Abthl. II, 415; Zimmer Altind. Leben; Maine Lectures on the early history of Institutions; Сокольскаго о значеніи вѣщателей права въ первобытныхъ обществахъ (Времен. Демид. Юрид. Лицея 1875, кн. X, стр. 625 и слѣд.).

[2]) Подобно браминамъ и понтифексамъ, греч. гефиреи были истолкователями священнаго права—«*οἱ περι τα πάτρια ἱερὰ ἐξηγηταὶ καὶ ἀρχιερεῖς*». Позже у грековъ являются особые хранители законовъ—legum custodes, *νομοφυλακες* (см. Leist Graeco — Ital. Rechtsgesch., 185 и слд.).

[3]) По показаніямъ наблюдателей, калмыки-простолюдины не имѣютъ никакого понятія о своемъ обычномъ правѣ,—его *знаютъ* лишь родоправители да ламы. См. статью бар. Бюллера въ Отеч. Зап. 1846 № 11, стр. 11, 13—16.

[4]) По Пратимокша-Сутрѣ (древнему буддійскому уставу), къ числу запрещенныхъ поступковъ (pâcittiyâ) относится, «если духовный въ связномъ изложеніи объясняетъ законъ непосвященному», или «сообщитъ непосвященному о высшихъ человѣческихъ законахъ». См. Прат.—Сутра, перевед. Минаевымъ, стр. 42, пп. 4 и 8.

щественныхъ дѣлахъ могутъ [illegible] лишь своего рода «посвященные» — родовые вожди и ламы (жрецы), которымъ изстари усвояется монополія наряда и знанія религіозныхъ и правовыхъ догмъ [1]). Можно указать на такое же значеніе родоправителей и жрецовъ у нѣкоторыхъ племенъ американскихъ и африканскихъ. Ихъ племенные главы пользуются нерѣдко религіознымъ почитаніемъ, являются жрецами; признаются также особые вѣщіе люди, знахари, свѣдущіе въ народныхъ обычаяхъ [2]).

Въ средневѣковой Европѣ правообразованіе выходитъ изъ-подъ вліянія родовыхъ и жреческихъ элементовъ. Жрецы-вѣщатели права существовали въ историческое время только у кельтовъ, населявшихъ западныя окраины Европы—Галлію, Британію и Ирландію. Британскіе и Гальскіе друиды (druides) и ирландскіе брегоны (brehons), въ языческую пору, были облечены жреческою властію, монополизировавшею знаніе религіозно-правовыхъ догмъ, какъ это было вездѣ въ древнихъ обществахъ, — право друидовъ и брегоновъ считалось такимъ же священнымъ, какъ и jus sacrum рим. pontifices [3]).

У германскихъ народовъ сохранились въ историческое время лишь немногія переживанія отъ древнихъ родовыхъ порядковъ, нѣкогда господствовавшихъ у всѣхъ арійцевъ. Сюда относятся древне-нѣмецкіе wizan, gevizo [4]), соотвѣтствующіе вѣщимъ людямъ—вѣщунамъ и вѣдьмамъ (Hexe) [5]): связь такихъ вѣщуновъ съ древне-арійскими племенными старѣйшинами—жрецами кон-

---

[1]) См. мои сочин. Къ истор. права рус. инородц. Ойратскій уставъ, 16: калм. право, 380.—У кавказскихъ горцевъ племенные адаты образовались путемъ «маслагата» (соглашенія) старшинъ (саахвалъ—бѣлобрадыхъ стариковъ) родовыхъ и общинныхъ. См. мое соч. Адаты 1, 7 и слѣд.

[2]) См. Waitz Antropologie II, 129; Зибера Очеркъ первоб. экон. культуры, 451 и слѣд.

[3]) О друидахъ см. Caesar, Commentarii de bello Gallico, VI, 13—14; Strabon, IV, 4. Ср. Laferrière Hist. du droit Franç. II, 25 и др. У бриттовъ друиды носили также названіе *bardes*. См. Myvirian, Archeolog. of Gales III, 291. О брегонахъ см. Ancient Laws of Ireland, published under the Direction of the Brehon Laws Commission. 3 volumes; Maine Lectures on the early history of Institutions; Сокольскаго о вѣщателяхъ права, 639—652.

[4]) Отъ корня *vid* — scire, cognoscere; производныя: скр. vêttar (знатокъ, мудрый), ирл. fiadh (свидѣтель), англо-сакс. gewita, gewitnes (мудрый), сканд. vita, vitni, гот. witan, нѣм. vitzig (судья) и пр. (Pictet III, 164). Гриммъ, между прочимъ, указываетъ, что древненѣмецкій языкъ называетъ судей и поэтовъ однимъ и тѣмъ-же именемъ творцовъ, изобрѣтателей (finder, schaffer, schoffen),—совпаденіе понятій, сходное съ славянской вѣщбой и рим. carmen — пѣснь, прорицаніе и судебное изрѣченіе (см. Grimm Deut. Rechts alterth. 45).

[5]) По объясненію Гримма, нѣм. hexe (сканд. hagr—artificiosus, dexter)—то-же, что лат. saga, т. е. мудрая, вѣщая жена (Deut. Mythol. 992).

статируется приписываемыми вѣщимъ людямъ у германцевъ, какъ и славянъ, свойствами, вообще присущими древнимъ родоправителямъ. Подобно послѣднимъ, вѣщіе люди, по германскимъ повѣрьямъ, обладаютъ даромъ прорицанія, чарованія, врачеванія и сверхъестественнаго знанія; знахори призываются, какъ и у славянъ, для совершенія разныхъ обрядовъ въ семейномъ быту, наприм. на свадьбахъ и пр. (см Grimm, Deut. Mytholog. 992, 1007, 1042; ср. Аѳанасьева Поэт. воззр. III, 441, 442, 466).

Въ пору образованія у германцевъ большихъ территоріальныхъ союзовъ вѣщателями и хранителями права въ судахъ и народныхъ собраніяхъ являлись вообще свободные члены общинъ (vicini, proximi) — лучшіе или добрые мужи, знатоки правовыхъ народныхъ обычаевъ, подъ общимъ названіемъ boni или idonei homines (viri), prud'hommes (pros homes), sapientes, Witti, Wissenden [1]). Въ древнихъ народныхъ судахъ германцевъ добрые мужи, въ качествѣ «знахорей» обычнаго права, являлись въ роли присяжныхъ судей—sagibarones, rachinburgii, позже schopfen (schoffen) scabini [2]). Тѣже добрые мужи, знатоки народныхъ обычаевъ, являлись вѣщателями права въ древнихъ народныхъ собраніяхъ германцевъ и призывались мѣстными князьями и королями въ качествѣ совѣтниковъ и думцевъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ земскомъ нарядѣ въ теченіе всего средневѣковаго періода исторіи германскихъ народовъ. У франковъ роль такихъ вѣщателей права играли sapientes [3]) или sagibarones (senatores) — въ частности proceres, rectores (grafio — правители отдѣльныхъ общинъ) и judices (scabini), позже вообще «bons coutumiers», подъ которыми разумѣлись судьи, старѣйшины и вообще члены общинъ, основательно знавшіе правовые обычаи послѣднихъ [4]). У фризовъ такіе sapientes назывались также

---

[1]) О вѣщателяхъ права у средневѣковыхъ германцевъ см. Zopfl Deut. Rechtsgesch 16 и др.; Laferrière Hist. du droit Franç. III, 71 и слѣд; Gfrorer Zur Geschichte deut. Volksrechte im Mittelalter I, 92 и пр.; Grimm, Weissthumer и Rechtsalterthümer; Waitz Das alte Recht и Deut. Verfassungsgeschichte; Pardessus Lex Salica Савиньи, Вальтеръ и др. О вѣщателяхъ скандинавскихъ и исландскихъ см. Maurer, die Entstehungszeit der alteren Gulapingslag (Abhandl d. Muchnen Akademie Bd XII Abthl. III); его-же Island., 52, 211 и слѣд; Grimm въ Zeitschr. für Geschichtl. Rechtswissensch. III, 82; Laferrière, Hist du droit Franç. III, 73, 118,119; Stiernhook, de jure Sueonum et Gothorum antiquo, Стрингольмъ, походы Викинговъ, перев. Шемякина, II 56; Liljegren Diplóm. Suec: Herzberg Grundtrakkene i den aldste Norske Proces 156; Sigurdsson, Lógsógumanna tal ga lógmanna à Islandi (Safn til sógu Islands, II).

[2]) См Gfrórer I, 92, 103, 106, 117, 119; Waitz alte Recht, 291; Verfassungsgesch. II, 421; Zöpfl., 862—864; Grimm Rechtsalterth. 783 и др.

[3]) Въ прологѣ къ Lex Ripuariorum, напр., говорится, что для составленія законовъ Теодорикъ «elegit viros sapientes, qui in regno suo legibus antiquis eruditi erant». См. Zöpfl, 34.

[4]) См Zöpfl, Laferrière и др.; о «bons coutumiers» см. Laferrière V, 341.

legislatores или, по мѣстному выраженію, asega [1]) Знатоки и вѣщател. права извѣстны были въ древнемъ Валлисѣ подъ названіемъ vir consuetudinum [2]), у Скандинавовъ — legifer, legislator, lögmann, logmadr или lagmadr [3]), въ Исландіи — logsogumadr [4]).

Институтъ вѣщателей права въ особенности прочно утвердился у древнихъ Скандинавовъ. «Лагманы» (мужи закона) существовали въ Швеціи и Норвегіи съ незапамятныхъ временъ. Они избирались народомъ (въ Норвегіи королемъ) и существовали въ каждой провинціи; кромѣ того, избирался главный лагманъ для всей страны. Являясь подобно римскимъ трибунамъ блюстителями народныхъ пошлинъ и вольностей, лагманы были по преимуществу вѣщателями и истолкователями обычнаго права въ народныхъ судахъ и вѣчевыхъ собраніяхъ По древнему скандинавскому обычаю, лагманы излагали ежегодно свои «вѣщанія—саги» (log—saga) въ особыхъ народныхъ собраніяхъ, учреждавшихся съ этою цѣлью разъ въ годъ. Вѣщанія вѣчевыя длились обыкновенно въ теченіе нѣсколькихъ дней, когда лагманы изъясняли всенародно правовые обычаи, имѣвшіе въ странѣ силу закона [5]).

Аналогическое же учрежденіе вѣщателей права существовало въ норвежской колоніи, занявшей въ IX стол. Исландію [6]). Lögsögumadr избирался вѣ-

[1]) По одной древней хроникѣ, король Фризовъ «congregavit duces, comites et reliquum populum christianum cum *legistatoribus* et fecit omnes leges in regno suo legere» (Zöpfl, 44). Добавленія къ lex Frisionum приписываются *sapientes*: «Additis Sapientum — Judicia» (Schoffenweissthümer; см. ib 45). Мѣстнымъ названіемъ такихъ legistatores и sapientes было *asega*: «Ille asega non habet quemquam judicare nisi plebs elegerit ipsum... unc tenetur scire omnia jura quae sunt kesta et londriuch it est petitiones et edicta» (Richthofen, Friesische Rechtsquellen. Die XVIII Kueren, p. 4).

[2]) Въ прологѣ къ древнимъ Валлійскимъ законамъ говорится: «Hunc librum Blegoridus exaravit *vir consuetudinum*, quae memoria tenebantur et legum scriptarum sui tempous calentissimus». См. A. Owen, Ancient Laws of Wales. 1841.

[3]) См. Maurer Island., 211. Въ Carѣ Олафа св о скандин. лагманахъ говорится. «Quodsi discrepent leges omnia ista ad normam legis Ursaliensis componentur, atque legiferi omnes caeteres legifero, qui Trundiae est, erunt inferiores... Singulis legibus singuli praesunt legiferi, puorum apud colonospraecipua est auctoritas: lex enim erit quicquidille sanxierit». Такіе legiferi назывались также legistatores (см. Liljegren Diplom. Suec. I, 131).

[4]) См Maurer Island, 52, 211

[5]) См. Сокольскаго о вѣщателяхъ права, 654—657.

[6]) Роды, поселившіеся въ Исландіи, послали въ началѣ X в. (въ 927 г.) одного изъ своихъ старшинъ (Ульфіота) въ Норвегію для изученія обычаевъ старой родины. Этотъ-то первый вѣщатель права (Logsogumadr), возвратившись изъ Норвегіи чрезъ три года, послѣ совѣщанія съ старшинами, предложилъ составленные имъ законы вѣчу, на которомъ они и были провозглашены, какъ обязательныя для всѣхъ нормы права. Затѣмъ ежегодно въ опредѣленное время вѣщатели излагали устно законы предъ народнымъ собраніемъ и только въ 1117 г., по рѣшенію вѣча, они были записаны въ сборникѣ—Grágás, дѣйствовавшемъ въ Исландіи до 1275 г.—времени подчиненія ея Норвегіи. См. Maurer Island., 49; Laferière III, 73, 118.

чемъ обыкновенно на три года въ качествѣ вѣщателя права для всего народа, изъ лицъ, свѣдущихъ въ правѣ и принадлежавшихъ большею частію къ правящимъ родамъ, въ которыхъ крѣпко держались традиціонные обычаи народа. Дѣятельность исландскаго вѣщателя относилась главнымъ образомъ къ народнымъ вѣчамъ (Allding). ему принадлежало въ нихъ предсѣдательство и правовыя вѣщанія (logsaga) и совѣты по всякимъ законодательнымъ вопросамъ. Кромѣ того, по образцу норвежскихъ лагмановъ, исландскій вѣщатель права ежегодно, въ особыхъ вѣчевыхъ собраніяхъ, всенародно излагалъ систематическія вѣщанія (uppsaga) по разнымъ отдѣламъ мѣстнаго права, такъ чтобы въ теченіе трехлѣтія, на какое избирался каждый вѣщатель, были изложены всѣ законы. Logsogumadr принималъ также участіе въ процессѣ въ качествѣ третейскаго судьи и давалъ судьямъ въ потребныхъ случаяхъ указанія и совѣты по юридическимъ вопросамъ [1]). Эти-то вѣщатели права являлись главными органами, дѣятельность которыхъ направлялась на поддержаніе въ народной памяти правовыхъ обычаевъ, путемъ «вѣщанія» ихъ въ народныхъ собраніяхъ и судахъ. Обычай всенароднаго изустнаго вѣщанія законовъ, по видимому, не составлялъ особенности скандинавской отрасли германцевъ; по мнѣнію изслѣдователей, въ древнее время нѣчто подобное скандинавскому обычаю вѣщанія законовъ могло практиковаться и у другихъ германскихъ племенъ (см. Laferrière Hist. III, 73—74) [2]).

Обычаи, сохранявшіеся путемъ традиціи вѣщихъ людей, записывались позже въ сборники, извѣстные подъ общимъ названіемъ leges populares, или leges barbarorum. По самому существу дѣла, вѣщатели права являлись въ этомъ случаѣ главными дѣятелями, по показаніямъ которыхъ народные обычаи вносились въ древнія «правды» германскихъ племенъ. Какъ видно изъ источниковъ, въ составленіи leges populares принимали главное участіе собранія общинныхъ и племенныхъ старинъ (optimates, comites, proceres, rectores gentis и пр.) и свѣдущихъ людей (judices, schoffen, sapientes, deputati, legislatores и пр.), причемъ редактированіе сборниковъ законовъ поручалось большею частію лицамъ, слывшимъ спеціальными знатоками народныхъ обычаевъ. Декретированіе составленныхъ такимъ образомъ «leges» принадлежало народнымъ собраніямъ и королямъ [3]). Вообще говоря, составленіе и ревизія древнихъ leges barbarorum были

---

[1]) См. Maurer Island, 211 и слѣд.

[2]) Обычай всенароднаго объявленія законовъ въ опредѣленные періоды времени (обыкновенно ежегодно) практиковался позже, между прочимъ, въ городахъ, входившихъ въ составъ Ганзейскаго союза. Такой обычай записанъ въ «Скрѣ», по которой жили въ Новгородѣ община (дворъ) ганзейскихъ гостей (см. Андреевскаго о договорахъ съ нѣмцами). Всѣ эти обстоятельства подтверждаютъ мысль о возможности изстариннаго существованія у германскихъ народовъ обычая изустнаго «вѣщанія» законовъ въ народныхъ собраніяхъ.

[3]) Въ прологѣ къ Lex Salica говорится: «Gens Francorum inclyta .. dictaverunt Salicam legem Proceres ipsius gentis, qui tum temporis apud eandem erant rectores. Sunt

актомъ опроса свѣдущихъ людей: «dictare legem» означало въ старое время составленіе законовъ на основаніи свидѣтельства лучшихъ мужей-шефеновъ и другихъ свѣдущихъ въ правѣ членовъ общинъ (См. Zopfl, 16, 17; Laferrière III, 74, 80 и др.).

Изданіе оффиціальныхъ сборниковъ обычнаго права имѣло мѣсто до позднѣйшаго времени во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Германскіе Weissthumer (Scita) XIII—XV вѣковъ записывались въ сборники главнымъ образомъ на основаніи свидѣтельства общинъ, корпорацій или коллегій шефеновъ о существующихъ обычаяхъ данныхъ мѣстностей (см Zopfl, 100; Grimm, R. alterth. 783, 957). Это дѣло въ особенности получило широкое развитіе во Франціи въ XIII—XVI вѣкахъ: въ это время было приведено въ извѣстность и издано въ цѣломъ рядѣ сборниковъ обычное право чуть-ли не всѣхъ французскихъ провинцій. Сборники такіе составлялись на основаніи изстари установившихся пріемовъ распознаванія и констатированія народныхъ обычаевъ. Сюда относится такъ назыв. «enquête (или preuve) par tourbes»—распознаваніе обычнаго права путемъ опроса свѣдущихъ «окольныхъ людей», подтверждавшихъ существованіе и дѣйствіе въ данной мѣстности опредѣленныхъ правовыхъ обычаевъ. Enquêtes par tourbes, установившіеся путемъ стародавней практики [1]), были

---

autem electi de pluribus *viri* quatuor... Qui per tres mallos convenientes omnes causarum origines sollicite discurrendo, tractantes de singulis, judicium decreverunt hoc modo» (см. Zopfl, 21). Для составленія leges Ripuariorum были избраны «*viros sapientes*, qui in regno suo legibus antiquis eruditi erant»; составленные ими законы декретированы были народнымъ собраніемъ (см. ib., 34; Laferrière, III, 96). Въ составленіи leges Alamannorum участвовало 139 народныхъ представителей — 33 episcopis, 34 ducibus et 72 comitibus vel cetero populo (Zopfl, 38). Lex Frisionum также составленъ на вѣчѣ: «congregavit duces, comites et reliquum populum christianum cum *legistatoribus* (по другимъ извѣстіямъ sapientes v. asega), et fecit omnes leges in regno suo legere, et tradere unicuique homini legem suam et emendare ubicumque necesse fuit, et emendatam legem scribere ut judices per scriptum judicassent» (ib. 44). Въ составленіи leges Burgundionum участвовали: optimates, comites, королевскіе чиновники и «judices omnes *deputati* (въ числѣ 32-хъ) etiam militantes» (ib. 54. Laferrière, III, 102). Для составленія Leges Vallae было созвано въ 943 г народное собраніе, въ которомъ участвовали, кромѣ высшаго духовенства и бароновъ, по 6 депутатовъ отъ каждаго судебнаго округа. Собраніе избрало 12 свѣдущихъ въ правѣ мужей для составленія законовъ, причемъ редактированіе ихъ было поручено свѣдущему въ народныхъ обычаяхъ лицу (Blegywyrd'y — «*vir consuetudinum*, quae memoria tenebantur et legum scriptarum sui temporis calentissimus»), составленные такимъ образомъ законы были признаны народнымъ собраніемъ обязательными для всего народа (Zopfl, 71) Такимъ-же образомъ, на основаніи «вѣщбъ» (logsaga) лагмановъ, были составлены сборники древнихъ скандинавскихъ и исландскихъ законовъ (исланд. grágás въ 1117 г., упландскіе законы въ 1296 г. и пр.).

[1]) Enquêtes par tourbes практиковались еще въ XIII в. въ отдѣльныхъ французскихъ провинціяхъ. Наприм., на основаніи показаній мѣстныхъ знатоковъ обычнаго права (prud'hommes, arbitres и пр.) изданы были сборники обычнаго права Прованса въ 1235 г., Montpellier 1232, общины Albi 1212 и пр. (См. Laferrière V, 136, 232, 340, 562).

санксированы ордонансомъ Карла VII въ 1459 г. о порядкѣ редактированія и декретированія обычнаго права. Распознаваніе обычаевъ производилось обыкновенно на мѣстѣ провинціальными собраніями (assemblées locales) путемъ разслѣдованія чрезъ окольныхъ людей, не менѣе 10-ти «свидѣтелей» (témoins) — мѣстныхъ практиковъ, адвокатовъ и другихъ свѣдущихъ лицъ (bons coutumiers), основательно знавшихъ мѣстные обычаи. Изложенные ими письменно обычаи подвергались повѣркѣ второй группы «coutumiers» (тоже изъ 10-ти témoins) и затѣмъ окончательно редактировались особой королевской коммиссіей, составлявшейся каждый разъ изъ мѣстныхъ нотаблей и юристовъ. Сборники, редактированные коммиссарами, представлялись въ парламентъ и наконецъ декретировались королемъ въ качествѣ обязательныхъ для всѣхъ законовъ. Обычаи, редактированные коммиссарами на основаніи enquête par tourbes и получившіе королевскую санкцію, назывались coutumes homologuées, а самые акты, ихъ санксировавшіе,—lettres patentes (или placards) d'homologation de coutumes. Такъ велось дѣло познаванія и декретированія обычнаго права во Франціи до половины XVI вѣка, когда было издано около 30 ти провинціальныхъ системъ обычнаго права, главнымъ образомъ, на основаніи enquêtes par tourbes и homologation мѣстныхъ обычаевъ [1]).

Въ Англіи старинные сборники обычнаго права (напр., вавилонскіе законы X в.) составлялись правительствомъ также при дѣятельномъ участіи знатоковъ народныхъ обычаевъ (vir consuetudinum, — см выше). Кромѣ того, въ Англіи изстари установилась своеобразная традиція въ дѣлѣ познаванія обычнаго права: общее и мѣстное обычное право Англіи имѣетъ по преимуществу архивный, актовой характеръ, стоитъ въ тѣсной связи съ судебной практикой, изстари познается на основаніи судебныхъ рѣшеній по обычаю, внесенныхъ судьями въ особые акты и книги (public Repositories) и публикуемыхъ для общаго свѣдѣнія въ Reports. Обычай, внесенный въ Reports, получалъ силу закона, обязательнаго для судовъ; лучшимъ доказательствомъ существованія обычая считаются въ Англіи издавна судебныя рѣшенія, которыя поэтому вполнѣ обязательны для судей, обязанныхъ свято исполнять констатированное въ нихъ обычное право [2]).

Письменные сборники обычнаго права являлись въ средніе вѣка и помимо прямаго вліянія общественной власти, какъ дѣло частныхъ лицъ, въ интересахъ практическихъ записывавшихъ извѣстные имъ правовые обычаи въ отдѣльныхъ сборникахъ и записяхъ, дѣлавшихся доступными для частныхъ

---

[2]) См. Klimrath Travaux sur l'histoire du droit français II, 141 — 157; Laferrière V, 82; VI, 266, 341.

[1]) См. Жур. Мин. Пр. 1878, т. 198, стр. 153, 155.

лицъ и судей. Подобные сборники и записи иногда прямо утверждались и объявлялись обязательными общественною властію, или же пріобрѣтали оффиціальное значеніе постепенно, путемъ примѣненія ихъ въ практикѣ судебной и административной. Таково, напримѣръ, происхожденіе Саксонскаго и Швабскаго зеркалъ въ Германіи, также многихъ книгъ (Reports) или сборниковъ общаго права (common law) въ Англіи [1]).

Въ восточной половинѣ Европы только у однихъ литовцевъ, подобно кельтамъ Запада, удержался въ историческое время особый классъ жрецовъ—вѣщателей права. Жрецы давали прорицанія, гадали по крику птицъ, лѣчили болѣзни, произносили заклятія, а также участвовали въ судѣ, являясь здѣсь въ такой же роли вѣщателей права, какъ и кельтскіе друиды, древне-германскіе sapientes или скандинавскіе лагманы. Верховный жрецъ назывался у литовцевъ «криве-кривейте», т. е. судья судей (см. Боричевскаго о литовцахъ, въ Жур. Мин. Пр. 1844, IV, 15 и слѣд.; Балинскаго и Липинскаго Starożytności и пр.).

У славянъ вѣщатели права извѣстны были съ древнихъ временъ подъ названіемъ *вѣщихъ* людей (вѣштец, vitiez и пр.). Связь ихъ съ древнимъ институтомъ родовыхъ старѣйшинъ—жрецовъ констатируется традиціоннымипредставленіями славянъ о функціяхъ вѣщихъ людей съ ихъ «вѣщбами» (см. выше) «Вѣщіе люди» заключаютъ въ себѣ понятіе лицъ, обладавшихъ вообще жреческими свойствами—даромъ прорицанія, сверхестественнаго знанія, волшебства и врачеванія, затѣмъ поэтическаго творчества и суда—знанія священныхъ заклятій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ и другихъ функцій, свойственныхъ жрецамъ и родовымъ главамъ—«старикамъ» (какими по славянскимъ повѣрьямъ являются вѣщіе люди, вѣдуны), обладавшимъ «священнымъ» вѣдѣніемъ (см. Аѳанасьева Поэтич. воззрѣнія славянъ, III, 423, 426. 441, 466). Славянскій «витезь» (судья, у русскихъ—герой) вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-нѣм. withing, witzig, wizan и пр. (отъ корня *vid*—scire; см. выше) Въ Mater verborum «вѣштец» глассируется въ смыслѣ vates, prophèta divinus, т е. лица, вѣщающаго по наитію свыше, по внушенію боговъ. У южныхъ славянъ «вјештац» и «вѣштица» — тоже, что у русскихъ «вѣдунъ» и «вѣдьма» (нѣм. hexe) или синонимическія имъ названія «знахаря» и «знахарки», вѣщуна, колдуна, вообще мудраго, свѣдущаго. Вѣщіе люди и знахари позднѣйшей эпохи, утративъ непосредственную связь съ языческаго стариною, всю сущность дѣла полагаютъ въ чарованіи и сопутствующихъ ему обрядахъ и доселѣ сохранили у всѣхъ славянъ значительное вліяніе на домашній бытъ въ особенности простонародья [2]). Указанія на вѣщихъ людей находимъ въ самыхъ древнихъ сла-

---

[1]) См Zopfl, 132 151; ср Жур. Мин. Пр. 1878, т. 198, стр. 152.

[2]) Аѳан. I, 406, 414: «Еще недавно почти всякая мѣ тность (въРоссіи) имѣла своего колдуна, и на Украйнѣ до сихъ поръ убѣждены, что нѣтъ деревни, въ которой не было-бы

вянскихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, по свидѣтельству древней чешской хроники, у Крока, племеннаго главы чеховъ, положившаго первыя начала земскаго ихъ устройства, было три *вѣщія* дочери: одна владѣла силой врачеванія, другая была жрицей, научила чеховъ поклоняться богамъ и приносить имъ жертвы, третьей (Любушѣ) принадлежали судъ и расправа (см. Chron. Kozmy Praz; ср. Пречка Rechť I, 65). У южныхъ славянъ еще въ памятникахъ XIV вѣка названіе *вѣщихъ*, *мудрыхъ* мужей примѣнялось къ членамъ общинъ, являвшимся на судѣ и нарядѣ въ роли добрыхъ мужей, вѣщателей права, или же отряжавшимся общинами въ качествѣ пословъ (поклисаровъ) для заключенія союзнаго ряда съ сосѣдними землями [1]). Въ древне русскихъ памятникахъ названіе «вѣщихъ людей» употребляется то въ общемъ смыслѣ людей мудрыхъ, обладавшихъ подобно древнимъ жрецамъ «священнымъ» вѣдѣніемъ, то въ спеціальномъ значеніи вѣдуновъ, знахарей и колдуновъ Въ первомъ смыслѣ назывался «вѣщимъ» в. кн Олегъ [2]). Такое же общее значеніе нужно давать названію «вѣщій», усвоенному въ словѣ о полку Игоревѣ князю Всеславу и пѣвцу Бояну [3]) Въ спеціальномъ значеніи вѣдьмъ этотъ терминъ встрѣчается

вѣдьмы Къ нимъ прибѣгаютъ въ нуждѣ, просятъ ихъ помощи и совѣта; на нихъ же обращается и отвѣтственность за всѣ общественныя и частныя бѣдствія» (ib Ш, 422). Вѣщіе мужи, какъ знатоки народныхъ обычаевъ, необходимы для славянина при всякомъ сколько нибудь выдающемся случаѣ въ его семейномъ и хозяйственномъ обиходѣ вѣщунъ совершаетъ разные обряды, объѣзжаетъ съ особыми манипуляціями поля для предохраненія ихъ отъ порчи, охраняетъ человѣческое жилье отъ нечистой силы, является необходимымъ лицомъ чуть ли не при всякой сдѣлкѣ, заручинахъ и свадьбахъ, когда онъ бережетъ молодыхъ отъ порчи и пр. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ (въ случаѣ кражи или иной пропажи и бѣды, въ случаѣ угрожающей мести врага и пр) простолюдинъ прибѣгаетъ къ помощи и совѣту вѣщихъ людей, владѣющихъ силой обличать воровъ, отыскивать потерянную вещь и пр. Всѣ эти переживанія отъ языческой старины сохранились доселѣ у русскихъ и другихъ славянъ (ib. Ш, 422, 439, 440).

[1]) Въ Хрисовулѣ сербскаго царя Стефана, 1349 г. на земли, пожалованныя церкви св. Маріи въ Архилевичи, отводъ земель съ обозначеніемъ межъ предоставляется вѣщимъ людямъ: «и за сія села вса успомену брать царьства ми севастократорь Дѣянь, яко да си оутеше моге, коидѣ соу симь селищемь, и такози повелѣ царьство ми, да поге самь с *вѣщіими людьми*, да ю теше, и оутесавши да принесе царьству ми, и царьство ми записа мете сие симь селомь всѣмь» (Mikl. Mon. 144). Въ грамотѣ сербскаго краля Стефана Дабиша, 1392 г., названіе «мудрыхъ мужей» присвоется поклисарамъ (посламъ) Дубровника, отряженнымъ къ сербскому правительству для заключенія ряда о «свободьщинахъ», предоставленныхъ Дубровнику прежними сербскими правителями (ib. 221).

[2]) Сообщая объ этомъ, лѣтописецъ прибавляетъ: «бяху бо люди погани и невѣгласи» (П. С. Л. I, 13). По замѣчанію Аѳанасьева, «и поганый, и невѣгласъ употреблялись старинными памятниками для обозначенія всего языческаго, непросвѣщеннаго христіанствомъ». Ясно, что слово вѣщій имѣло въ язычествѣ религіозный смыслъ (Аѳан I, 107). По объясненію Карамзина, «вѣщій»—мудрый, предвидящій будущее, прозорливый (Ист. I, пр. 315).

[3]) У Всеслава, рожденнаго отъ волхвованія и обращавшагося въ различныхъ животныхъ, была «вѣщая душа» въ тѣлѣ. Тотъ-же эпитетъ придается пѣвцу Бояну: «Боянъ

въ Псковской лѣтописи, сообщающей подъ 1411 г. о сожженіи въ Псковѣ 12-«жонке вѣщихъ» (см. Псков. Лѣт., изд. Погодинымъ, 49), соотвѣтствующихъ по другимъ памятникамъ «вѣдьмамъ» и «вѣдунамъ», занимавшимся «вѣдовствомъ» [1]). Названіе вѣщихъ людей и вѣдуновъ *знахорями* примѣняется въ старыхъ юридическихъ актахъ также къ послухамъ, присутствовавшимъ въ качествѣ «добрыхъ людей» на судѣ, напр., по поземельнымъ дѣламъ, опредѣлявшихъ правомѣрность владѣнія и пр (см. Мейчика Грамоты XIV и XV вѣковъ, 30, 43, 51, 52).

Въ историческое время обычное право славянъ, какъ и германцевъ, стоитъ внѣ всякихъ непосредственныхъ вліяній со стороны старыхъ религіозно-родовыхъ элементовъ. Вѣщателями права являлись у славянъ «мужи» — свободные члены общинъ. Подъ общимъ названіемъ «добрыхъ людей», мужи были главными дѣятелями, гдѣ только шла рѣчь о народныхъ обычаяхъ — въ судѣ, управленіи и другихъ сферахъ общественной и частной жизни. Значеніе «добрыхъ людей» у славянъ весьма метко характеризуется встрѣчающимся въ одномъ изъ старосербскихъ памятниковъ названіемъ ихъ «*старыми паметарями, кои су чули одь еднога колѣна до другога*» [2]). Добрые люди назывались «паметарями» въ смыслѣ знатоковъ обычнаго права, изстари сохранявшагося въ народной памяти, переходившаго отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ «законъ отецъ своихъ», незапамятная пошлина, старина. Изслѣдователи славянской старины давно уже опредѣлили значеніе «добрыхъ людей», какъ вѣщателей (vіva vox), или органовъ обычнаго права [2]). Въ старыхъ юридическихъ памятникахъ юго

бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаки». Персты Бояна названы вѣщими: «своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокоташе» (Рус. Достоп. 26, 200–202).

[1]) Въ Никон. лѣтописи (II, стр. 357) сообщается, что въ 1227 г. явились въ Новгородѣ волхвы, вѣдуны, потворници и пр. Въ одномъ древнемъ церковномъ памятникѣ (въспросъ священническій) ставится вопросъ о вѣдмахъ: «Ать вѣдьма погубить человѣка зельемъ, что опитемья? А тое опитемьи 15 лѣтъ» (Павлова Памят. 862, п. 26). О «вѣдовствѣ» и «вѣдствѣ» говорятъ древніе церковные уставы—Владиміра св. и Всеволода Новгородскаго: вѣдовство отличается здѣсь отъ потворей, чародѣянія, волхвованія и зелейничества (см. Утина собраніе памятн. 396, 408).

[2]) Въ грамотѣ жупана Бѣльяка 1396 г. вопросъ о принадлежности Дубровнику жупъ Конавльской и Виталинской разрѣшенъ «по старѣхь писмѣхь и по старѣхь пометарѣхь по добрѣхь лудехь, кои су чули одь еднога колѣна до другога и по вѣдущѣхь бѣлѣзѣхь и зламенье: на Цаптатѣ при мори есть биль грядь стари Дубровникь полагь жупе Конавальске, коему граду пристоѣше жупа Конавальска, и бѣше му племенито та жупа и друге земьле и мѣста»... Mikl. Mon. 217.

[3]) См. Морошкина Рѣчь объ уложеніи ц. Алекс. Мих., 16; ср. Мацейов. Hist. I, 121; III, 180, 262; IV, 97; Майкова судъ присяжныхъ (Рус. Слово 1861).

западныхъ славянъ такіе вѣщатели права обыкновенно называются «мужами» или «людьми добрыми», «мудрыми», «вѣщими», «boni или fidedigni viri». Это были земскіе люди, представители общинъ, являвшіеся въ дѣлахъ законодательныхъ и земскихъ вѣщателями и хранителями обычаевъ народныхъ и вообще имѣвшіе въ старое время очень важное значеніе въ общественной жизни всѣхъ славянъ. Общины отряжали добрыхъ мужей, въ качествѣ своихъ представителей (ямцовъ и одговорниковъ), на народныя собранія (вѣча и соборы) [1]). Добрые люди принимали участіе во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, особенно если при этомъ требовалось знаніе мѣстныхъ обычаевъ, по которымъ вершились дѣла административныя и судебныя. Такимъ образомъ, добрые люди являлись оцѣнщиками («цинци достоини» по Полицкому Статуту) при отчужденіи племенщинъ и въ другихъ случаяхъ,—напримѣръ они оцѣнивали раны и убытки, понесенные обиженнымъ, опредѣляли цѣну воровскихъ вещей, правомѣрность владѣнія и пр. (см. выше о послушествѣ при заключеніи рядовъ). Общины и земли, вступавшія въ союзныя отношенія, имѣли въ своихъ добрыхъ или вѣщихъ мужахъ пословъ [2]) — посредниковъ, чрезъ которыхъ общины заключали ряды и опредѣляли взаимныя отношенія между собой, на основаніи правовыхъ нормъ, ближайшими «паметарями» которыхъ являлись добрые люди; точно также и всякіе междусоюзныя споры и дѣла вершились тѣми же добрыми мужами — вѣщателями обычнаго права союзныхъ общинъ. Старые князья, заправлявшіе своимъ нарядомъ исключительно по народнымъ обычаямъ, не могли обходиться безъ лучшихъ мужей—знатоковъ такихъ обычаевъ: лучшіе мужи были кореннымъ элементомъ въ составѣ древне-славянскихъ думъ, радъ или совѣтовъ, участвовавшихъ въ старое время у всѣхъ славянъ въ земскомъ нарядѣ князей и другихъ общинныхъ нарядниковъ (старшинъ). Народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ рѣдко участвовавшій въ общественныхъ дѣлахъ (только на вѣчахъ), принималъ въ нихъ участіе чрезъ посредство выборныхъ, добрыхъ мужей, отряжавшихся общинами въ каждомъ данномъ случаѣ, для отправленія тѣхъ или другихъ обязанностей по общинному наряду, и игравшихъ въ такихъ случаяхъ роль вѣщихъ людей, присяжныхъ вѣщателей и хранителей обычнаго права общинъ. Добрые люди, словомъ, являлись въ старомъ земскомъ нарядѣ славянскихъ общинъ главными вѣщателями и проводниками правовыхъ воззрѣній народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оберегателями народныхъ пошлинъ и «свободь-

---

[1]) Такъ было, напримѣръ, въ Полицѣ, въ которой вѣча въ обыкновенныхъ случаяхъ составлялись изъ главарей (общинныхъ старшинъ) и ямцовъ и одговорниковъ—выборныхъ отъ сельскихъ общинъ, изъ коихъ состояла Полицкая жупа. См. мое соч. древ. Хорв.-далм. зак. 77.

[2]) По южно-славянскимъ памятникамъ—поклисарь=πρεσβευτὴς, legatus. См. Даничича Рјечник, sub voce «поклисарь».

щинъ». Особенно выдающаяся роль, по самому существу дѣла, должна была принадлежать добрымъ людямъ, какъ «паметарямъ» права, въ сферѣ суда, гдѣ въ старое время все основывалось на обычаяхъ: главными дѣятелями здѣсь естественно являлись знатоки-- вѣщатели обычнаго права, примѣнявшагося въ судебной практикѣ старыхъ славянскихъ общинъ Такими вѣщателями права на судѣ являлись добрые мужи, избиравшіеся общинами или самими сторонами въ значеніи viri judices, scabini, судей «ротныхъ», «заклетвенныхъ» или «пороты», «поротниковъ» (sudci rotni, porotci и пр.), также третей (судци облублени, душники, rokovnici, jednacze или skladcze и пр.) Такіе добрые люди вершили судебныя дѣла въ значеніи самостоятельныхъ судей (поротники и трети), а также и въ составѣ вѣчъ (на торгу) или состояли при князьяхъ (напр. «судци заклетвени» при Полицкомъ князѣ) и другихъ общинныхъ нарядникахъ [1]).

Другой органъ обычнаго права славянъ представляетъ *господа*, *владаніе* или *главари* —общинные старѣйшины и князья, думы (рады, совѣты) и вѣча (вича, купы, соборы и пр.). Князья и старѣйшины общинъ являлись у славянъ по своему призванію стражами и оберегателями народныхъ пошлинъ; князю, шедшему въ разрѣзъ съ народными обычаями, грозило непремѣнно изгонство: онъ лишался волости, подобно всякому другому старшинѣ, нарушавшему пошлины и лишавшемуся черезъ то наряда въ общинѣ (см. Иречка Recht I, 42; II, 41 и слѣд.). Главной опорой княжаго наряда являлись существовавшіе у всѣхъ славянъ думцы и совѣтники—consiliarii, nobiles, barones, племенитые люди и пр., являвшіеся въ княжемъ судѣ и нарядѣ, какъ замѣчено выше, въ качествѣ «добрыхъ людей»—вѣщателей права [2]). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, въ особенности въ средневѣковыхъ далматскихъ и хорватскихъ общинахъ, существовали до позднѣйшаго времени особые общественные органы, которые, подобно греческимъ номофилаксамъ или римскимъ трибунамъ, стояли на стражѣ закона, являлись въ спеціальной роли хранителей и оберегателей права. Таковы Полицкіе «опчени» приставы и прокаратуры, сеньскіе examinatores nobiles jurati, въ другихъ далматскихъ общинахъ—tribuni, defensores communes, advocati juris communis, syndici communes,

---

[1]) См Mikl. Mon. 114, 175, 217, 221, 251, 274, 501; Helmold Chron. I, 16; Rzyszczewski Cod. diplom. III, 347 и др.; Raczyński Cod. 65 и др.: ср. Рейца Полит. устр. Далм. общинъ 73, 74, 107; мое соч. Древ. Хорв.-далм. зак. 54, 91, 96 и слѣд.; Perwolf Staroslov. rady 16, 49.

[2]) См. мое соч. Хорв.-далм зак. 53, 54, 83, 88, 96; Смирнова Городскія общины Далмаціи въ X—XI в. (Жур. Мин. Пр. 1881, т 214, стр. 118, 293, 296). Turba nobilium—совѣтъ общинныхъ нобилей при князяхъ обозначалъ, по обычаямъ далматскихъ общинъ, такое-же собраніе знатоковъ, вѣщателей права, какъ и древне-русскія думы, польскія рады и пр. См. Смирнова, 302.

дубровницкіе «парьци опкиньски» и пр.; аналогическое-же значеніе имѣли у другихъ славянъ соки, клеветники и ябетники [1]).

Оффиціальные сборники обычнаго права (статуты, законники и пр.), появлявшіеся въ древнее время у славянъ южныхъ и западныхъ, были дѣломъ общинной «господы» и добрыхъ мужей — вѣщателей и хранителей права въ славянскихъ общинахъ. Мужи, обыкновенно «старцы», т. е. лица, знавшія вполнѣ мѣстные обычаи, не творили, а лишь «припоминали» и записывали стародавнія нормы права съ тѣмъ, чтобы лежавшіе въ ихъ основѣ народные обычаи не приходили въ забвеніе, не искажались или измѣнялись на практикѣ, при примѣненіи ихъ судьями и главарями.

Наиболѣе типическимъ образцомъ такой формы распознаванія и записыванія обычнаго права служитъ составленіе Винодольскаго «закона». Законникъ хорватской общины Винодола составленъ въ 1288 г., по рѣшенію вѣча (вкуп), желавшаго сохранить на будущее время свои «старе искушене (испытанные) законы», которые безъ письменнаго изложенія жили въ памяти старыхъ людей. Избраннымъ на вѣчѣ старѣйшинамъ (старишимъ [2]), которые «болѣе помнили о законахъ своихъ отцовъ и слышали о нихъ отъ своихъ дѣдовъ», поручено было всѣ добрые испытанные законы Винодола положить на письмо и свести въ одинъ «законъ», чтобы они впредь не пришли въ забвеніе («од сада наприд могу се улети блуэнѣ те ричи»). Законы, записанные выборными «по волѣ оптинске и единим пристанењем и нареченем», утверждены вѣчемъ цѣлаго Винодола ради постояннаго соблюденія (блуэне) обычаевъ (см. мое соч.—древ. хорв.-далм закон., 15). На такихъ-же точно основаніяхъ составленъ былъ въ 1507 г. «zakon» хорватской общины Вепринца. Собраніе мужей городскихъ, для предупрежденія на будущее время неурядицы въ народѣ [3]), порѣшило записать старые «законы», которые всегда были соблюдаемы (держаны) общиной, съ

---

[1]) Въ Полицѣ общины избирали особыхъ приставовъ (опчени пристави): они «сидятъ въ судѣ» и участвуютъ въ совершеніи всякихъ «стварей и дугованьа меу лудми», вездѣ надзирая за исполненіемъ наредбъ и законовъ и оберегая общинныя права; въ случаѣ ихъ нарушенія приставы должны были «вапити»—открывать виновныхъ и вести ихъ предъ общину (см. мое соч. Хорв.-далм. зак. 91) Съ такой-же ролью оберегателей права цѣлой земли являлись земскіе прокаратуры, трибуны и другіе органы правоохраненія въ старыхъ славянскихъ общинахъ (см. ib. 85—88; Мацѣев. Hist. III, 270; Рейца Полит. устр. 45, 190, 191; Иреч. Sl. pr. I, 177; II, 216; Смирнова, въ Жур. Мин. Пр 1881, т. 214, стр. 299—о трибунахъ въ далм. общинахъ).

[2]) Винодольское вѣче избрало для составленія «закона» 39 мужей: дворникъ (глава княж. двора), 9 сатниковъ (городскихъ старшинъ)—по одному отъ каждаго винодольскаго града, 2 судьи, 12 духовныхъ (плованы, провады и попы) и 15 мірскихъ лицъ. Отъ каждаго города участвовало въ составленіи законника отъ 3 до 6 представителей

[3]) «Da bi se odsada naprędak kikoli śkandali meju plkom zgajali tre mani» (Жур. Мин. Пр. 1881, т. 214 стр. 135).

тѣмъ, чтобы они впредь сохранялись и всегда находились на письмѣ. Съ этою цѣлью «старые мужи», помнившіе обычаи за сто лѣтъ [1]), записали законы, подтвержденные старой «господой» и передававшіеся по преданію отъ мужа къ мужу («zakoni, ki muz do muza pamecase») [2]) Такихъ-же старыхъ паметарей народныхъ обычаевъ нужно видѣть въ мужахъ, которые въ 1388 г., по рѣшенію Сеньскаго вѣча (congregatio), были избраны для составленія статута изъ старыхъ законовъ и обычаевъ Сеньской общины [3]). Вообще говоря, статуты, появлявшіеся въ нѣкоторыхъ южно-славянскихъ общинахъ еще въ византійскій періодъ (до IX в., — напр , статуты г. Арбе [4]) и основанные на мѣстныхъ правовыхъ обычаяхъ, могли не иначе составляться, какъ старыми мужами—«паметарями» народныхъ обычаевъ. При полномъ господствѣ у славянъ обычнаго права не могло быть и мысли объ особой законодательной функціи, творящей правовыя нормы помимо обычнаго права: «старцы, припоминающіе обычное право, — не законодатели; они только передаютъ нормы, а не творятъ ихъ» [5]). Такими старцами, припоминавшими обычное право, являлись въ старой Польшѣ «starożylcy»: сборники обычнаго права, появлявшіеся съ XIII вѣка въ разныхъ земляхъ польскихъ, составлялись на такихъ-же основаніяхъ, какъ на западѣ leges barbarorum или Винодольскій законъ, т. е на основаніи preuve par tourbes—опроса окольныхъ людей—старожильцевъ объ извѣстныхъ имъ мѣстныхъ обычаяхъ. Показанія старожильцевъ записывались и вносились въ сборники, послужившіе позже главнымъ источникомъ польскихъ статутовъ (см. Жур. Мин. Пр. 1889 г., мартъ, 199). Путемъ такой «передачи» нормъ обычнаго права паметарями, старожильцами, вообще вѣщателями права и могли составляться старые славянскіе «статуты» и «законники», представлявшіе собой не больше, какъ сборники правовыхъ обычаевъ отдѣльныхъ общинъ, жупъ и цѣлыхъ земель. Таково несомнѣнно происхожденіе хорватскихъ «законовъ», записанныхъ въ знаменитомъ «Полицкомъ статутѣ» (1400 г.), какъ и происхожденіе древнихъ статутовъ чешско-моравскихъ, напр., статута Конрада конца XII в, позднѣйшихъ «zrizen zemskych» и пр. [6]). Распо-

---

[1]) «Toga leta se nahajahu muźi na Veprince, ki pamećahu let 100, od let sto bio źupan Cohil, źupan Brnko, ki pameti let 90, źupan Bratković, ki pameti let 70, źupan Fabić, ki pameti let 80, i tu biaše veća starich muźi, ki su zapametili staru gospodu», См. Жур. Мин. Пр. 1881 т. 214, стр. 135.

[2]) См. проф. Буданова—Владим. Неизданные законы юго-зап. славянъ въ Жур. Мин. Пр. 1881, т. 214, стр. 96 и 135.

[3]) См. Arkiv Kukuljevića III, 155.

[4]) См. мое соч. Хорв.-далм. зак. 11.

[5]) См. Буданова, въ Жур. Мин. Пр. 1881, т. 214, стр. 97.

[6]) См. Perwolf, Staroslov. rady, 48. Старые славянскіе «законники» собраны Иречкомъ, въ его «Svod źakonu slovanskich» (1880). Нѣкоторые позднѣйшіе статуты и закон-

знаваніе и передача на письмѣ обычно-правовыхъ нормъ, вообще говоря, представляютъ совершенно тождественныя явленія у средневѣковыхъ германцевъ, славянъ и другихъ арійскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи составленіе «leges», напримѣръ, средневѣковыхъ Франковъ или Валлійцевъ ничѣмъ, въ существѣ дѣла, не отличается отъ составленія «законовъ» Винодольской или Вепринской общинъ. Западно-европейскіе sapientes, boni homines, vir consuetudinum, legislator, lagmadr, asega и пр. играли въ дѣлѣ распознаванія и редактированія leges barbarorum ту же самую роль, какъ и въ славянскихъ общинахъ выборные паметари, старые мужи, старожильцы и добрые люди, свѣдущіе въ обычномъ правѣ и записывавшіе его въ «законахъ», издававшихся по вѣчевымъ рѣшеніямъ общинъ.

Затѣмъ, подобно тому, какъ на Западѣ въ старое время сборники leges появлялись помимо всякаго участія общественной власти, въ видѣ частнаго дѣла отдѣльныхъ лицъ (см. выше), такъ и у славянъ были въ употребленіи частные сборники обычнаго права, нерѣдко получавшіе оффиціальное признаніе. Такая форма передачи обычно-правовыхъ нормъ въ особенности практиковалась въ старое время у чеховъ. До XVI вѣка чешскіе судьи руководились по преимуществу частными сборниками законовъ, появлявшимися въ различное время; таковы, наприм. Prawo země ceske, Rad prava zemského, Wyklad prava cesk. Андрея Дубскаго, Knihy dewatery o práwjch země ceské Викторина Вышеградскаго и пр. (см. Иречка Slov. pr., Мацѣевскаго Hist. и пр.).

Что касается *древне-русскихъ земель*, то въ нихъ изстари извѣстны были вѣщатели права, да и вообще говоря, древнее русское право развивалось и дѣйствовало въ такихъ-же совершенно аналогическихъ формахъ, какъ и право другихъ славянъ и вообще арійцевъ. Въ частной жизни, въ судѣ и нарядѣ — вездѣ, гдѣ только возникали правовые вопросы, главными дѣятелями являлись у насъ въ старое время непремѣнно *вѣдоки—мужи*, *люди добрые* или *лучшіе*, именно въ значеніи вѣщателей или органовъ обычнаго права, — ни частныя сдѣлки не заключались, ни дѣла судебныя, административныя и законодательныя не вершились, безъ болѣе или менѣе дѣятельнаго участія въ нихъ добрыхъ мужей Необходимость въ вѣщателяхъ и хранителяхъ права обусловливалась всѣмъ складомъ древне-русской жизни. Какъ уже замѣчено выше, вся

ники (наприм., сербскій законникъ Душана, Вислицкій статутъ, чеш. Majestas Carolina и и пр.), въ которыхъ замѣчаются болѣе или менѣе сильныя вліянія элементовъ, чуждыхъ обычному праву народа, могли *составляться* на вѣчахъ путемъ законодательнаго творчества; но тѣмъ не менѣе и здѣсь статутовыя положенія объ институтахъ, взятыхъ изъ обычнаго права народа, не «творились», а могли «передаваться» только мужами — «паметарями», вѣщателями обычнаго права, каковыми на земскихъ вѣчахъ являлись сербскіе «властели большіе и малые» или чешскіе и польскіе barones, pany-rada и пр.

жизнь старыхъ русскихъ земель опредѣлялась обычаемъ. Въ частной и общественной жизни все было на немъ основано, а между тѣмъ онъ держался на одномъ преданьи, могъ познаваться лишь путемъ личнаго опыта «свѣдующихъ» людей—органовъ и вѣщателей права (enquête par tourbes). Всякая гражданская сдѣлка, порождавшая извѣстныя права и обязанности, могла пріобрѣтать правовую силу только путемъ воздѣйствія на нее общины, совершалась поэтому публично, при участіи органовъ общины, гарантировавшихъ дѣйствительность всякихъ сдѣлокъ и обязательствъ, возникавшихъ между отдѣльными лицами. Затѣмъ круговая порука, лежавшая въ основѣ стараго земскаго строя, необходимо вызывала участіе общины или ея представителей во всѣхъ стадіяхъ суда и наряда; это въ особенности нужно сказать о дѣлахъ уголовныхъ, влекшихъ за собой отвѣтственность общины (дикая вира). Участіе земскаго элемента (бояръ, старцевъ, посадниковъ, судныхъ мужей) въ судѣ и нарядѣ князей и ихъ мужей—намѣстниковъ и волостелей являлось, наконецъ, естественною необходимостью въ виду первоначальнаго положенія въ русскихъ земляхъ князей и ихъ намѣстниковъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, они представляли собой чуждый элементъ, мало знакомый съ мѣстными порядками, и потому «должны были или судить совершенно произвольно (что на дѣлѣ могло вести къ изгойству тѣхъ и другихъ), или обратиться къ такимъ лицамъ, которыя знали мѣстный обычай» (см. Дмитр. Ист. суд. инст. 46»).

Воззрѣніе на «добрыхъ людей», принимавшихъ участіе въ разнообразныхъ частныхъ сдѣлкахъ и во всѣхъ сколько нибудь важныхъ общественныхъ дѣлахъ именно въ роли вѣщателей права, нельзя считать новостью въ наукѣ. Подобное воззрѣніе стали высказывать изслѣдователи русской старины еще полстолѣтіе тому назадъ. Уже въ 30-хъ годахъ Морошкинъ указывалъ на древне русскихъ «добрыхъ людей», какъ на органы обычнаго права: «право живетъ въ народныхъ обычаяхъ, и *вѣщатели* его суть цѣловальники, люди добрые, люди лучшіе; они наполняютъ формы суда матеріальнымъ содержаніемъ» (см. Морошк. Рѣчь объ уложеніи и послѣд. его развитіи, 16). Роль добрыхъ людей въ качествѣ *судныхъ мужей* давно уже опредѣлена въ наукѣ довольно точнымъ образомъ. Вѣщатели и органы обычнаго права являлись на судѣ въ качествѣ судныхъ мужей-представителей общины, людей земскихъ, которые должны были вѣщать и узнавать правду или, по точному выраженію старыхъ памятниковъ, «стеречи правду» (или «правду беречи»), т. е. являться на судѣ вѣщателями права, съ такими же функціями, какъ и древне-германскіе boni или idonei homines, rachinburgii, schopfen (schöffen, Urtheilfinder), scabini и пр. (см. Дмитріева Истор. судеб. инстанцій, 41 и сл.; Бѣляева о позем. влад., въ Времен. XI, 6; Шпилевскаго Объ источникахъ рус. права, 31; Дювернуа Источники права, 94 и др.). Что касается добрыхъ людей и мужей, являвшихся на судѣ въ старое время въ роли *послуховъ*, то значеніе ихъ подлежитъ

спору: рядомъ съ изслѣдователями, признающими общественное значеніе добрыхъ людей—послуховъ, какъ вѣщателей и оберегателей права, доселѣ есть изслѣдователи, считающіе старыхъ послуховъ—добрыхъ людей лишь простыми «очевидцами», свидѣтелями факта, а не права [1]). Съ 50-хъ годовъ начинаетъ выясняться въ нашей историко-юридической литературѣ воззрѣніе на общественную дѣятельность «добрыхъ людей» въ смыслѣ свидѣтельства общины — института, аналогическаго съ enquête или preuve par tourbes средневѣковаго европейскаго права, и при томъ не только въ отношеніи къ «судпымъ мужамъ», но и къ «добрымъ людямъ—послухамъ», принимавшимъ участіе въ совершеніи частныхъ сдѣлокъ и въ цѣломъ производствѣ процесса. Энгельманъ и Пахманъ первые подмѣтили характерную черту свидѣтелей, особенно «посторонпихъ людей», сближавшую ихъ съ судьями: показаніе такихъ послуховъ «всегда имѣло безусловную силу,—дѣла рѣшались всегда по нему» (см. Энгельмана Систем. излож. гражд. законовъ Псков. суд. гр., 136; Пахмана О судеб. доказательствахъ, 47). Еще опредѣленнѣе ставится этотъ вопросъ послѣдующими изслѣдователями. По замѣчанію проф. Демченка, «сила показаній послуховъ не могла зависѣть отъ степени ихъ убѣдительности для суда, ни подлежать опроверженію противной стороны». Русская Правда видитъ въ послухахъ «лицъ, которыя являлись на судъ или сами собою, какъ бы *по общей къ тому обязанности*, или хотя и по призыву тяжущихся, но не въ качествѣ сторонниковъ того или другаго изъ нихъ, съ цѣлью убѣдить судъ въ справедливости самыхъ ихъ показаній, а какъ *постороннія лица*, отъ которыхъ можно было узнать обстоятельства судебнаго спора независимо отъ тяжущихся» [2]). Послухи «были вмѣстѣ и *судьями фактическаго вопроса* въ дѣлѣ, оставлявшими для суда собственно только опредѣленіе юридическихъ послѣдствій признаннаго ими факта» (см. Демченка Историч. изслѣд. о свидѣт. показ., 47 — 48) [3]). Поучительны также замѣчанія проф Дювернуа по вопросу о «свободныхъ мужахъ—

---

[1]) Еще недавно такое воззрѣніе было высказано г. Липинскимъ, въ критической статьѣ по поводу «Грамотъ XIV и XV вѣковъ» Мейчика (См. Жур. Мин. Пр. 1885 г., сент., 148 и слѣд.), и Мрочекъ—Дроздовскимъ, въ его «Изслѣдованіяхъ о Рус Правдѣ» II, 246.

[2]) Вслѣдствіе этого и показанія послуховъ «имѣли силу *независимо* отъ показанія стороны, которая на нихъ ссылалась, т. е. независимо отъ того, согласовались ли они въ своихъ показаніяхъ съ нею, или же нѣтъ».

[3]) Слѣды прежняго значенія свидѣтелей еще долго оставались въ послѣдующемъ законодательствѣ. Наиболѣе они замѣтны въ Псковской грамотѣ—особенно въ свидѣтельствѣ *сторонпихъ людей*, запечатлѣнномъ прежнимъ характеромъ. Слѣды стараго послушества сохранились еще въ первомъ Судебникѣ. См. Демченка Изслѣд. 56 и слѣд. Подъ «сторонними людьми» разумѣлись собств. «окольные сосѣди», не участвовавшіе въ дѣлѣ (см. Пск. гр. 34 и пр.).

послухахъ», какъ институтѣ, имѣвшемъ по своей первоначальной природѣ значеніе свидѣтельства общины или ея представителей [1]). Для юридической силы всякой сдѣлки, всякаго акта требовалось по древнему русскому праву присутствіе свободныхъ мужей: если такіе люди были при передачѣ вещи, при взятіи денегъ, тогда вещь будетъ принадлежать на правѣ собственности купив-

---

[1]) Для выясненія природы древнерусскаго послушества проф Дювернуа весьма остроумно сравниваетъ русскихъ послуховъ съ древними римскими testes и съ герман. boni homines и приходитъ къ заключенію о полной аналогіи всѣхъ этихъ институтовъ. Руководясь извѣстными трудами Савиньи и Іеринга, Дювернуа такъ опредѣляетъ значеніе римскихъ testes и германскихъ boni homines. *Testes* (rogati) означали по древнему римскому праву *представителей* римскаго народа (въ числѣ пяти — по одному представителю отъ каждаго народнаго класса), присутствіе которыхъ непремѣнно требовалось при всякой гражданской сдѣлкѣ. Народные представители были необходимы для самаго существованія сдѣлокъ «Дѣйствія лица, направленныя къ установленію права, могли получить освященіе голосомъ всего народа или его представителей; безъ такого освященія не существуютъ самыя важныя послѣдствія совершеннаго лицомъ дѣйствія Римскіе testes непремѣнно мужи, puberes, cives romani. Если дѣйствіе совершено предъ этими лицами, то въ актѣ участвуютъ не два только лица, за ними другая сила. Нарушеніе или неуваженіе такого акта, котораго юридическія послѣдствія гарантируетъ весь народъ или свободно призванные его представители, будетъ поступкомъ, направленнымъ прямо противъ юридическаго порядка. Въ сдѣлкѣ заключался какъ бы заранѣе произнесенный въ присутствіи всѣхъ классовъ народа приговоръ. Въ формѣ совершенія сдѣлокъ, въ ихъ составѣ, въ ихъ содержаніи можно различить такіе элементы, что понятіе сдѣлки, судебнаго рѣшенія и закона представится намъ въ совершенно новомъ сочетаніи. Простой актъ завѣщанія будетъ заключать въ себѣ элементъ закона, это не сдѣлка въ нашемъ смыслѣ, — это по силѣ дѣйствія настоящій законодательный актъ Простой контрактъ включаетъ въ себѣ опять не одну волю и соглашеніе частныхъ лицъ,—въ немъ скрывается какъ бы заранѣе установленный приговоръ. Для произведенія всѣхъ такихъ рѣшающихъ послѣдствій сдѣлки требуется одно,—надо. чтобы она совершена была передъ пятью свидѣтелями, quinque testes, cives romani, puberes» (см. Дювернуа Источн. 96—97). Тотъ-же элементъ общественнаго представительства, санксировавшаго и защищавшаго на судѣ права, возникавшія изъ сдѣлокъ, замѣчается въ древнегерм. *boni homines*; они призываются то какъ свидѣтели сдѣлокъ, то какъ Urtheilfinder'ы Для сдѣлки нужны тѣ-же лица, что и для суда. Свидѣтели сдѣлки— не простые очевидцы событія Въ нихъ скрывается другое значеніе. Они существенно необходимы для того, чтобы возникла юридическая сдѣлка. Безъ свидѣтелей не будетъ сдѣлки, какъ не будетъ судебнаго приговора, если нѣтъ шеффеновъ. Свидѣтели, подобно рим. testes, гарантируютъ дѣйствительность сдѣлки, защищаютъ ее на судѣ. «Что совершено предъ свободными людьми, на томъ лежитъ отпечатокъ права, — это не простой фактъ, не простая передача вещи, это переносъ права собственности или установленіе обязательства, которое будетъ имѣть силу предъ судомъ. Въ германскомъ мірѣ, какъ и въ римскомъ, свободный человѣкъ дѣйствуетъ во имя права: одинъ только голосъ общины или одни свободные мужи, представляющіе свою общину, могутъ узнать и дать силу праву. Все право состоитъ изъ ихъ изрѣченій (Willkührеn), всѣ юридическія отношенія ими поддерживаются, всѣ сдѣлки гарантированы ихъ присутствіемъ или участіемъ» (см. Дювернуа Источн. 93—94, 98—99).

шему,—тогда будетъ настоящій заемъ, настоящій долгъ. Если нѣтъ свободныхъ послуховъ, тогда нѣтъ никакой сдѣлки, никакого права, никакого иска Едва нужно отыскивать право, узнать его, словомъ, какъ только рождается *юридическій вопросъ*, тотчасъ же нужны свободные люди, все равно—свидѣтели сдѣлки или рѣшители спора, но именно свободные, призванные сторонами мужи, которые принимаютъ на себя открыть право. Присутствіе свободныхъ послуховъ не просто удостовѣряетъ фактъ. Ихъ присутствіе сообщаетъ юридическую силу такимъ дѣйствіямъ, которыя безъ того остались бы простымъ фактомъ. Свидѣтель сдѣлки былъ не только очевидцемъ, но въ тоже время содѣйствовалъ сторонамъ. Послухи сдѣлокъ должны были утверждать, давать силу праву, возникавшему изъ сдѣлки,—должны были не только *знать*, но еще и *стоять за правду и противъ неправды*. Такимъ образомъ, «понятіе *содѣйствія* и понятіе *вѣдущаго* заключаются въ достоинствѣ свидѣтеля, какъ его представляла древняя мысль.. Сопоставляя этотъ смыслъ послушества (пособничества при совершеніи сдѣлки) съ первоначальнымъ значеніемъ свидѣтеля, какъ человѣка вѣдущаго, мы получаемъ оба необходимыя качества, на которыхъ нѣмецкіе ученые строятъ свои заключенія объ роли, которую играла въ древнемъ судѣ сперва община, потомъ свободные ея представители» (см. Дювернуа Источники права, 99—103) [1]).

Въ самыхъ наименованіяхъ, какія придаются въ старыхъ памятникахъ лицамъ. участвовавшимъ въ частныхъ сдѣлкахъ, также въ судѣ и другихъ земскихъ дѣлахъ, въ роли рядцевъ-послуховъ, пособниковъ, знахарей и рѣшителей споровъ, раскрываются всѣ основныя функціи, какія вообще въ старое время вездѣ отправляли вѣщатели и хранители права.

Общимъ, родовымъ наименованіемъ такихъ лицъ было *мужи* [2]). Такъ на-

---

[1]) Такихъ-же воззрѣній, о значеніи древнерусскаго послушества держатся и позднѣйшіе изслѣдователи. Мейчикъ, наприм., въ замѣчаніяхъ объ изданныхъ имъ грамотахъ XIV и XV вѣковъ, смотритъ на «мужей-старожильцевъ, добрыхъ людей и знахорей», какъ на «представителей общественной совѣсти», своимъ отзывомъ опредѣлявшихъ правомѣрность сдѣлокъ и обладавшихъ «цѣлостнымъ и конкретнымъ знаніемъ права». По мнѣнію автора, «понятіе послуха оказывается весьма сложнымъ: начинаясь простымъ свидѣтельствомъ, оно постепенно возвышается до роли свѣдущихъ людей и присяжныхъ Роль послуха искони была проникнута общественнымъ характеромъ. Она коренилась въ той дѣятельной взаимопомощи, которая въ древнемъ строѣ русской жизни шла рука объ руку съ самодѣятельностію личности» (См Мейчика Грамоты 43 — 44, 51, 54). Будановъ — Владимірскій точно также не считаетъ послуховъ Рус. Пр. только свидѣтелями-очевидцами: послухи — «пособники» сторонъ на судѣ, — «свидѣтели заключенной сдѣлки, которые въ то-же время были судьями относительно этой сдѣлки». Не только въ искахъ, возникавшихъ. изъ договоровъ, но и уголовныхъ, «послухи должны разсудить» (Эклога зач 16, ст. 7 См. Христ 1, стр 28, прим. 19. Обзоръ ист. П, 260).

[2]) Въ одинаковомъ смыслѣ съ мужами говорится также о *людяхъ* они являются на судѣ какъ послухи, съ ними гонится слѣдъ и пр (см. Р. Пр. Кар. 78, 88, III).

зывались у всѣхъ славянъ члены общины вообще и въ особенности лица, занимавшія въ ней выдающееся положеніе. «Племенитые, мудрые, *добрые мужи*» или просто «мужи», по старо-славянскимъ памятникамъ, обозначаютъ по преимуществу старцевъ, старшинъ, властелей, бояръ и вообще выдающихся членовъ общины, противополагавшихся кметамъ, смердамъ (smardones) и пр. [1]). Такое же значеніе дается мужамъ въ русскихъ памятникахъ. Старшіе дружинники и бояре назывались (наприм., по Рус. Правдѣ) по преимуществу мужами и противополагались «молоди», смердамъ и пр. Затѣмъ и вообще, въ отношеніи къ своей общинѣ и волости всякій свободный и полноправный ея членъ, въ качествѣ «земскаго» человѣка, земца, получалъ эпитетъ «мужа», отличавшій его съ одной стороны отъ отрока и холопа, а съ другой—отъ чужеземца, человѣка чужаго, заволостнаго, принадлежавшаго къ другой общинѣ, волости или землѣ. По своему коренному смыслу, «мужъ» у славянъ означалъ вообще людей выдающагося положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ «свѣдущихъ», сближавшихся до извѣстной степени съ «вѣщими», «мудрыми» людьми [2]). Мужемъ считал-

---

[1]) См Miklos. Mon. 8, 221; Пуцичъ Стем. 48 и пр., «Вси людие нѣсу еднаци: есу властеле и есу кметики» (Пуцич. 3),—противоположеніе. подъ которое можно подставить противоположеніе мужей и смердовъ, людиновъ, встрѣчающееся въ Рус. Правдѣ.

[2]) Филологи-слависты даютъ различныя объясненія генезиса слова «мужъ». *Миклошичъ* производитъ его отъ корня «мьн» (man, ma, думать, мыслить) и сближаетъ съ гот. manna и нѣм. man, въ смыслѣ думающаго, мыслящаго, вѣдущаго (см. Mikl. Lexic. Palaosl. 395). *Шлейхеръ* и *Шимкевичъ* приравниваютъ сл «мужъ» къ скр. «manuga» (Urmensch, рожденный отъ Ману послѣ потопа); Шлейхеръ, впрочемъ, признаетъ, согласно съ Миклошичемъ, и самостоятельное славянское образованіе отъ корня «man» (см. Schleicher Formenlehre d. kirch. Slaw. Sprache, 111; Шимкевича Корнесловъ рус. яз. 1842). Покойный проф П. А. *Лавровскій* останавливается на значеніи слова мужъ въ степеняхъ человѣческаго возраста: «здѣсь встрѣчаемъ понятіе силы, крѣпости, мощи, почему мужъ — синонимъ человѣка *крѣпкаго, сильнаго*». Въ этомъ смыслѣ слав. мужъ сближается съ лат. vir (отъ кор. vir—быть сильнымъ, крѣпкимъ, отсюда virah — герой) и происходитъ отъ корня *mah*—расти, быть сильнымъ (crescere, potentem esse). Лавровскій, согласно съ Боппомъ (Glossar. Sanscrit.), сравниваетъ съ «мужемъ» гот. mag, нѣм. mögen и mahst, слав. могу, мошти. «Переходъ отъ кореннаго значенія *расти* къ *силѣ*, господству и возрасту, соединяющему въ себѣ эту силу, оправдывается другимъ санскр. терминомъ *vrdh* (crescere, augere): здѣсь удерживается понятіе власти, господства,—*vrdha*—возмужалый человѣкъ, старецъ (т. е. крѣпкій, мужественный). Отсюда понятно, почему мужъ у славянъ означаетъ людей извѣстнаго положенія—свободныхъ, сильныхъ, владѣвшихъ полнымъ правомъ гражданства, иногда воиновъ» (см. Лавровскаго Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ, — въ Прилож. къ XII тому Записокъ Акад. наукъ 1867, стр. 3—6). Не считая себя компетентнымъ въ филологическихъ вопросахъ, не могу однако не указать (см. текстъ) на замѣчательную форму, которою древній славянскій языкъ выражалъ дѣятельность мужа, именно не въ смыслѣ силы, а *вѣдѣнія, знахорьства*, — что, какъ кажется, оправдываетъ корнесловъ мужа въ смыслѣ думца, человѣка вѣдущаго, согласно съ анализомъ Миклошича—отъ *ma*, *man* — думать, мыслить, понимать. Въ языкахъ западно-европейскихъ и

ся тотъ, кто пользовался въ своей общинѣ значеніемъ и свободой, за кѣмъ признавались всѣ права члена общины, а главное — кто личнымъ опытомъ извѣдалъ ея порядки и обычаи и потому могъ имѣть мнѣніе и голосъ при всякихъ частныхъ сдѣлкахъ, какъ и на судѣ, нарядѣ, вѣчѣ и вообще по всякимъ земскимъ дѣламъ. Мужемъ могъ быть тотъ, кто по дѣламъ частнымъ и общественнымъ, по меткому выраженію старыхъ русскихъ актовъ, владѣлъ способностію «*мужевать*», или, что одно и тоже, «сказывать знахорьство», «послушествовать», «правду стеречи»—словомъ, быть вѣщателемъ и хранителемъ народныхъ обычаевъ — пошлинъ. Въ старыхъ славянскихъ памятникахъ дѣятельность мужей выражалась словами мужьлѣти — virum fieri, мужь — ствовати — virili agiter (см. Miklos Lexic. Palaeosl). На что, главнымъ образомъ, направлялась дѣятельность мужей, весьма наглядно показываютъ рус-

---

азіатскихъ арійцевъ нѣтъ ни одного названія мужа, которое-бы непосредственно можно было сближать съ арійскимъ корнемъ *mah* (расти); только въ готскомъ языкѣ встрѣчаются названія мальчика (magu) и дѣвочки (mavi, вмѣсто magvi), въ смыслѣ подростковъ (о *mah* и его производныхъ см. Fick Vergl Worterb. I, 168—169, 388; Vaniček Worterb., 680, 685). Всѣ названія «мужа» возводятся къ тремъ корнесловамъ: *ma*, *man* (думать, мыслить, понимать, вѣдать), *vr*, *var*, *vir* (arcere, tegere, sustendare) и *ar* (netzen, besprengen) а) Отъ *ma*, *man*, большинство филологовъ производятъ: скр. manu, manus, manuga — человѣкъ, Urmensch, мудрецъ, зенд. manus—герой, др.-герм. man, manna, mennor—Denker, мужъ, гот manna (см. Fick I, 164]—165, 391, Vaniс 659, Pott, I, 965, Deecke Verwandtsch.-Namen, 44, 171). б) Отъ *vr*, *vir*, производятъ: скр. virá—сильный человѣкъ, мужъ,—virah—герой; зенд, vira—мужъ, герой; лат. vir; др. ирл. fer, fir; кимвр. gwr; др. нѣм wér; гот. vaira, vaiis; литов. vyras; латыш. virs—вездѣ въ смыслѣ мужа (см. Fick I, 221, 786; II, 241, Vaniс. 967—968; Pictet II, 256; Bohtlingk Sanscr. Wort. VI, 1296; Curtius Grundzuge 576; Alquist Kulturwort. 204; Kurschat Wört. II, 44). Въ славян. языкѣ первычное арійское значеніе мужа, повидимому, сохранилось въ словѣ «дѣверь» — братъ мужа, буквально «сомужникъ». Слово дѣверь различно производятъ; наиболѣе подходящій корнесловъ—*dâ* принимать участіе (съ прибавкой *vr*, *var*)—сомужникъ. Ср. скр. daivar, devar, греч. δᾶηρ, лат. levir, литов. deveris (см. Fick I. 100; Vaniс. 353 и слѣд.; Mikl Lex. 185. Pictet I, 65; Kurschat II, 44; M. Müller Myth. comp. 42; Лавров. 70—73). в) Отъ *ar* производятъ: скр. nar, nara, Urmensch, мужъ; зенд nar мужъ, гр. ἀνήρ, ἀνδρός, умбр. ner мужъ, герой; ирл. near—nert vis, valor, Mannheit (см. Fick. I, 128, 649; Vaniс. 50; Bohtlingk IV, 54; Curtius 308). У финно-тюркскихъ племенъ, какъ показываютъ изслѣдованія Альквиста и Вамбери, нѣкоторыя названія мужа образовались, повидимому, подъ вліяніемъ арійскихъ корнеслововъ отъ *man*—фин mies, лив. mies и пр. (mm—saugen); отъ *vr* фин. uros, мадьяр. ur, зырян. veros, veres; въ языкахъ татаръ, якутъ, чуваш и пр. есть названія мужа—er, ar, ir и др., повидимому, также отъ арій *ar* (см. Alquist Kulturwort 204· Siogren Liv. Wort. 21, 62, 277; Vambéry Etym. Worterb. d. Turko-Tat. Sprachen, 33 — 34). Кромѣ заимствованныхъ отъ арійцевъ названій мужа, въ языкахъ тюрко финскихъ есть и національные термины (см. Vambéry 6, 90, 194, также словари: Bohtlingk Sprache d Jakut., Alquist Mordv. Gramm., Савваитова Зырян. слов., Злогницкаго Чуваш. слов., Остроумова Слов. Казан. татаръ и др.).

ские юридическіе акты стараго времени. Въ старыхъ правыхъ грамотахъ (по поземельнымъ и другимъ дѣламъ) нерѣдко встрѣчаемъ такія техническія выраженія: «ихъ-же *знахорь* инъ не по нихъ *мужевалъ*» (см Ак., относ. до юрид. быта, 638), т. е лицо, на которое сдѣлана ссылка, какъ на послуха—знатока, могущаго сообщить суду свѣдѣнія касательно обстоятельствъ спорнаго дѣла, дало свѣдѣнія не полныя, или же вовсе отказалось, по невѣдѣнію, отъ дачи какихъ либо свѣдѣній по дѣлу («знахори ихъ того не мужевали») и пр.[1]). Кто не обладалъ вѣдѣніемъ, знаніемъ, потребнымъ въ данномъ случаѣ (по суду, наряду и пр.), тотъ не могъ считаться и мужемъ, не могъ «мужевать»; голосъ такого мужа не имѣлъ никакого рѣшающаго значенія въ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра: при судебномъ разбирательствѣ поземельнаго спора князя Оболенскаго съ Троицко-Сергіевымъ монастыремъ, «знахори», выставленные каждой стороной отдѣльно, «сказали свое знахорьство» путемъ «отвода» межъ спорныхъ земель, причемъ княжескіе знахори сказали неполное знахорьство («мы по сесь дубъ по сухой межу знаем, а дале не знаем»), тогда какъ монастырскіе знахари произвели на мѣстѣ точный отводъ земель. Знахорьство послѣднихъ получило значеніе рѣшающаго акта, легшаго въ основу судебнаго приговора: вел. князь «межю имъ (монастырю) велѣлъ судие учинити по тому, как имъ их знахори отвели» (см. Мейчика Грамоты, Прилож. Ш, № 3, стр. 107). Такіе знахори назывались мужами (ib. стр. 109). Названіе мужей, по памятникамъ, примѣняется къ рядцамъ и послухамъ, присутствовавшимъ при частныхъ сдѣлкахъ, къ лицамъ, дававшимъ показанія на судѣ, бывшимъ на «сводѣ» или «гоненіи слѣда», «разводѣ» или «разъѣздѣ» земель. Мужи опредѣляли размѣръ мѣстныхъ повинностей (наприм. монастырскихъ крестьянъ) и податей (посошной и пр.), согласно съ стародавней пошлиной,—изъ нихъ избирались «судные» мужи, «бояре» и думцы» княжіе; они же наконецъ дѣйствовали «на торгу», какъ главные «вѣчники», голосъ которыхъ принимался въ основу вѣчевыхъ рѣшеній.

Мужей, въ смыслѣ «вѣдущихъ» или «вѣщихъ» членовъ общины, нужно видѣть въ упомянутыхъ выше знахоряхъ, также видокахъ, свидѣтеляхъ, послухахъ и судныхъ мужахъ, людяхъ свободныхъ, добрыхъ или лучшихъ, старцахъ или старожильцахъ, окольныхъ и постороннихъ людяхъ, сосѣдяхъ, рядцахъ, сидѣльцахъ, заѣзднцахъ и пр. Постараемся сначала опредѣлить по возможности точно первоначальное, коренное значеніе мужей, посившихъ перечисленныя выше названія

---

[1]) «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.—извѣстная свидѣтельская формула, по всей вѣроятности образовалась еще въ пору старыхъ мужей-вѣщателей.

Знахорь — древній славянскій институтъ. Знахори-мужи, являвшіеся на судѣ и нарядѣ въ качествѣ свѣдущихъ членовъ общины, упоминаются не только въ старыхъ русскихъ, но и сербскихъ памятникахъ [1]), и всегда съ одинаковымъ значеніемъ людей вѣдущихъ (вѣщихъ), знающихъ и т. п. [2]).

Что касается *видока*, о которомъ говоритъ главнымъ образомъ Рус. Пр. [3]), то коренное, первычное значеніе этого термина, сколько извѣстно, вовсе не разъяснено нашими юристами-историками. Обыкновенно полагаютъ, что видокъ (отъ «видѣть») — testis de visu, свидѣтель-очевидецъ (см. Пахмана о судеб. доказат. 125—127, Дювернуа, 100—101 и др.). Дѣло въ томъ, что, какъ уже замѣчено выше, одни и тѣ-же правовые термины въ старыхъ памятникахъ употребляются нерѣдко въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ, смотря по мѣсту и времени изданія актовъ, въ которыхъ встрѣчаются данные термины. Въ Рус. Правдѣ и памятникахъ позднѣйшихъ эпохъ можно найти совершенно одинаковые термины и названія; но дѣло въ томъ, что ихъ внутренній смыслъ можетъ вовсе не совпадать и потому отъ значенія даннаго термина по памятникамъ, напримѣръ, московской эпохи, не всегда можно заключать къ значенію этого-же термина въ древнее время, — обстоятельство, которое не всегда имѣютъ въ виду изслѣдователи. Мрочекъ—Дроздовскій, напримѣръ, въ своихъ глоссахъ терминовъ Рус. Правды, встрѣчая въ одномъ московскомъ актѣ слово «видокъ» въ значеніи свидѣтеля-очевидца, не затрудняется глоссировать и видока Рус Правды, какъ testis de visu (см. Изслѣд о Рус. Пр. II, 135). Такой пріемъ еще можно было-бы оправдать, если-бы слово «видокъ» употреблялось въ Рус. Правдѣ исключительно въ смыслѣ свидѣтеля, дающаго на судѣ свои показанія; но Рус. Правда говоритъ, кромѣ того, о такой роли видока, которая не имѣетъ ничего общаго съ судебной дѣятельностію testis de visu. Видоками въ эпоху Русской Правды назывались, кромѣ свидѣтелей (какъ увидимъ, въ роли славянскихъ «помочниковъ» и «очистниковъ»), также мужи или послухи («posly» по древн. чешскому праву), *предъ которыми* на конахъ (osadach чеш-

---

[1]) См. Miklos. Lexic. Palaeosl. s. v. знахорь.

[2]) Миклошичъ сопоставляетъ древне-славянскаго «знахоря» съ *gnarus*, отъ кор. *gna*—cognosco, γνώμι. По Пиктэ отъ того-же корня произошли скр. gnâtar — свидѣтель и хранитель, оберегатель, греч. γνωστήρ, лат cognitor—знатокъ, защитникъ и пр. (см. Pictet III, 164—165). По Іерингу значеніе древ.-герм. свидѣтеля также сводится къ понятію знающаго, Wissender (Geist d. Rom. Recht, I, 143).

[3]) Послѣ Рус. Правды слово видокъ скоро исчезаетъ въ нашихъ памятникахъ и замѣняется знахоремъ или просто свидѣтелемъ и послухомъ. Позже лишь изрѣдка употребляется въ актахъ наименованіе видокъ, утратившее однако первоначальное значеніе и означавшее просто очевидца: «а скажетъ ищея, что у него отняли чужіе животы.. *а на грабежъ видоковъ нѣтъ*, и имъ въ томъ присужати цѣлованье съ жеребья» (см. А. А. Э III, 36).

скихъ, копахъ или купахъ—литов.-русскихъ народныхъ сходкахъ) велся «сводъ» по вещнымъ и долговымъ искамъ и которые въ данномъ случаѣ имѣли такое-же значеніе, какъ и позднѣйшіе «*судные мужи*» по поземельнымъ и другимъ дѣламъ или древн. герм. Urtheilfinder'ы—Schöffen, scabini и пр. (см. Р. Пр. ак. сп. 14, 15; кар. 44; ср. Иречка Изслѣд. о жупн. судахъ, въ архивѣ Калачова, VI, 40—41; мое соч. Рус. Правда и Лит. стат. 76—79). Видоками затѣмъ назывались «свободные мужи» или «послухи», которые «выводились» въ замѣнъ свода (когда истецъ «начнеть не знати, оу кого боудеть коупилъ» вещь, оказавшуюся татебною), въ качествѣ лицъ, опять таки *предъ которыми* была куплена спорная вещь (Пр. Кар 33, ср. 36). Въ обоихъ случаяхъ послухи «смѣняются» видоками. По этому поводу, проф Дювернуа замѣчаетъ: «насъ не должно смущать такое явленіе. мы знаемъ, что Рус. Правда не составляетъ первообразнаго акта старой юридической практики,—что это искусственно образованный (?) сборникъ. Въ подлинныхъ актахъ сдѣлокъ, которые дошли до насъ отъ позднѣйшаго времени, мы *ни разу* не встрѣтимъ названіе видока вмѣсто названія послуха. Въ этихъ актахъ употребляются довольно безразлично только два названія, послухи и добрые люда» (Источн. 101). Дѣйствительно, въ подлинныхъ актахъ позднѣйшаго времени не встрѣчаемъ замѣны послуха видокомъ и это совершенно понятно. какъ уже замѣчено, слово видокъ исчезаетъ въ нашихъ памятникахъ послѣ Русской Правды. Не совсѣмъ исчезаетъ однако самое понятіе, соединявшееся въ эпоху Правды съ словомъ видокъ, — что въ старое время разумѣлось подъ именемъ видока, то позже стало входить въ понятіе знахоря. Знахори-же и послухи употребляются позже въ актахъ столь-же безразлично, какъ и послухи и добрые люди Смѣну послуховъ видоками нельзя объяснять «искусственнымъ образованіемъ» Рус. Правды; при ближайшемъ изученіи дѣла оказывается, что въ данномъ случаѣ (какъ и въ другихъ) не можетъ быть рѣчи о Правдѣ, какъ «не первообразномъ актѣ старой юридической практики». Оказывается, что именно въ употребленіи слова видокъ и въ замѣнѣ его словомъ послухъ Правда весьма твердо стоитъ на почвѣ «старой юридической практики», воспроизводитъ «достоинство послуха, какъ его представляла древняя мысль», въ смыслѣ «вѣщателя», знахоря «пошлинъ» и вмѣстѣ «посла», представителя общины, — достоинство, которое старая мысль совмѣщала въ одномъ и томъ-же органѣ «добрыхъ людей»—вѣщателей и хранителей права (см. выше). Можно, конечно, представлять и всякаго очевидца факторомъ знанія: «всякій, кто знаетъ что либо, есть *знахарь*, *свѣдѣтель*, а коли на него ссылаются на судѣ. то онъ тамъ дѣйствуетъ прямо въ смыслѣ судебнаго доказателя» (Мрочекъ—Дроздов-, 245). Но все дѣло въ томъ, что старая мысль не всякаго «знатока» представляла *знахоремъ*, *видокомъ* и *свѣдѣтелемъ*: все зависѣло здѣсь отъ объекта знанія, характера дѣятельности знатока и сферы примѣненія его знаній къ дѣлу, а потому и могутъ

быть весьма резонныя «причины видѣть въ послухѣ (прибавимъ, и видокѣ) фактора тяжбы», отличнаго отъ очевидца-свидѣтеля.

Коренное значеніе *видока*, какъ и *свѣдѣтеля*, объясняется данными сравнительнаго языкознанія. Филологи уже давно производятъ оба эти термины отъ одного и того-же корня, но только не въ смыслѣ «видѣть», а «*вѣдѣти*», «*вѣдать*» (scire, а не videre). Русской формѣ приведенныхъ терминовъ соотвѣтствуетъ старославянская форма—*вѣдокъ* или *вѣдомъ* (ἐπιστήμων, gnarus), *свѣдѣтель* [1] (μάρτυς, testis), также *свѣдокъ* (conscius, testis). Послѣдняя форма преобладаетъ въ западно-русскихъ памятникахъ (свѣдокъ, сведокъ, сведомъ, светки,—А. Ю и Зап. Рос. I, № 22, V. Времен XVI, 18; Лит. Стат. 1529, VII, 2, 16, 28 и др.; Рус Пр. и Лит. Ст. 55, 71) и въ актахъ юго-западныхъ славянъ [2]. По даннымъ сравнительной арійской филологіи, «свѣдѣтель» и «вѣдокъ» происходятъ отъ общаго корня *vid* (*scire*); отсюда также скр. vêttar (vêdtar) знатокъ, мудрый, ирл. fiadh, гот veitrôds, анг.-сакс. gewita, сканд. vitni, др герм. gewizo, vitzig—вездѣ въ значеніи слав. свѣдѣтеля [3]. Въ точно опредѣленномъ значеніи «вѣдущаго» употребляется слово «свѣдѣтель» въ Несторовой лѣтописи, при описаніи наказаній, какимъ Богъ (судья — свѣдѣтель, т. е. вѣдающій, знающій людскія прегрѣшенія) подвергаетъ людей за грѣхи «вы бо уклонистеся отъ пути моего, глаголетъ Господь, и соблазнисте многы: сего ради буду *свѣдѣтель* скоръ на противьныя, и на прелюбодѣйца, и на кленущаяся именемъ моимъ во лжю». (П. С. Л. I, 72). Въ грамотѣ митрополита Кирилла II (XIII в.) слово «*свѣдитель*» употреблено въ смыслѣ поручителя, вѣдающаго дѣло: «Да кто свободенъ боудеть отъ всѣхъ сихъ винъ пороученіемъ отца духовьнаго, понеже и *пороучиться* ѕ попъ инѣхъ съ прочими добрыми свѣдители, да поставятъ и» (въ попы). По правиламъ Владимірскаго собора, изложеннымъ въ грамотѣ Кирилла, епископъ, поставляя кого либо въ попы, долженъ предварительно «истяжать житіе его преже поставленья», путемъ обыска «*знаемыхъ соусѣдей*, его же знають издѣтьска». Сосѣди на обыскѣ у епископа являлись поручителями въ томъ, что «житіе (поставляемаго) чисто, дѣвство соблюдъши» и пр. (Павлова Памят. 89—91).

---

[1]) «Вѣдокъ» и «съвѣдѣтель» встрѣчаются въ памятникахъ церковно-славянскихъ, также въ актахъ южныхъ славянъ. См. Mikl. Lexic.Palaeosl s. v. вѣдокъ и съвѣдѣтель.

[2]) По серб. памятникамъ—*сведок*, *свуедок*, *свидок*; хорват. — *сведок*, *свидок*—свидочаство, свидочба,—словин. svêdok, чешск. — svêdek, польск. — świadek. См. Mikl. Lex.; Иречка Slov. pr.; мое Хорв.-Далм. зак.—41, 146.

[3]) См. выше, стр. 175. Отъ того-же корня происходятъ и другія производныя въ славянскихъ языкахъ: вѣште, вѣче, виче и вѣчьникъ или вѣшьникъ—ταπεινώσις, sedlosus; вѣщьба, вѣщій, вѣштьць (magus), veščec, vještac, вѣщунъ, вѣдунъ и пр. (См. Lexic. Miklos, Даничича, Вука, Юнгмана и пр.).

Не совсѣмъ точно опредѣляется также коренное значеніе слова *послухъ*. Терминъ этотъ стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ «видокомъ» и «знахоремъ»: этими терминами обозначаются два различныя качества (знаніе «правды» и ея охрана), которыми каждый «мужъ» долженъ непремѣнно обладать и проявлять въ своей общественной дѣятельности. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что названіе «послуха» произошло отъ того, что онъ непосредственно *слышалъ* обстоятельства, о которыхъ свидѣтельствуетъ, или же знаетъ о данныхъ обстоятельствахъ по *слуху* отъ другихъ, т. е. по наслышкѣ» (Энгельмана гражд. зак., 137; Пахмана О судеб. доказ. 48—49; ср. Демченка о показ. свидѣт., 25). Полагаютъ, далѣе, что послухъ есть testis de auditu, какъ видокъ—testes de visu; послухъ—лицо, *слушавшее* или присутствовавшее при заключеніи сдѣлки, о которой даютъ показанія на судѣ (Пахмана О суд. доказ., 125—127; Мрочекъ—Дрозд. О Рус. Правдѣ, 246) [1]). По мнѣнію другихъ, «правильнѣе объяснять названіе послуховъ изъ того, что они *слушались* приглашенія контрагентовъ присутствовать при заключеніи сдѣлки» (Демченка О свидѣт. показ., 9). Затѣмъ считаютъ возможнымъ, что «послухи стали такъ называться, потому что на нихъ *слались* стороны» (шлюсь, слатися, посылатися, послухъ),—послухи являлись на судѣ *пособниками* того, кто «послался» на нихъ. (См. Дювернуа, 102; Буданова—Владим. Обзоръ Ист. II, 260). Есть основаніе думать, что коренное значеніе слова послухъ произошло не отъ «слышать, слушать, слушаться или слатися», но отъ глаг. *слать*, *посылать* — mittere, πέμπειν, ἀποστέλειν. Послухъ означалъ мужа, члена общины, который являлся при заключеніи договоровъ, при разводѣ земель, на сводѣ и по другимъ земскимъ дѣламъ, не потому только, что на него слались или его призывали тяжущіеся или лица, заключавшія сдѣлку, но потому, что мужъ *обязанъ* былъ являться по частнымъ и общественнымъ дѣламъ, требовавшимъ по обычаю не-

---

[1]) Подъ это послѣднее опредѣленіе подходятъ лишь нѣкоторые, а не всѣ виды послушества, и потому предложенная формула послушества не можетъ быть признана общимъ, всеобъемлющимъ, кореннымъ критеріемъ этого института. Если кто либо присутствовалъ при сдѣлкѣ и затѣмъ на судѣ заявлялъ себя послухомъ по данному дѣлу, т. е. testis de auditu — свидѣтелемъ, «слушавшимъ» сдѣлку и пр., то гдѣ и ради чего будетъ заявлять себя такимъ-же testis de auditu тотъ, *предъ* кѣмъ на конѣ (сходкѣ) велся сводъ? Вѣдь такой «послухъ» (какъ и «вѣдокъ») является на сводѣ самъ въ роли «Urtheilfinder'a—судьи, рѣшающаго «по ротѣ» дѣло, бывшее предметомъ свода. Къ роли судьи во всякомъ случаѣ не подходитъ эпитетъ testis de auditu. То-же нужно сказать и о «послухахъ» при «гоненіи слѣда», «разъѣздѣ» земель и пр.

премѣннаго присутствія мужей (при договорахъ и пр.). На нихъ-то въ потребныхъ случаяхъ община и «въскладывала» или «слагала» послушество (Р. Пр. кар. 77), т. е. *посылала ихъ* «на правду» въ качествѣ своихъ представителей, «служившихъ» общему дѣлу. Если мужи являлись («вылазили на правду») и сами собою или по ссылкѣ на нихъ частныхъ лицъ, какъ на послуховъ, то тѣ и другіе (т. е. и послухи, и тѣ, кто слался на нихъ) поступали въ этомъ случаѣ все таки не самопроизвольно, а по обязанности [1]), отъ которой едва ли можно было отказываться, безъ ущерба для самаго дѣла (напр., безъ потери иска) и не идя въ разрѣзъ съ лежавшей на каждомъ членѣ общины повинностью взаимопомощи, круговой поруки и отвѣтственности. Мужи —видоки и послухи, предъ которыми по Рус. Правдѣ ведется на конахъ сводъ по имущественнымъ и долговымъ искамъ, назывались въ старыхъ чешскихъ памятникахъ *послами* (въ другихъ случаяхъ послухи назывались poselnice, poselkupe и пр.; см. Иречка о жупн. судахъ, въ Архив. Калачова, VI, 40—41; ср. его же Slov. pr.; Miklos. Lex.). Русскимъ послухамъ и чешскимъ посламъ и посельницамъ соотвѣтствовали хорватскіе «добрые мужи» (сосѣди), которые подъ названіемъ «приставовъ», одговорниковъ» и «ямцовъ» (емьць, емца, jamac-sponsor,—емьство vadimonium,—Mikl. Lex.) производили «свидочбу» и вообще принимали участіе по призыву общины въ земскихъ дѣлахъ, требовавшихъ особенныхъ свѣдѣній или рѣшенія по совѣсти — «домисли и кушенции» (см. мое соч. Хорв.—далм. зак., 91, 92, 146). Такая же параллель существуетъ, съ одной стороны, между «сольбой» (посольствомъ), отправлявшейся «слами», «послами»,«послухами» [2]) старыхъ русскихъ князей и земель для заключенія рядовъ между собой, также съ греками, нѣмцами и пр., а съ другой—«послушествомъ» лицъ, присутствовавшихъ при различныхъ частныхъ рядахъ, производившихъ «разъѣздъ», или отводъ земель и т. п. Послухи, какъ и послы, не играли роли только пассивныхъ зрителей, не были только «очевидцами» или «слушателями» происходившаго предъ нимъ: по выраженію Эклоги, «послухи должны разсудить» (зач. 16, ст. 7). Они лично участвовали въ рядахъ и разъѣздахъ въ качествѣ посредниковъ, рядцевъ, «разъѣздчиковъ» и притомъ ихъ послушество касалось не одной фактической, но и правовой стороны дѣла. Очень хорошей иллюстраціей дѣла въ этомъ именно направленіи можетъ служить одна старая сербская грамота временъ краля Стефана Остоя (1400 г.). Для отвода земель, данныхъ воеводѣ Грвою, произведенъ былъ на мѣстѣ обыскъ о земляхъ: составленъ былъ «зборъ» (осада чешская, копа литов.) изъ мѣстныхъ жителей—«осидниковъ», людей добрыхъ, старожильцевъ,—избранные изъ ихъ среды присяжные мужи—ротники показали не только межи, села и угодья, но и заяви-

[1]) На такую обязанность, между прочимъ, совершенно основательно указываетъ проф. Демченко (см. О свид. показ., 47).

[2]) Въ Смолен. договорѣ «послы» и «послухи» употребляются въ одинаковомъ значеніи—*представителей* общинъ (см. Будан. Христ. I, 98, 110, прим. 54).

ли, что «одь корена» (изстари) тѣ земли принадлежали кралю — него твоего прьваго било и саде твое, волань е дрьжати, волань е оддати» (см. Miklos. 247—249). Въ старыхъ славянскихъ памятникахъ «посламъ» придается значеніе—легатовъ (посълъ—legatus, nuncius, ἀποστολος, πρεσβευτής), мѣстоблюстителей (τωποτηρητής, locum tenens: «мѣстный блюститель, рекше посълъ», по старымъ кормчимъ), заступниковъ, ходатаевъ, защитниковъ, пособниковъ, наконецъ лицъ, отправляющихъ служебности (posel--negotium, minister) или совершающихъ обряды (при священнодѣйствіи, напр., хорват. «послює», — см мое Хорв.—далм. зак. 155). Понятіе предстательства и заступничества за правду съ одной стороны и служебности правдѣ съ другой несомнѣнно лежитъ также въ основаніи послушества по древне-русскимъ памятникамъ. Въ смыслѣ предстателя, заступника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пособника, о послухѣ говорится, напримѣръ, въ лѣтописномъ словѣ по случаю смерти Галицкаго князя Владиміра Васильковича: «добръ *послухъ* (заступникъ, ходатай, предстатель, защитникъ) благъвѣрью твоему обителниче святая церквьь Богородици Марія, юже созда прадѣдъ твой на правовѣрнѣй основѣ, идѣже и мужественное твое тѣло лежить.. Добръ зѣло *послухъ* (пособникъ, помощникъ) братъ твой Мьстиславъ, его же сотвори Господь намѣстника по тобѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрью положенія, но паче прилагающа, не казняща, но вчиняюща» (П. С. Л. II, 221). [1]). Затѣмъ, съ послушествомъ, какъ и съ сольбой у другихъ славянъ, соединялось также понятіе представительства по обязанности или служебности (послуществовать, какъ и poslovati = servire). Являться на «опыты» (опросы) и «обыски», производившіеся въ старое время по земельнымъ и другимъ дѣламъ

---

[1]) Въ смыслѣ *заступничества* или защиты «правды» говорится о послушествѣ также въ Печерскомъ Патерикѣ: прокаженный, не вѣруя въ Чудотворца-Цѣлителя Алимпія—Иконописца, прибѣгаетъ за исцѣленіемъ къ волхвамъ, но затѣмъ, принесши покаяніе, обратился къ препод. Алимпію, какъ «послуху» въ смыслѣ ходатая или предстателя предъ Богомъ въ его грѣхѣ. Мрочекъ—Дроздовскій и въ этомъ случаѣ видитъ въ послухѣ простаго «свидѣтеля»; впрочемъ, авторъ квалифицируетъ свидѣтеля словомъ «посредникъ», но такая квалификація здѣсь вовсе не умѣстна: посредникъ — собственно Urtheilfinder, онъ вникаетъ въ существо дѣла, долженъ «разсудить», тогда какъ «свидѣтель» только констатируетъ свое *собственное* visu, auditu и пр. (См. о Рус. Правдѣ. стр. 242). Въ такомъ-же именно смыслѣ предстателя предъ Богомъ, заступника или защитника правды (на случай нарушенія ряда) приводятся въ старыхъ грамотахъ рядныхъ, судныхъ и другихъ, въ качествѣ «послуховъ», мѣстные угодники: «а на то послухъ св. Михаилъ и на тоже рядци и послуси» — упомянуты затѣмъ 5 лицъ (см. А. Ю. № 257, III). Какъ св. Михаилъ являлся въ роли защитника правды предъ небеснымъ судьей, такъ и остальные рядцы и послухи должны были являться предъ земнымъ судьей не въ качествѣ только очевидцевъ сдѣлки, но именно въ дѣятельной роли защитниковъ *правъ* обиженной стороны.

«людьми добрыми *всею волостію*» (наприм. А. Ю. № 6), было обязанностью несомнѣнно каждаго члена общины; но на дѣлѣ здѣсь имѣло мѣсто конечно не повальное привлеченіе къ дѣлу всей волости, а лишь послушество — выборъ изъ нея «лучшихъ мужей», какъ волостныхъ представителей (ямцовъ и одговорниковъ хорват., пословъ чешск.) «которые бы то достаточнѣ вѣдали» и послужили своимъ знаніемъ и опытностію общему дѣлу [1]). Нужно впрочемъ замѣтить, что въ памятникахъ церковнаго права, знающихъ только свидѣтелей-очевидцевъ, слово послухъ употребляется въ этомъ значеніи, — является уже понятіе о *лжепослушествѣ* въ нашемъ смыслѣ слова (запрещается ставить въ попы того, кто «въ лживѣ послушьствѣ былъ боудеть»,—Павлова Пам. 91).

Значеніемъ «мужей», какъ представителей общины, вѣдавшихъ «знахорьствомъ» по земскимъ дѣламъ и пошлинамъ, опредѣлялись и другія качества, которыми долженъ былъ обладать всякій, кто являлся въ роли мужа.

Мужами могли являться «*тутошніе*» [2]) или «*окольные люди*», «окольные сосѣди» или просто «сосѣди», «люди земскіе» или «городскіе», люди «всей волости», наконецъ «чужіе люди» и «люди посторонніе» (см. Р. Пр. кар. 88; Пск. суд. гр. 9, 15, 34, 51, 55, 66, 76, 100; Грам. Мейч. 25, прилож., № 1 и р.; А. Ю. № 6, 140, 144; Сборн. Муханова 278; Горчакова О земел. влад. прилож. № 7, I; А. Юр. б. I, 53; Времен. XVI, 18 и др.). Приведенныя названія мужей имѣютъ, въ существѣ дѣла, одно значеніе—*сосѣдей*, т. е. лицъ, принадлежащихъ къ одной общинѣ и взаимно связанныхъ солидарностію общихъ интересовъ (взаимопомощи и круговой поруки). Подъ «чужими» или «посторонними людьми» нельзя разумѣть лицъ, принадлежащихъ, наприм., къ другой волости или другой землѣ. Здѣсь разумѣются люди, которые могли «вылазить на правду»; на такихъ людей можно было «въскладывать послушест-

---

[1]) См. А. З. Р. I, 233: права на землю Кіевскаго Пустынскаго монастыря были констатированы «опытомъ», какой, по давнему обычаю, произвелъ Черкаскій староста избравъ изъ окольныхъ жителей «добрыхъ старыхъ людей, которые бы то достаточнѣ вѣдали и урочища справедливѣ сознали., и они то вси передъ нами и иншѣми нѣкоторыми добрыми людьми повѣдали». Подобнымъ-же образомъ, какъ видно изъ одной указной грамоты в. кн. Ивана III (1496 г.), «обыскъ» по поземельному дѣлу былъ произведенъ *лучшими людьми*, «взятыми» мѣстнымъ волостелемъ изъ «тамошнихъ людей — старожильцевъ» (Мейчика Грам., 24 — 25). О такомъ-же обыскѣ людьми добрыми всею волостію» (т. е. избранными изъ волостныхъ людей) см. А. Ю. № 6.

[2]) «Тутошнимъ» противополагались «*пришедшіе*», не принадлежавшіе къ мѣстнымъ мужамъ—старожиламъ. Въ такомъ смыслѣ, наприм., говоритъ лѣтопись о «пришедшихъ» въ разсказѣ о томъ, что въ 1093 г. Святополкъ, только что избранный кіев. княземъ, «не сдумавъ съ большей дружиною отнею и строя своего, но совѣтъ сътвори съ пришедшими съ нимъ», — здѣсь подъ «большей дружиной» разумѣются мѣстные бояре — старожилы, съ которыми по обычаю князья совѣщались (См. П. С. Л. I, 93).

во»,—они могли «мужевать» и слѣдов. были во всякомъ случаѣ солидарны съ другими членами общины. Такіе мужи, словомъ, принадлежали къ «сосѣдямъ» же, но только такимъ, которые не были заинтересованы въ данномъ дѣлѣ, были въ отношеніи къ нему людьми «чужими, посторонними». (наприм. по владѣнію землей, жительству въ одной семьѣ и пр.) [1]). По литовскому праву «*сумежники*» и «*пограничники*» означали мужей, составлявшихъ «копные» суды по поземельнымъ дѣламъ и соотвѣтствовавшихъ восточно русскимъ суднымъ мужамъ, избиравшимся изъ сосѣдей (см. мое соч. О крестьян. Юго-Зап. Россіи, 47—52, и Рус. Прав. и Лит. Ст, 83—84). Иноземцы и иностранцы (наприм.. колбяги и варяги), уже по тому одному, что они не были «тутошними», «земскими» людьми, членами данной общины, не подлежали въ ней никакимъ служебностямъ, не могли поэтому являться и послухами на одинаковомъ основаніи съ тутошними людьми. По литовскому праву въ светки не допускаются «люди незнаемые, не тубыльцы, чужеземцы» (Рус. Пр и Лит. Стат. 57). Въ восточно-русскихъ актахъ древняго времени нѣтъ по этому вопросу точныхъ указаній, кромѣ Новг. суд. грамоты, запрещающей «Псковитину» (какъ иноземцу) послушествовать по дѣламъ Новгородца (Будан. Хр. I, 190). Если по дѣламъ, касавшимся иноземцевъ, послушество не было обязательнымъ еще въ эпоху Псковской грамоты [2]) (см. выше), то ничто не мѣшаетъ допустить, что для иноземцевъ также не могло быть обязательнымъ являться самимъ въ роли

---

[1]) См. Иск. с- гр. 16; ср. Демченка, 27 — 28. То-же самое имѣло мѣсто и въ древнемъ правѣ другихъ славянъ: мужи, люди добрые, поротники, не могли быть избираемы изъ лицъ, находившихся въ близкихъ семейныхъ или пріятельскихъ связахъ съ сторонами (см. мое соч, хорв.,далм. зак. 147). По нашимъ памятникамъ есть указаніе, впрочемъ, на *дядей,* въ качествѣ послуховъ, присутствовавшихъ при раздѣлѣ вотчины между братьями, — боковое или вообще дальнее родство не препятствовало послушеству (Мейч. Грам. VI, № 2). По закону судному людямъ требуется, чтобы послухи не состояли съ сторонами во враждѣ или тяжбѣ; не допускаются къ послушеству также дѣти противъ родителей (Рус. Достоп. II, 152). По Литовскому Статуту въ светки не допускаются участники въ дѣлѣ (Рус. Пр и Лит. Стат. 57)

[1]) Представительство сосѣдей или «свидѣтельство общины» (preuve par tourbes среднев. европ. права). было обязательно только по дѣламъ самой общины или ея членовъ, но не иноземцевъ, не входившихъ въ составъ «сосѣдей» и потому не пользовавшихся правомъ послушества, т е защиты общиной ихъ правъ на судѣ и пр. Чужеземцы по древней Правдѣ защищались на судѣ по обидамъ «ротой» (личной присягой). Лишь по позднѣйшей Правдѣ, когда чужеземцы стали входить въ болѣе тѣсныя связи съ «тутошними» или земскими людьми, защита на судѣ послушествомъ по поклепу сдѣлалась доступной и для иностранцевъ, хотя и съ меньшимъ числомъ послуховъ (два, а для земскихъ людей—семь). См. Р- Пр. ак. 9; кар. 15. Точно также по древнему праву юго-западныхъ славянъ, «добрые люди» могли быть избираемы только изъ дѣйствительныхъ членовъ общины, а не изъ иноземцевъ (изванскихъ по Полицкому Статуту, — см. мое соч. Хорв.-далм. зак. 147).

послуховъ и вообще мужей по дѣламъ «тутошнихъ людей» Какъ видно изъ старыхъ договоровъ съ нѣмцами и изъ другихъ актовъ, мужи изъ нѣмцевъ въ качествѣ «послуховъ» и «судныхъ мужей» могли являться только по дѣламъ русскихъ съ нѣмцами, или между самими нѣмцами (см. Утина Собраніе памят. 22; Рус. Лив. Ак. 19, Anh. № 1; Tobien alt. Tractate, стр. 92, Art. VII, п. 1).

Затѣмъ, не всѣ «тутошніе люди» могли принимать на себя обязанности мужей. Таковыми могли быть только *свободные* люди, считавшіеся полноправными лицами, въ настоящемъ смыслѣ «сосѣдями» и «мужами». Основной формулой древняго русскаго права было: «тяжи вси соудятъ съ послухы съ свободными; на правду холопоу не вылазити», — «послоушество на холопа не въскладаютъ». Рус. Правда допускаетъ къ послушеству, въ видѣ исключенія (по ноужи), только дворскаго боярскаго тіуна, а по незначительнымъ дѣламъ— закупа (Рус Пр. Кар. 33, 77, 99, 100). [1]). Тѣ же начала имѣли силу въ древнемъ литовскомъ правѣ: «а холопу и робѣ не вѣрити (вѣры не няти), а ни на свѣточьство ихъ не пущати»; въ светки допускалась домашняя челядь только «по нуждѣ», особенно когда дѣло шло о домовыхъ гвалтахъ и другихъ важныхъ преступленіяхъ (см. мое соч.—Рус. Пр. и Лит. Стат. 56). По Новгород. суд. грамотѣ, «холопъ на холопа послухъ», т. е. холопъ можетъ послушествовать только по дѣламъ, касавшимся холопа же (Будан. Христ. I, 190).

Нужно было, далѣе, обладать особыми личными качествами для того, чтобы свободный членъ общины могъ «мужевать», являться въ роли вѣдока, послуха или суднаго мужа. По древнему праву, мужевать могли только *люди добрые* или *лучшіе* [2]), т. е. лица, заслуживающія довѣріе по своимъ нравственнымъ качествамъ и опытности (fidedigni), пользовавшіяся въ своей средѣ хорошей репутаціей. О послухахъ — добрыхъ людяхъ говоритъ Рус. Правда [3]) и позднѣйшіе памятники, напр. Смоленскій договоръ 1229 г. [4]), въ особенности же грамоты судныя, данныя, жалованныя, раздѣльныя и пр. [5]). Тоже названіе «добрыхъ людей» придавалось суднымъ мужамъ, предъ которыми производился

---

[1]) См. Демченка о свидѣт. показ. 25. По чешскому Zrizeni zemske (§ 36 и 279). къ послушеству тоже допускались только лица свободныя, не бывшія въ числѣ «служебниковъ». То-же самое могло имѣть мѣсто и въ правѣ другихъ славянъ (см. мое соч. Хорв. далм. 147). О недопущеніи рабовъ и вольноотпущенныхъ къ послушеству см. zak. судн людемъ (Рус. Достоп. II, 163).

[2]) Какъ уже показано выше, «мужи»—вѣщатели права на судѣ и нарядѣ, послухи и пр., въ средневѣковыхъ памятникахъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ, квалифицируются по преимуществу эпитетомъ добрыхъ или лучшихъ мужей—boni, idonei или fide digni homines (viri); то-же было у насъ въ старое время.

[3]) См. Рус. Правду, въ Изслѣд. Калачова, ст. LXVIII.

[4]) См. Будан. Христ. стр. 102, п. 13

[5]) См. А. Ю. № 5, 260, I; Грам. Мейчика 30 и слѣд.

судъ [1]), также посламъ, которые «про миръ троудилися»—заключали договоры съ нѣмцами [2]) и пр. О необходимости довѣрія къ нравственнымъ качествамъ послуховъ можно заключать, между прочимъ, изъ общаго запрещенія Рус. Правды «вѣрить» татямъ и людямъ, «полгавшимъ куны и бѣжавшимъ въ чужую землю» (Рус. Пр. Кар. 133). Законъ судный людямъ предписываетъ «искати послухъ истиненъ и вспросити истовыя послухы, боящаяся Бога, нарочиты, не имуще—ни мерзости, ни лукавства», и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ принимать послухами тѣхъ, «иже когда облицаются лжюще, преступающе законъ Божій или житіе имуще скотьско» [3]). Тѣже качества требовались отъ послуховъ и въ позднѣйшее время [4]). По древнему литовскому праву точно также не допускаются въ светки люди, бывшіе «у злой славе межи околицы». Светки должны быть люди добрые — «доброе славы, вѣрыгодные, неподойзрѣные, цнотливые, богобоійные», люди, не бывшіе никогда «въ поволаньи околицы и въ фальшерствѣ», — не уличенные въ воровствѣ и другомъ проступкѣ, не наказанные по суду лишеніемъ чести и пр. (см. мое соч. Рус. Пр. и Лит. Ст. 56). Съ другой стороны, понятіе «добрыхъ людей» не ограничивалось довѣріемъ, основаннымъ только на хорошихъ нравственныхъ качествахъ послуха: требовалось также довѣріе и къ его не менѣе хорошимъ знаніямъ и опытности. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣкоторыя указанія, извлеченныя изъ старыхъ актовъ. Послы, участвовавшіе въ заключеніи Смоленскаго договора 1229 г., безразлично называются людьми добрыми, умными, лучшими (Буд. Хр. I, 97, 98, 110). «Опытъ» (опросъ) о земельныхъ правахъ Кіевскаго Пустынскаго монастыря произведенъ былъ, по давнему обычаю, старостою (Черкаскимъ) чрезъ сосѣдей, избранныхъ изъ мѣстныхъ старожиловъ въ качествѣ «добрыхъ людей», которые бы то *достаточнѣ вѣдали* и урочища *справедливѣ сознали*: «сознаніе правды» въ данномъ случаѣ путемъ точнаго указанія и отвода межъ и было сдѣлано добрыми людьми предъ судьей и «иншими нѣкоторыми добрыми людьми» (судными мужами) [5]). Въ данномъ примѣрѣ и послухи, и судные мужи, какъ оди-

---

[1]) Смоленскій договоръ 1229 г. говоритъ о «докончаньи орудій (о судѣ) пьредъ соудиями и пьредъ добрыми людьми» (Будан Христ. I, 107, п. 33) По уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 г. намѣстникъ судитъ съ добрыми людьми (ib. II, 64, п. 19).

[2]) См. введеніе Смолен. договора 1229 г (Будан. Христ. I, 98).

[3]) Рус. Достоп. II, 151—153; см. Демченка, 26—27.

[4]) Въ одномъ старомъ юридическомъ актѣ читаемъ: «И Троецкой слуга Ивашко Алексѣевъ билъ челомъ писцомъ, а сказалъ: «ставятъ, господине, въ старожильцехъ Балахонцы Васка Кабатчика, и тотъ, господине, Васко *не добрый человѣкъ; прежъ того онъ на Балахнѣ по торгомъ и кнутьемъ битъ*» (См. Ѳедотова—Чеховскаго Акты, относ. до гражд. расправы, I № 75).

[5]) А. З. Р. I, 233. По Литов, Статуту не допускаются въ светки «шаленые, которые розуму не мають» (Рус. Пр. и Лит. Стат. 57). Въ смыслѣ-же «опытнаго», «свѣдущаго», говоритъ Даніилъ Заточникъ о «*добромъ* думъцѣ», съ которымъ «князь высока стола додумаетца» (см. Памятн. Росс словесн. XII в., изд. Калайдовичемъ). Здѣсь добрый думца соотвѣтствуетъ «большей дружинѣ», «мужамъ *смысленѣимъ*» — главнымъ совѣтникамъ князей (П. С. Л. I, 93)

наково люди добрые, имѣютъ значеніе лицъ, «вѣдающихъ правду», пользующихся довѣріемъ не только по своимъ хорошимъ личнымъ качествамъ, но и по своей опытности и «сознанію правды». Община по своимъ земскимъ дѣламъ, отдѣльные ея члены по своимъ сдѣлкамъ и тяжбамъ «въскладали» послушество на такихъ мужей съ добрымъ именемъ, которые «достаточнѣ вѣдали» дѣла земскія и частныя, *лучше другихъ мужей знали правду* («справедливѣ сознали») въ такихъ дѣлахъ. Отсюда въ нѣкоторыхъ актахъ послухи съ такими качествами называются прямо *лучшими людьми*. Для примѣра приведемъ указную грамоту в. князя Ивана III (1496 г.) судьѣ Звѣреву объ «разъѣздѣ» земель, составлявшихъ предметъ спора между Троицкимъ монастыремъ и разными частными лицами: «И ты бы къ нимъ на тѣ земли ѣхалъ, взявъ съ собою старостъ и крестьянъ *лутчихъ* да того бы еси обыскалъ тамошними *людми лутчими*—старожильцы, чьи то земли изъ старины, да тѣ бы еси имъ земли розъѣхалъ» (Мейчика Грам. 25). Нельзя не вспомнить при этомъ *лучшихъ людей*, входившихъ въ составъ населенія древне-русскихъ земель, какъ особый классъ людей, выдающихся по своему общественному положенію,—людей добрыхъ, «большихъ» — *болярѣ* или *боярѣ*. Несомнѣнна не только аналогія, но и прямая связь бояръ съ добрыми и лучшими мужами-вѣщателями и хранителями правды въ земскихъ дѣлахъ. Такіе мужи, необходимо существовавшіе въ каждой общинѣ, и составляли собственно зародышевые элементы, изъ какихъ постепенно слагалось и затѣмъ пополнялось древне-русское боярство (о лучшихъ людяхъ — боярахъ см. Буданова — Владим. Обзоръ Ист. Рус. Пр. I, 11, 23). Такихъ «лучшихъ мужей» Древляне посылали къ Ольгѣ (числомъ 20); тѣ же лучшіе люди «дерьжаху Деревьску землю». Это были старѣйшины, выдающіеся по своему положенію и опытности земскіе люди, которые затѣмъ подъ именемъ старцевъ и бояръ являются въ совѣтахъ съ князьями главными вѣщателями «правды» въ земскихъ дѣлахъ.

Необходимо указать еще на одно не маловажное достоинство, которое непремѣнно предполагалось въ мужахъ, — достоинство *старыхъ людей* (отцовъ, старцевъ, стариковъ, старожильцевъ) [1]. Вспомнимъ древнее названіе обычаевъ «пошлиной» и «стариной». Вѣдать предковскую старину и пошлину, въ подробностяхъ не записанную ни въ какихъ уставахъ, державшуюся только на преданьи, привычкѣ и однообразной бытовой практикѣ, могли только люди, долго прожившіе на свѣтѣ, всесторонне извѣдавшіе жизнь своимъ личнымъ

[1]) Кромѣ людей свободныхъ, добрыхъ или лучшихъ и стариковъ, древнее литовско-русское право не допускало къ «досвѣтченью» (свѣточьству) лицъ, хотя принадлежавшихъ къ «околичнымъ сосѣдямъ», но бывшихъ «невѣрными», также христіанъ, не бывшихъ на исповѣди у плебановъ и поповъ, не принимавшихъ причастія и не знавшихъ главныхъ молитвъ—«патеръ и вѣрую» (Рус. Пр. и Лит. Стат. 57). На бытовой источникъ такихъ положеній указываютъ обычаи, соблюдавшіеся въ старой Запорожской Сѣчи при пріемѣ въ казаки (тѣ же мужи) новиковъ: первые вопросы, какіе имъ предлагались, касались вѣры'— «вѣруешь ли въ Бога и знаешь Отче нашъ и вѣрую»?

долговременнымъ опытомъ и потому хорошо знавшіе всѣ порядки своей земли, всю ея обстановку, всѣ пошлины и старины, по которымъ она жила «отъ отецъ и дѣдъ». Выше приведено (изъ древняго обрядника) народное воззрѣніе на пошлины — обычаи, «уложенные *старыми людьми* недаромъ» (Прав. Соб. 1860, Ш, 288). Объ этихъ-то вѣщателяхъ правды въ древне-русскихъ земляхъ отзывается лѣтописецъ: «красота граду старые мужи и честна дума старыми и бѣлыми сѣдинами сущихъ» (Никон. лѣт. V, 29). «Лучшіе люди» земли — «старцы» (старѣйшіе, старѣйшины) составляли земскіе совѣты, бывшіе изстари въ обычаѣ у всѣхъ славянъ. У насъ о лучшихъ людяхъ, «держащихъ» землю (Древлянскую) и о совѣтахъ «старѣйшинъ градскихъ» (въ Бѣлгородѣ при Владимірѣ) говоритъ начальная лѣтопись, какъ объ изстаринныхъ народныхъ институтахъ. Старцы затѣмъ участвуютъ въ совѣтахъ съ князьями и дружиной (старцы — совѣтники Владимира св., участвовавшіе въ рѣшеніи вопросовъ о жертвахъ богамъ отроками и дѣвицами, о принятіи новой вѣры, о вирахъ и пр.). Обычай вообще требовалъ звать на думу съ князьями прежде всего *старыхъ* бояръ; совѣтъ съ «уными» (дѣцкими, молодью), а не съ «мужами», являлся новиной, нарушеніемъ пошлины [1]). Въ Новгородскомъ совѣтѣ, состоявшемъ исключительно изъ земскихъ бояръ, главную роль играли старые посадники и тысяцкіе. Даже въ позднѣйшую пору, когда боярская дума стала терять прежнее самостоятельное значеніе [2]), не совсѣмъ утратилось воззрѣніе на *старыхъ* бояръ, какъ наиболѣе компетентныхъ думцевъ. Это видно, между прочимъ, изъ духовной Симеона Гордаго, говорившаго братьямъ: «слушали бы есте отца нашего, владыки Алексѣя, также старыхъ бояръ» (собр. г. гр. I, 24). Этихъ-то мужей—старыхъ бояръ несомнѣнно касается Заточникъ, говоря о «добромъ» думцѣ въ противоположность «лихому» [3]). Такое же значеніе имѣли мужи на *вѣчахъ*. По вѣчевымъ обычаямъ древне-русскихъ земель, полноправными вѣчниками являлись свободные мужи—*отцы*, не дѣти и отроки Отказываясь отъ войны съ Юріемъ Долгорукимъ, Кіевское вѣче въ 1147 г. рѣшило:

---

[1]) Всеволодъ Яросл. «нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створя съ ними, си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды»; Лавр. лѣт. подъ 1093 г; ср. также Ипат. лѣт. подъ 1169 г.—извѣстіе о Владимірѣ Мстиславичѣ, вопреки обычаю рѣшившемся вести совѣть съ дѣцкими (младшей дружиной) «безъ мужій своихъ» Но лѣтописямъ наиболѣе компетентные думцы — «болшая, первая» или «старшая» дружина, бояре, мужи «смыстеніи, вятшіе, лучшіе, добрые», «нарочитые» и т. п. (см. наприм. П С. Л. I, 93).

[2]) Обязательность для старыхъ князей совѣщаній съ боярами совершенно основательно признается изслѣдователями (см. напр. Буданова. Обзоръ Ист I. 26).

[3]) «Зъ добрымъ бо думъцею князь высока стола додумаетца, а съ лихымъ думъцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ» (Памят. Росс. Словесн. XII в., изд. Калайд.). — О боярской думѣ см. Буданова — Влад. Обзоръ иcт. Рус. Пр. (I, 23, 133), гдѣ изложенъ сжатый, но обстоятельный очеркъ старой думы; ср. Ключевскаго Боярская дума, 1882.

«оже се Ольговичь, ради сн, за тя бьемъ *и сѣдѣтьми*, а на Володимере племя на Гюргевича не можемъ рукы подъяти» (П. С Л. II, 35). «Дѣти», хотя и способные носить оружіе, не участвуютъ въ вѣчѣ (Буданова Очеркъ, I, 30). «При равенствѣ правъ всѣхъ отцовъ, старшіе лѣтами, *старики* естественно играли передовую роль на вѣчахъ [1]). Это преобладающее значеніе старшихъ возрастомъ, людей, дожившихъ до сѣдыхъ волосъ, есть совершенная необходимость въ обществѣ, въ которомъ всѣ источники вѣдѣнія ограничиваются личнымъ опытомъ. Кто больше жилъ, тотъ и умнѣе, ибо онъ больше видѣлъ, больше наученъ опытомъ; онъ можетъ дать мудрый совѣтъ» (Сергѣевича Изслѣдов., 215) [2]). Понятно отсюда, что и на судѣ, въ качествѣ судныхъ мужей и послуховъ-знахорей, могли являться только «сосѣди-старики» или «старожильцы». Это въ особенности нужно сказать о процессѣ по поземельнымъ дѣламъ, предполагавшемъ всегда разбирательство вопросовъ о владѣніи «по старинѣ» (давностномъ владѣніи),—разбирательство, въ которомъ могли участвовать, по самому существу дѣла, только «старожильцы» [3]). «Обчими старцами» называются, наприм., въ западно-русскихъ правыхъ грамотахъ судные мужи, предъ которыми велось разбирательство о межахъ (А. З. Р I, 30, 175; см. мое соч. Рус. Пр. и Лит. Стат. 84). По Псковской судной грамотѣ, сябры (совладѣльцы), участвовавшіе въ тяжбѣ о землѣ или борти, отводятъ свои земли и борти «*оу стариковъ*», т. е. посредствомъ показаній старожильцевъ, въ границахъ, обозначенныхъ въ ихъ общей «купной» (купчей) грамотѣ (см. Буданова Христ. I, стр. 170, п. 106). Какъ видно затѣмъ изъ старыхъ русскихъ грамоть правыхъ, разъѣздныхъ, раздѣльныхъ, купчихъ и пр., заѣздницы, разъѣздные или обыскные люди, производившіе на мѣстѣ, въ присутствіи судей (или самихъ рядцевъ, если дѣло шло о составленіи купчей на землю или о полюбовномъ раздѣлѣ земли, безъ суда), отводъ (заводъ, разъѣздъ, заѣздъ, обыскъ, опытъ

---

[2]) «Владиміръ въ 987 г. спрашиваетъ совѣта у бояръ своихъ и старцевъ градскихъ; остальные граждане, не старцы, обозначенные лѣтописцемъ общимъ терминомъ «всѣ людіе», присутствуютъ во время этого совѣщанія князя со старцами, но играютъ болѣе скромную роль,—они выражаютъ только одобреніе совѣту старцевъ· и бысть люба рѣчь ихъ (бояръ и старцевъ) князю и всѣмъ людямъ» (Сергѣевича Изслѣд., 215).

[1]) «Около первыхъ рус. князей были блюстители и знатоки обычнаго права—лучшіе земскіе люди, *старцы*... Большимъ уваженіемъ, большою представительностію въ древности пользовались эти старцы, не вслѣдствіе родовыхъ счетовъ, не какъ представители родовъ, которые будто-бы тогда существовали, какъ цѣлыя, замкнутыя въ себѣ единицы: это были только домохозяева, отцы семействъ, а не безграничные представители цѣлыхъ родовъ, какъ учитъ такъ назыв. родовая теорія нашей исторіи. Старцевъ болѣе уважаютъ, слушаютъ не въ силу ихъ родоначальнической власти, а потому что они предполагаются болѣе опытными, бывалыми, болѣе, лучше молодыхъ знающими. Гдѣ старья, тамъ и статья, говоритъ рус. пословица; но другая говоритъ еще: не спрашивай стараго, а бывалаго» (Шпилевскаго Объ источник., 13).

[3]) Съ понятіемъ о «старожильствѣ» всегда связывалось понятіе о знаніи дѣла. На практикѣ нерѣдко случалось, что послухъ, приглашенный стороной по поземельному дѣлу, показывалъ, что онъ *не старожилецъ* и потому незнаетъ даннаго дѣла: такой послухъ переставалъ быть послухомъ, а сторона, на него ссы вшаяся, теряла дѣло (см. Мейч. 52.).

и пр.) земель, всегда избирались изъ мужей или людей старыхъ, старожильцевъ—сосѣдей («сумежниковъ» и «пограничниковъ» по Литов. статуту), считавшихся въ тоже время людьми добрыми, знахорями [1]) (см. Акт. Юр быта, I, 169; А Ю. № 5, 8; А. З. Р. I, 30. 175, 233; Муханова, № 271, 284, 324; Времен XVI, 16; Мейчика грам. 24, 30 и др.,—прилож. IV, № 1,—VIII № 4; Горчакова О земельн. влад. 299 и слѣд.; мое—Рус. Пр. и Лит. Стат. 83—84). Судебная практика стараго времени показываетъ, что не—старожильцы, т. е. лица, не достигшія обычнаго возраста старцевъ, не могли принимать на себя «знахорьство» на судѣ, — противъ показанія не — старожильца можно было возражать, предъявлять отводъ [2]) Таково было значеніе мужей-старцевъ, несомнѣнно являвшихся въ старину главными вѣщателями и хранителями правды въ дѣлахъ земскихъ и частныхъ При строгой автономичности и консерватизмѣ обычнаго права, при несложности и крайней простотѣ всѣхъ жизненныхъ порядковъ стараго времени, при замкнутости и разбивчивости общинъ, обычаи могли въ ихъ средѣ до тонкостей пользоваться общеизвѣстностью, могли быть доступными въ особенности для «старцевъ», извѣдавшихъ несложную жизнь своимъ многолѣтнимъ опытомъ и потому являвшихся вполнѣ компетентными «вѣдоками» и «знахорями» по всѣмъ земскимъ дѣламъ (см Жур. Мин. Пр. 1878, т. 198, стр 157).

Основныя качества, отличающія мужей по старымъ памятникамъ, весьма рельефно воспроизводятся доселѣ въ цѣломъ рядѣ народныхъ поговорокъ и

---

[1]) По старымъ сербскимъ грамотамъ XIV в. русскимъ знахорямъ—старожильцамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ *вѣщие люди*, производившіе подобно первымъ отводъ земель: «да поге (пойдетъ) еамь (властель, правитель) с вѣщими людьми,да ю теше (опредѣлитъ межи земель, пожалованныхъ монастырю), и оутесавше да принесе царьству ми» (Miklos. Mon. 144; ср. также 248).

[2]) На подобный отводъ есть указаніе въ дѣлѣ Троицко-Серг. монастыря съ княземъ Оболенскимъ (1496) о спорномъ владѣніи землей. Княжіе знахори (Михалевъ съ товарищи—4 лицами) показали на судѣ, что кн. Оболенскій владѣлъ землей 30 лѣтъ; между тѣмъ, противная сторона, опираясь на обычай старожильства, указала на то обстоятельство, что въ числѣ княжихъ знахорей оказывается Гридка Алексѣевъ, которому еще нѣтъ 30 лѣтъ: «ино, гдине, знахорю Гридкѣ Алексѣеву тритцати лѣт от роду нѣт, и ты, гдине судя, пожалуи, обыщи лѣт его да постави ег пред великим князем». Указаніе такое сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы знахорьство князя было признано судомъ недѣйствительнымъ. Не видно однако, чтобы судья производилъ обыскъ о лѣтахъ Гридки,—послѣдній не былъ устраненъ отъ знахорьства (Мейчика Грам прилож. III, № 3, стр. 107). Данный примѣръ показываетъ, что въ концѣ XV в. сталъ терять прежнюю свою силу обычай старожильства, строго соблюдавшійся въ теченіе всей земской эпохи. Какъ видно изъ старыхъ дѣлъ о земельныхъ тяжбахъ, судьи всегда ставили сторонамъ обычный вопросъ: «есть-ли у тебя на то селищо *знахори, люди добрые, старожильцы*»,—настоятельно требовали отвѣта: «а знахори, гдине, люди добрые, старожилцы у насъ на ту землю есть.»

пословицъ, большинство которыхъ образовалось, какъ можно думать, еще въ ту пору, когда разсмотрѣнныя выше понятія знахоря, людей добрыхъ и старцевъ имѣли въ общественной жизни вполнѣ реальное значеніе.

Таковы пословицы, касающіяся *послуховъ*, *знахорей*, *вѣдоковъ*, *людей вѣщихъ*, *добрыхъ*, *лучшихъ*:

По посольству и отвѣтъ держать.

На ледъ пословъ пошлю, а на медъ самъ пойду.

Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ, а только жалуютъ.

Холопъ на боярина не послухъ

Легко воровать, какъ семь поровятъ (семь послуховъ Рус. Пр.).

Не добывайся знахарства, добывайся разума.

На кладъ знахаря не надо.

Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ. Баба ворожила, да на двое положила. Бабка на двое сказала (намекъ на «вѣщихъ» людей).

Богъ одинъ видѣлъ, а люди знаютъ.

Слово вѣдуномъ ходитъ.

Знаютъ въ Казани, что люди сказали.

Знайку въ судъ ведутъ, а незнайка дома сидитъ.

Незнайка лежитъ, а знайка бѣжитъ.

Знайка немогузнайка.

До кого что не доходило, тотъ того и не знаетъ.

Видѣлъ не видалъ, слышалъ не слыхалъ.

Не спрашивай стараго, спрашивай бывалаго.

Бывалые въ людяхъ говорятъ, не бывалые дома сидятъ.

На всякаго мудреца довольно простоты.

Сколько головъ, столько умовъ.

Глупый осудитъ, умный разсудитъ.

Умный, что староста губный: всякъ его боится.

Съ боярами знаться, ума набраться.

Городское телятко умнѣе деревенскаго дитятки.

Близкій сосѣдъ лучше дальней родни.

Много народу, да людей мало.

Лучшихъ нѣтъ, такъ хорошъ и этотъ.

Безобычному человѣку съ людьми не жить.

И въ самоѣдахъ не безъ людей.

Кто добрыхъ людей не слушаетъ, тотъ Богу спорщикъ.

На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей.

И сатана въ славѣ, да не по добру.

Честь умъ рождаетъ, а безчестье и послѣдній отымаетъ.

Особенно много пословицъ сохранилось касательно *старыхъ людей*, въ древнемъ значеніи мудрецовъ знанія и опыта:

Молодой работаетъ, старый умъ даетъ.
Гдѣ старья, тутъ и статья.
Что дворъ, то говоръ; что старецъ, то ставецъ.
Дѣтинка съ сѣдинкой вездѣ пригодится.
Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе.
Не годами старъ, а норовомъ.
Много знать, скоро состарѣешься.
Какъ выростешь съ мать, все будешь знать.
Молодой на битву, а старый на думу.
Собрался думу думать кулики, на болотѣ сидючи.
Молодь князь, молода и дума.
Первый въ совѣтѣ, первый въ отвѣтѣ.
Самъ старъ, да душа молода.
Старый воронъ не каркнетъ мимо
Стараго воробья и на мякинѣ не поймаешь.
Старый конь (волъ) борозды не портитъ
Старый конь мимо не ступитъ.
Старый волкъ знаетъ толкъ.
Стараго волка въ тенета не загонишь.
Сѣдина въ бороду — умъ въ голову.
Старъ да дюжъ.
Старина съ мозгомъ.
Старина — что диво.
Старые пророки померли, а новые правды не сказываютъ.
Борода съ ворота, а ума и съ прикалитокъ нѣту.
Старъ да малъ — дважды глупъ.
Старъ да уменъ—два угодья въ немъ.
Новгородъ, Новгородъ, а постарше большаго.
Живетъ и меньшое лучше большаго.
Большему больше и надобно.
Про то знаютъ большіе, у кого бороды пошире.
Вѣдаютъ про то старшіе, першіе.
Старшихъ и въ Ордѣ почитаютъ.
Старшему первая чарка и первая палка
Будь большой, а слушайся меньшихъ.
Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью.
Кто старъ, тотъ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ.
Какъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ (современная по-

словица, очевидно удержавшаяся отъ извѣстной древней поговорки, записанной въ лѣтописи).

Po starjesini Bog pomaga (хорв.).

Zna vrag mnogo, jer je star (хорв.).

Dla tego diabel mądry, że stary (поль).

Ko je mudar, dowoljno je star (хорв.).

J z mlade hlavy soud pravy (чеш.)

U mladiega pogovora nema (хорв.).

Gdje je dobra starjesina, vesela je sva druzina (хорв.).

Jedno se goloj, a drugo sijedoj bradi pristoji (хорв.)

Kad te starji kore, ćuti i slusaj, ako i njesi kriv (хорв.).

Слушай стары—тѣ, за да устарѣешь (болг).

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ вопроса: ради *чего*, ради *какихъ цѣлей* «въскладали» на «мужей» участіе въ земскихъ и частныхъ дѣлахъ,—въ виду какихъ именно *общественныхъ потребностей* и *задачъ* они «мужевали»,—являлись думцами, вѣчниками, судными мужами, рядцами, послухами, видоками и т. д ?

Касательно функцій мужей въ качествѣ *земскихъ* и *княжихъ совѣтниковъ* и *думцевъ*, *вѣчниковъ*, *судей* и *судныхъ мужей* теперь не можетъ быть никакого серьезнаго спора. Въ наукѣ прочно установилось положеніе о томъ, что земскіе люди и мужи, принимавшіе активное участіе въ дѣятельности старыхъ совѣтовъ, думъ, вѣчъ и судовъ, отправляли, въ существѣ дѣла, одну и ту-же общественную функцію—*вѣщателей* и *хранителей правды* въ дѣлахъ земскихъ. Функція эта намѣчена была отчетливо въ пору перваго же призванія князей, явившихся съ своей дружиной «володѣть и судить по праву», «рядить по ряду, по праву». Формула эта затѣмъ неизмѣнно воспроизводится въ обычныхъ положеніяхъ: «судить въ правду», «по старинѣ», по пошлинѣ» и пр.—положеніяхъ, встрѣчающихся во всѣхъ послѣдующихъ докончаньяхъ земель съ князьями, въ позднѣйшихъ судныхъ и другихъ «пошлинныхъ» грамотахъ. Какъ уже замѣчено, князья и княжіе мужи, по самому своему положенію, въ качествѣ нарядниковъ и судей, постоянно переходившихъ съ мѣста на мѣсто изъ одной волости въ другую, мало могли «вѣдать» мѣстныя пошлины, по которымъ обязательно вершились всѣ земскія дѣла,—князья и намѣстники поэтому должны были рядить дѣла или «совершенно произвольно, или обратиться къ такимъ лицамъ, которыя знали мѣстный обычай», — къ «вѣдокамъ», «лучшимъ» земскимъ людямъ, старожиламъ. Судные мужи, избиравшіеся въ старое время изъ земскихъ людей для того, чтобы «сидѣть» на судѣ у намѣстниковъ и тіуновъ,

«*правды стеречи*» («*правды беречи*») [1], отправляли въ дѣлѣ мѣстной юстиціи и мѣстнаго наряда тѣже самыя функціи, что и земскіе мужи, сидѣвшіе на вѣчѣ или у князя «въ сѣняхъ»—на княжемъ судѣ и нарядѣ (бояре, посадники и пр.). На вѣчѣ, въ княжей думѣ и на судѣ, какъ общины и ея органовъ (въ закличъ, на конахъ, на торгу и пр.), такъ и князей и княжихъ намѣстниковъ и тіуновъ, земскіе мужи являлись вездѣ въ одной неизмѣнной роли. они «берегли», «стерегли правду», являлись ея «*сторожей*» [2], т. е. вѣщателями и хранителями правды во всѣхъ земскихъ дѣлахъ. Такой «сторожей» правды на княжемъ судѣ въ древнемъ Новгородѣ были посадники, приставы и докладчики [3]), въ другихъ земляхъ бояре — на судѣ у самаго князя и судные мужи (дворскіе, сотники и пр.)—у намѣстниковъ и пр. [4]). Такихъ же вѣщателей и стражей правды нужно видѣть въ Новгородскихъ боярахъ и житьихъ (по 2 боярина и по 2 житьихъ отъ каждой стороны), сидѣвшихъ на судѣ посадника и намѣстника, какъ и въ житьихъ (по 2 отъ каждой стороны)—на владычнемъ судѣ (П. С. Л. IV, 91, 92; ср. Новг. суд. гр., п. 5). Точно также бояре и другіе мужи, «посылавшіеся» князьями и общинами на порубежные, смѣтные (обчіе) и третейскіе суды, имѣли несомнѣнное значеніе «сторожи»—вѣщателей и хранителей правды по дѣламъ, разбиравшимся на этихъ судахъ (см. Собр. гос. гр. I, 23, 28 и др.).

Что касается значенія и роли мужей, которые въ старое время (въ эпоху Рус. Правды, главнымъ образомъ) являлись на судѣ подъ именемъ «*людей*», «*видоковъ*» и «*послуховъ*, то, какъ уже замѣчено, вопросъ этотъ доселѣ возбуждаетъ между учеными разныя, нерѣдко совершенно противоположныя мнѣнія. Мы

---

[1]) П. С. Л. IV, 287. Ср. Карамз. Истор. VII, 187, прим. 362; Солов. Истор. V, 466; Дмитріева Ист. суд. инст. 40—49; Бѣляева о позем. влад. (Времен. XI, 6—8); Шпилевскаго. Объ Источн., 33, 34, 48 и др.

[2]) «*Сторожей*» (сторожа) названы въ одной старой грамотѣ XV в мужи, сидѣвшіе въ качествѣ судей на смѣстномъ судѣ (см. Сборн. Муханова, 339), именно въ значеніи оберегателей не одной власти и правъ князя, но и главнымъ образомъ хранителей и оберегателей правды на судѣ.

[3]) Собр. г. гр. I, 14, 87; А. А. Э. I. 57, Буд. Хр. I, 186, 190 — 194, 204 .

[4]) О «судныхъ мужахъ» говорится впервые въ одномъ судномъ дѣлѣ временъ Дмитрія Донскаго, хотя до самаго конца XV в. законодательство молчитъ о нихъ «Законъ долго не заботился объ этомъ обычаѣ, ибо долго не обращалъ вниманія на внутреннее устройство суда, довольствуясь однимъ опредѣленіемъ количества судебныхъ пошлинъ». Въ первый разъ говорится въ законахъ о намѣстничемъ судѣ съ лучшими людьми въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 г. (См Дмитріева Ист. Суд. Инстанц. 41; ср. Мейчика Грам. 31, 33 и др.).

давно уже высказали свое мнѣніе по данному вопросу въ статьѣ «Русская Правда и Литовскій Статутъ», также въ «древнемъ хорвато-далматскомъ законодательствѣ». Не входя поэтому въ подробный разборъ вопроса, мы изложимъ въ настоящемъ случаѣ лишь нѣсколько поправокъ и дополненій къ сказанному нами раньше.

Ближайшее изученіе Рус. Правды, сравнительно съ другими памятниками древняго русскаго (въ особенности литовскаго) и славянскаго права, какъ намъ кажется, позволяетъ свести людей, мужей, видоковъ и послуховъ къ двумъ отдѣльнымъ типамъ «мужей», принимавшихъ различное участіе въ судѣ въ эпоху Рус. Правды. Таковы:

а) *Testes de visu и de auditu* по личнымъ и имущественнымъ обидамъ (Рус. Пр. ак. сп 38, кар. 4, 37, 79, 99, 100);

б) Testimonium vicinorum (preuve par tourbes): 1) *мужи* и *послухи*, присутствовавшіе при частныхъ сдѣлкахъ и актахъ (кар. 33, 36, 45—48, 111 115, 119); 2) *мужи*, предъ которыми была сдѣлана «заповѣдь» о правонарушеніи личномъ или имущественномъ (ак., 2, 28; кар. 27, 29); 3) *соприсяжники*, поротцы—помочники и очистники (ак. 2, 9, 28; кар. 15, 17, 24, 26, 78, 79) и 4) *свѣдущіе окольные люди*, присутствовавшіе при гоненіи слѣда, на сводѣ и пр. (ак. 14, 15; кар. 44, 88).

Остановимся сначала на testes de visu и de auditu Замѣтимъ прежде всего, что о свидѣтеляхъ-очевидцахъ по личнымъ и имущественнымъ правонарушеніямъ (убійству, членоповрежденіямъ, личнымъ обидамъ, татьбѣ и пр.) Рус. Правда почти совершенно умалчиваетъ. Указаніе на очевидцевъ въ настоящемъ смыслѣ слова дается лишь въ двухъ статьяхъ Правды, именно 4-й ст кар. сп. «о убійствѣ соудъ» («оже боудеть оубилъ въ свадѣ или въ пиру *явлено*») и 79-й ст. кар. сп.— «о зоубѣ» («оже выбьють зубь, а кровь *оувидять* оу него въ ртѣ»). Затѣмъ, что касается «людей», о которыхъ говорятъ статьи: 38 ак. сп. («аще оубьють татя на своемъ дворѣ... а *люди боудоуть видѣли связана*.) [1]), 99 и 100 Кар. сп. (объ испытаніи желѣзомъ «по рѣчамъ» людей свободныхъ и холоповъ) [2]), то здѣсь разумѣются собственно такіе свидѣтели, которые, не будучи вовсе очевидцами по главному факту, служившему предметомъ процесса, знали лишь о побочныхъ обстоятельствахъ—*уликахъ*, служившихъ основаніемъ для возбужденія «поклепа» противъ уличаемаго [3]) Дѣло въ

---

[1]) Та-же статья воспроизведена въ Кар сп 37.

[2]) Ст. 99: «по сего *(холопа) рѣчи* изъ емлю тя» (на желѣзо); ст. 100 : «еже емлеть на желѣзо по *свободныхъ людеи рѣчи*».

[3]) По 38 ст. ак. сп. и 37 кар. сп., основаніемъ поклепа по убійству татя лицованнаго (задержаннаго на мѣстѣ преступленія) служитъ то обстоятельство, что «люди видѣли (татя) связана», — обстоятельство, естественно наводящее на мысль о томъ, что тать за-

томъ, что ученіе Правды о свидѣтеляхъ-очевидцахъ скрывается въ ученіи о о лицѣ и знаменіи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое свидѣтели по дѣламъ объ убійствѣ или татьбѣ, личной обидѣ и пр.? Здѣсь нужно разумѣть лицъ, бывшихъ при «свадѣ или на пиру», — при чемъ непосредственно, на ихъ глазахъ («явлено»), было совершено убійство (кар. сп. 4). Сюда же нужно относить лицъ, захватившихъ татя или убійцу на мѣстѣ преступленія во дворѣ, клѣти и пр. (ак. 38).

Свидѣтели-очевидцы, конечно, имѣли всегда важное значеніе въ процессѣ. Но дѣло въ томъ, что то рѣшительное значеніе, какое придаетъ Рус. Правда лицу, знаменію и заповѣди, опредѣлялось собственно *свидѣтельствомъ общины* — сосѣдей и сторонникъ людей, которые сбѣгались на крикъ убитаго или вообще на зовъ (закличъ, заповѣдь) потерпѣвшаго, захватывали обидчика на мѣстѣ преступленія или «видѣли» лицо и знаменіе — клокъ бороды, синяки, кровь (при выбытіи зуба) и пр. (Рус. Пр. ак. сп. 2, 28, — кар. 4, 24, 29, 78, 79). Констатированное такимъ путемъ «лицо», также «знаменіе» и «заповѣдь» не только не требовали никакихъ другихъ доказательствъ, но и дѣлали излишнимъ формальное разбирательство дѣла на судѣ. Кто пойманъ на мѣстѣ преступленія и о комъ сдѣлана «заповѣдь» (или закличъ) сосѣдямъ или вообще сторонникъ людямъ, тотъ подлежалъ штрафу безъ особаго разслѣдованія дѣла, — «поклепъ» не имѣлъ мѣста ни при лицѣ и знаменіи, ни при заповѣди.

«*Лицо*» вообще занимало очень важное мѣсто въ процессѣ всѣхъ славянъ, само по себѣ служило обвиненіемъ для того, кто пойманъ былъ «при лицы». Преступникъ «лицованный» (přiličny, licovany, licny), пойманный «při lici», извѣстенъ старому чешскому праву; для изобличенія его, оно не требуетъ никакихъ доводовъ, кромѣ «лица», удостовѣреннаго очевидцами, если они заставали преступника на мѣстѣ преступленія, а глав. образомъ «оповѣдью» (opovídaní) сосѣдямъ (см Иречка Изслѣд., въ Архив. Калач. VI, 44; Slov. Pr. I, 183—185, 188; II, 223). Лицу Правды и чешскаго права соотвѣтствуетъ «знамене» Винодольскихъ законовъ, — какъ и «клицованный злотворацъ» вполнѣ напоминаетъ лицованнаго преступника чешскаго права. Поимка преступника съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія, если при томъ учиненъ кличъ, по Винодольскимъ законамъ, сама собой изобличала его въ преступленіи, устраняла необходимость въ «тужбѣ», «остаченьи» и другихъ поклепныхъ актахъ. Поимка преступника съ «знаменемъ» должна была всегда сопровождаться кличемъ о помощи («вапити — по-

---

держанъ былъ на мѣстѣ безъ сопротивленія, связанъ и затѣмъ уже убитъ. Точно также по статьямъ 99 и 100 кар. сп., поклепъ по «тяжамъ» (убійству, татьбѣ и пр.) можетъ имѣть своимъ основаніемъ *рѣчи* людей, наводящихъ подозрѣніе противъ подсудимаго, напр., заявленіемъ о томъ, что его видѣли проходившимъ близъ того мѣста, гдѣ совершена кража, и т. п.

магайте») [1]). Людямъ, сбѣгавшимся на кличъ, показывалось лицо и самъ преступникъ; дѣло рѣшалось затѣмъ на судѣ, безъ особаго изслѣдованія, по показаніямъ обиженнаго и «вероваихъ сведоковъ», какъ заставшихъ виновнаго при лицѣ, такъ и тѣхъ, кому послѣ клича дѣлалось «показане» (заповѣдь Рус. Пр.) о шкодѣ. Тотъ же порядокъ имѣлъ мѣсто въ процессѣ по Полицкому статуту, также требовавшему, при поимкѣ преступника «лицем», оповѣди о томъ сосѣдямъ (Др. Хорв.-далм. зак. 39—40, 46, 141—142). У насъ, въ эпоху Правды, преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія (при лицѣ), также наказывался безъ особыхъ поклепныхъ дѣйствій (см. Ланге Изслѣд. объ угол. пр. 256). Обязанность сосѣдей являться на *вопль* разбиваемыхъ людей существовала у насъ еще въ эпоху Уложенія ц. Алек. Мих. (XXI, 59). Тотъ же порядокъ сохранялся и въ древнемъ литовско-русскомъ правѣ: лицованный мужебойца или вообще злочинца (homo facionatus), пойманный «на горячомъ учинку», судится безъ «позва», на основаніи присяги истца съ околичными сосѣдями, которые созывались путемъ клича, «поволанья и оказыванья» (заповѣди Рус. Пр.) убійства и пр. (см. Рус. Пр. и Лит. Стат., 50—51, 63, 70—71).

По дѣламъ о побояхъ и вообще личныхъ обидахъ *знаменіе* имѣло такое-же рѣшительное значеніе, какъ и «лицо» при убійствѣ или татьбѣ; для юридической силы знаменія требовалось, какъ и при лицѣ, чтобы знаменіе было «заповѣдано», чтобы его «видѣли» другіе. Требованіе это ясно выражено въ литовскомъ правѣ, какъ и въ правѣ другихъ славянъ [2]). Въ Рус. Правдѣ «знаменію» 2-й статьи ак. сп. («кровавъ или синь надъраженъ»), 24 ст. кар. сп. (кровавъ или синь) и 78 ст. (порветъ бородоу, а выметъ знаменіе) вполнѣ соотвѣтствуетъ въ статьѣ о выбитіи зуба (79 ст. кар. сп.) выраженіе: «а кровь *оувидять* оу него въ ртѣ». Здѣсь дается категорическое указаніе не только на очевидцевъ, въ присутствіи которыхъ былъ выбитъ зубъ, но и на тѣхъ, кому была кровь показана, по закличу или заповѣди потерпѣвшаго.

По дѣламъ объ «изгибели» (утратѣ или пропажѣ вещей — затерянныхъ или украденныхъ) и убѣжавшемъ или уведенномъ челядинѣ, когда нѣтъ соб-

---

[1]) Такой кличъ обязательно налагалъ на сосѣдей и вообще слышавшихъ его повинность являться на помощь каждому, кто находится въ бѣдѣ, нуждается въ защитѣ. По древнему польскому праву, когда неизвѣстенъ убійца, вира уплачивается сосѣдями, которые могли слышать крикъ убитаго и не явились на помощь. См. Scarbiec dyplom. Даниловича I, № 125.

[2]) По Литовскимъ памятникамъ, «слушными, добрыми» знаменіями (знаками) считаются только тѣ, кои были предъявлены добрымъ людямъ или-же уряду (См. Рус. Пр. и Лит. Стат. 64). По Винод. и Полицкимъ законамъ, знамене (трат, кърв, знаки и пр.) должны быть также «показаны верованнымъ сведокамъ» и «приказаны к правдѣ» (Древ. Хорв.-далм. зак. 46, 150). Тоже самое требовалось и древнимъ чешскимъ правомъ (См. Иречка Slov pr.)

ственно ни лица, ни знаменія (т. е. тать, уведшій коня или челядина, успѣлъ скрыться, не пойманъ при лицѣ, на мѣстѣ преступленія), послѣднія со всѣми ихъ юридическими послѣдствіями вполнѣ замѣняются *закличемъ* или *заповѣдью*. Объявленіе о пропажѣ, сдѣланное на торгу, предъ сосѣдями, освобождало потерпѣвшаго отъ обязанности вести дѣло судебнымъ порядкомъ (путемъ «свода»); послѣ заклича онъ могъ безъ суда взять свою вещь, познанную въ рукахъ другаго (Рус. Пр. Кар. 27, 29; ср. Калачова Изслѣд. о Рус. Пр. 128, 129; Буданова Христ. I, 44 — 45). Въ старое время объявленіе на торгу съ указаннымъ характеромъ составляло обще-славянскій обычай. По древнему чешскому праву, хозяинъ пропавшей или украденной вещи долженъ былъ, тотчасъ послѣ открытія пропажи, сдѣлать о томъ «oprovidani trhem», показать созваннымъ сосѣдямъ (осадѣ) особенности пропавшей вещи, чтобы каждый ее зналъ; хозяинъ затѣмъ могъ взять свою вещь, у кого ее найдетъ, безъ суда, вслѣдствіе одного объявленія. Безъ суда нельзя было отбирать познанную вещь только тогда, когда не было въ свое время объявлено сосѣдямъ о ея пропажѣ (см. Изслѣдов. Иречка въ Архивѣ Калач. VI, 39 — 40; Slov. pr. I, 182; II, 22). Чешской оповѣди или закличу и заповѣди Рус. Пр. соотвѣтствуетъ «*указане*» Винодольскаго закона. Если сосѣди созывались посредствомъ клича («вапити— помагайте»), при поимкѣ виновнаго на преступленіи, то тѣмъ болѣе это необходимо было при шкодѣ безъ лица. «Указане» состояло въ заявленіи о шкодѣ стороннимъ людямъ, созваннымъ посредствомъ клича (Др. Хорв.-далм. зак. 40). Подобнымъ-же образомъ, по Полицкому Статуту, господарь поля или огорода, замѣтивъ «попашу», «щету» и пр., долженъ тотчасъ «оповидити га придь свидочбом» — «иним усвидочити»,—въ данномъ случаѣ «свидочба» и «ини» соотвѣтствуютъ чешской осадѣ и литовской копѣ — сходкѣ сосѣдей и добрыхъ (сторонихъ) людей, созванныхъ потерпѣвшимъ для объявленія имъ о понесенной имъ потерѣ и шкодѣ (ib 143). Литовское право точно также требовало заклича или объявленія на торгу — «поволанья», объявленія о татьбѣ или шкодѣ сосѣдямъ (околицѣ), собраннымъ на копу (сходку),—такое поволанье, подкрѣпленное свидѣтельствомъ околицы, принимается послѣ за одинъ изъ важныхъ доводовъ истца. Старое значеніе заклича на торгу съ его послѣдствіями (правомъ истца брать свою вещь безъ суда) удержалось въ литовскомъ правѣ, впрочемъ, только по дѣламъ о бѣглыхъ челяцинахъ; въ другихъ случаяхъ истецъ, познавъ послѣ заповѣди свою вещь въ рукахъ другаго лица, представлялъ его въ урядъ, для разбирательства дѣла на общемъ основаніи (см. Рус. Прав. и Лит. Стат. 75).

Изъ сказаннаго ясно, что сосѣди и сторонніе люди, видѣвшіе лицо и знаменіе или узнавшіе объ «изгибели» по заповѣди потерпѣвшаго, являлись главными органами, придававшими лицу и знаменію юридическую силу. Лицо, знаменіе и заповѣдь состояли такимъ образомъ въ тѣсной, неразрывной связи не

только съ testes de visu и testes de auditu, но и главнымъ образомъ съ testimonium vicinorum: все это не больше, какъ лишь различныя стороны одного и того-жи института—процесса по дѣламъ «лицованнымъ», констатированнымъ свидѣтельствомъ общины—на основаніи «заповѣди» предъ сосѣдями и вообще сторонними людьми. При наличности «заповѣди» судебная сторона дѣла считалась законченной. Urtheilfinder'ы въ такихъ случаяхъ являлись въ лицѣ стороннихъ людей, предъ которыми была «заповѣдана» обида или «изгибель». Присутствуя на заповѣди, такіе люди какъ-бы напередъ изрекали судебный приговоръ, на основаніи котораго потерпѣвшему разрѣшалось отбирать свою вещь, у кого-бы она послѣ ни оказалась, обидчикъ же штрафовался безъ дальнѣйшаго разбирательства дѣла на судѣ.

Такое-же рѣшительное значеніе въ гражданскомъ процессѣ имѣлъ другой видъ свидѣтельства общины - *мужи*, *послухи*, *рядцы*, *сидѣльцы*, *заѣзднцы* и пр., присутствовавшіе при разнообразныхъ частныхъ сдѣлкахъ и актахъ. Послухи были на дѣлѣ такими-же Urtheilfinder'ами, какъ и «люди» по «лицованнымъ» и «заповѣданнымъ» правонарушеніямъ. Подобно тому, какъ люди, «видѣвшіе» лицо или знаменіе и присутствовавшіе при «заповѣди», устраняли своимъ присутствіемъ всякія сомнѣнія въ дѣйствительности обиды и правонарушенія, такъ и въ дѣлѣ гражданскихъ сдѣлокъ послухи не допускали никакихъ возраженій противъ юридической силы сдѣлокъ, предъ ними заключенныхъ, и слѣдоват. устраняли самую возможность судебнаго разбирательства по вопросу о дѣйствительности и законности такихъ сдѣлокъ. Рѣшительная сила послушества по частнымъ сдѣлкамъ шла дальше: послушество составляло conditio sine qua non частной сдѣлки (исключенія указаны выше) и потому отсутствіе послуховъ дѣлало недѣйствительной самую сдѣлку, отнимало у нея всякую юридическую силу, всякую возможность защиты ея на судѣ [1]). Въ то время, какъ личныя и имущественныя правонарушенія не «лицованныя» и не «заповѣданныя» не лишали все таки потерпѣвшаго юридической защиты, вызывали особую дѣятельность общины въ процессуальной формѣ «поклепа» (см. ниже), частныя сдѣлки не «лицованныя», заключенныя безъ послуховъ, въ старое время вовсе не пользовались никакой общественной охраной.

Эти начала имѣли мѣсто въ древнемъ правѣ всѣхъ славянъ. По Винодольскому «закону», главнымъ условіемъ дѣйствительности договоровъ (кромѣ сдѣлокъ незначительной цѣнности—до 20 солдиновъ) было совершеніе ихъ въ присутствіи свидѣтелей: судебной защитой пользовалась только такая сдѣлка, которая была «учинена пред сведоки» (см. Др. Хорв.-далм. зак. 26). Точно также Полицкій Статутъ требуетъ, чтобы при болѣе важныхъ сдѣлкахъ непре-

[1]) «Провиновался еси, оже еси послоуха не ставилъ» (Р. Пр. Кар. сп. 48).

мѣнно были свидѣтели и притомъ не въ простой роли зрителей—очевидцевъ, но именно въ роли рядцевъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ сдѣлкахъ—въ качествѣ оцѣнщиковъ (цинци), опредѣлявшихъ стоимость предмета договора и пр. Договоры, касавшіеся недвижимыхъ имуществъ, должны были производиться не иначе, какъ публично («свитло, билодано»), на «сборѣ» — на народной сходкѣ или предъ княземъ, непремѣнно съ участіемъ въ сдѣлкахъ сторонникъ людей, сосѣдей: послѣдніе въ качествѣ «добрыхъ людей» — представителей общины, являлись посредниками контрагентовъ; они производили оцѣнку предметовъ сдѣлки, опредѣляли межи продаваемаго или мѣняемаго двора, участка земли и пр. Лишь одни «добрые люди» придавали юридическую силу сдѣлкамъ, заключавшимся при ихъ участіи и посредничествѣ. Полицкій Статутъ считаетъ, наприм., сдѣлку продажи «правой и законитой» въ такомъ только случаѣ, если она произведена по обсужденію и оцѣнкѣ добрыхъ людей—«по цинцихъ достоинихъ, ки процине и стимаю по своиѣои кушенции (по разсмотрѣнію, по совѣсти) онои, ча е тая племенщина вридна» (стоитъ). Совершеніе важнѣйшихъ сдѣлокъ на міру, «свитло, билодано», при участіи добрыхъ людей, мотивировалось не только тѣмъ обстоятельствомъ, что только община (или ея представители—добрые люди, наши послухи) могла санксировать права и обязательства, возникавшія путемъ сдѣлокъ, но и въ виду того, что при всякой подобной сдѣлкѣ могъ всегда возникать вопросъ о правѣ «близкихъ» на выкупъ имущества, отчуждаемаго путемъ продажи, мѣны и пр (ib. 123) [1]). Въ силу такихъ-же условій, по чешскому праву, главнѣйшія сдѣлки, особенно договоры купли-продажи, непремѣнно должны были совершаться публично, на trhu (сходкѣ сосѣдей), - непремѣнно должны были принимать участіе въ важнѣйшихъ сдѣлкахъ добрые люди—prostřednici, odhadnici, arbitri, mediatores или taxatores, потому что только ихъ участіе въ сдѣлкахъ придавало послѣднимъ полную юридическую силу (См. Иречка Sl. pr. II, 287 — 288).

Изъ сказаннаго ясно, что въ древне-славянскомъ правѣ гражданскія сдѣлки и тѣсно связанное съ нимъ послушество вездѣ имѣли однѣ и тѣ-же формы и

---

[1]) По Полицкому обычаю, до совершенія сдѣлки на торгу всегда дѣлалась предварительная оповѣдь о предстоящей продажѣ племенщины, съ вызовомъ «ближиковъ», желавшихъ выкупить отчуждаемое имущество. Тотъ-же порядокъ имѣлъ мѣсто и въ правѣ другихъ славянъ См. Др Хорв.-далм. зак. 119—120. Замѣтимъ при этомъ, что въ связи съ институтомъ выкупа по jus propinquis et vicinitatis стоитъ институтъ мужей — оцѣнщиковъ (цинци, taxatores и пр.), опредѣлявшихъ цѣнность имущества продаваемаго, мѣняемаго и пр., именно въ видахъ огражденія интересовъ близкихъ или сосѣдей, имѣвшихъ право выкупа на отчуждаемое имущество. Не будь регулируемо это дѣло представителями общины, продавецъ и покупщикъ имѣли-бы полную возможность фиктивно поднимать цѣнность имущества до полной невозможности для близкихъ воспользоваться своимъ правомъ выкупа.

значеніе. Сдѣлки должны были совершаться публично; добрые люди, присутствовавшіе при сдѣлкахъ, имѣли значеніе представителей общины—посредниковъ между контрагентами, регулировавшихъ и закрѣплявшихъ заключенную ими сдѣлку, вмѣстѣ съ возникавшими изъ нея гражданскими правами и обязательствами. Затѣмъ, участіе свидѣтелей въ частныхъ сдѣлкахъ несомнѣнно было обязательно и для контрагентовъ, и для самихъ свидѣтелей: въ качествѣ представителей общины послѣдніе играли въ частныхъ сдѣлкахъ такую-же обязательную роль посредниковъ - Urtheilfinder'овъ, какъ и шефены въ судебныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи формы частныхъ сдѣлокъ, по преобладавшимъ въ нихъ элементамъ третейства, представляли весьма близкую аналогію съ формами древняго суда, проникавшагося, какъ извѣстно, также началами третейства: тѣ-же стороны — рядцы, тѣ-же посредники — судьи и та-же рѣшительная, непререкаемая сила ихъ сдѣлки — приговора. Такая аналогія, какъ кажется, не могла имѣть случайнаго характера: сходство здѣсь было естественнымъ результатомъ одинаковости источника, изъ котораго возникли первычныя формы частной сдѣлки и суда. Выше указано на первоначальный общественный «рядъ», основныя формы котораго были затѣмъ усвоены гражданской сдѣлкой. Такая-же генетическая связь несомнѣнно установилась между третействомъ междусоюзнаго ряда и возникшими затѣмъ третейскими формами древняго суда. Разъ-же существовало коренное сродство договорныхъ и судебныхъ формъ, естественно могли установиться также аналогическія черты между послухами — посредниками сдѣлки и судными мужами процесса [1]).

Тѣ-же самыя черты легко подмѣтить и въ формахъ послушества частныхъ сдѣлокъ по древнему русскому праву. Публичный характеръ главнѣйшихъ сдѣлокъ вполнѣ извѣстенъ Рус Правдѣ и Псковской грамотѣ. договоръ купли—продажи, наприм-, долженъ былъ совершаться у насъ въ старое время, какъ и у другихъ славянъ, «на торгу», публично, въ присутствіи сосѣдей. Затѣмъ, упомянутая выше обязанность контрагентовъ имѣть при своихъ сдѣлкахъ послуховъ непремѣнно предполагаетъ невозможность отказа со стороны

---

[1]) Свидѣтели сдѣлки и по древнимъ leges barbar Германцевъ имѣли такое-же значеніе, какъ и по древне славянскому праву. По словамъ Маурера, по древнему норвежскому праву, сдѣлки обыкновенно совершались публично на сходкахъ сосѣдей — «fjoldi manna». Въ лицѣ послуховъ — «búar» (сосѣдей), присутствовавшихъ при сдѣлкахъ, являлись органы общины, укрѣплявшіе законность сдѣлокъ: «Hier haben aber die beigezogenen Personen nicht etwa blosz zu Zwecken der Beweisführung zu dienen, sondern sie als *unparteiische Vermittler fur die formelle u. materielle Billigkeit u. Rechtsbestandigkeit* des Vorganges zu sorgen haben» (см. V. Maurer, Zur nord. german. Rechtsgesch., въ Krit. Vierteljahreschr. f. Gesetzgeb. u. Rechtswiss. v. Bechmann 1889, Bd. XXXI, p. 207).

гѣхъ, кто приглашается присутствовать при сдѣлкѣ: только подъ этимъ условіемъ и осуществима обязанность контрагентовъ совершать сдѣлки всегда въ присутствіи послуховъ. Дѣйствительно, при внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, необходимо допустить, такъ сказать, обоюдную обязанность—и для контрагентовъ имѣть при сдѣлкѣ послуховъ, и для послуховъ являться къ сдѣлкѣ и на судъ по первому требованію сторонъ. Разъ мы признаемъ въ послушествѣ *представительство общины*, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ допустить естественное послѣдствіе такого представительства—обязанность представителей общины являться послухами по первому зову контрагентовъ. Въ древнихъ памятникахъ (Р Правдѣ, Псковской судн. грамотѣ и пр.) нѣтъ нигдѣ ни слова о томъ, чтобы сторонніе люди и сосѣди *обязательно* являлись въ качествѣ послуховъ къ сдѣлкамъ и въ судъ для защиты такихъ сдѣлокъ въ потребныхъ случаяхъ; но одно молчаніе памятниковъ еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ не признавать исконности даннаго института потому только, что о немъ не говорятъ древніе памятники [1]). Объ обязанности послуховъ являться въ судъ говорится впервые въ законахъ московской эпохи [2]) Развитое въ Судебникѣ 1497 года правило объ обязательной явкѣ послуховъ въ судъ нужно разсматривать не какъ извращеніе и «утрату первоначальнаго смысла послушества» и предвѣстника «будущихъ сыскныхъ стремленій суда, гдѣ власть станетъ допытываться правды, вынуждать ее силой», какъ думаетъ проф. Дювернуа [3]), но именно въ смыслѣ переживанія древняго «свидѣтельства общины», налагавшаго на сосѣдей повинность являться въ судъ послухами—пособниками по частнымъ сдѣлкамъ [4]).

Въ дѣятельности древне-русскихъ мужей — послуховъ, какъ и добрыхъ людей — посредниковъ юго-западныхъ славянъ, ясно проглядываетъ *посредничество представителей общины*,—институтъ, совершенно аналогическій съ посреднической-же дѣятельностію пословъ общественныхъ рядовъ или

---

[1]) Судные мужи, наприм., упоминаются въ законахъ съ конца XV в., хотя судебная практика знала ихъ гораздо раньше (см. выше).

[2]) «А послухъ не пойдетъ предъ судью, есть-ли за нимъ рѣчи, нѣтъ-ли, ино на томъ послусѣ исцево и убытки и всѣ пошлины взяти, а съ праветчикомъ о срокѣ тому послуху судъ» (См. Будан. Христ. II, стр. 88, ст. 50).

[3]) См. Дювернуа Источ. 394; ср. Буд. Хр. II, 88, примѣч. 82. Изложенное воззрѣніе проф. Дювернуа совершенно не вяжется съ его основнымъ и, по нашему мнѣнію, совершенно правильнымъ ученіемъ о послушествѣ, какъ «свидѣтельствѣ общины» (стр. 99, 103). Разъ признанъ послѣдній институтъ, необходимо допустить и его неизбѣжное послѣдствіе—*обязанность* представителя общины являться въ судъ въ качествѣ послуха — пособника по частнымъ сдѣлкамъ.

[4]) Совершенно вѣрная мысль по этому вопросу высказана Мейчикомъ, въ его замѣчаніяхъ по поводу изданныхъ имъ «грамотъ XIV—XV вв» (см. стр. 53).

мужей древняго процесса. Подобно тому, какъ въ древнѣйшихъ международныхъ рядахъ и докончаніяхъ фигурируютъ два различные вида органовъ — добрые мужи и послухи, или въ старомъ судѣ старожильцы-знахори и судные мужи, такъ и въ процессѣ образованія гражданскихъ актовъ и сдѣлокъ стараго времени принимаютъ совмѣстное участіе два отдѣльные органы: *мужи* и *послухи*, каждый съ своей особой компетенціей Подъ мужами разумѣлись лица, которыя, въ силу своего послушества и въ видахъ регулированія сдѣлокъ сообразно съ требованіями правды, участвовали въ самомъ «порядцѣ», «торговлѣ», «дѣлѣ», «мѣнѣ», «разъѣздѣ» (разводѣ или отводѣ земель по гранямъ, межамъ и угодьямъ),—«сидѣли на души» (участвовали въ установленіи завѣщательныхъ условій въ духовныхъ грамотахъ), у купчей, кабалы, данной и пр. Кромѣ мужей и людей добрыхъ (или просто людей), такія лица носятъ спеціальныя названія знахорей, рядцевъ, заѣздницъ (разъѣздныхъ людей), сидѣльцевъ и пр. [1]). Затѣмъ, совмѣстно съ мужами присутствуютъ при совершеніи актовъ и сдѣлокъ послухи, какъ совершенно особый органъ, имѣвшій своей задачей укрѣпленіе сдѣлокъ, признаніе за ними полной силы юридическихъ актовъ. При составленіи одной полюбовной записи (1498 г.), разводъ земли по гранямъ (съ точнымъ указаніемъ межъ) вели знахори: «а на то послухи»—отдѣльныя два лица (А. Ю. Б. I, 112). Различіе между мужами и послухами особенно характеризуетъ старыя Новгородскія и Двинскія грамоты. Въ одной Новгородской купчей XIV в. говорится, что игуменъ Василій купилъ землю у Игнатія Кузнеца: «а на торговлѣ были люди (поименованы 3 лица)... а на заводи (самомъ раздѣлѣ земель по межамъ) были» другія три лица. При совершеніи другой купчей на землю, было 7 послуховъ, «а на заводи»—три лица (см Времен. XVI, стр. 16 — 18). Точно также въ Двинскихъ духовныхъ послухи и люди являются, какъ два особые органы: «а на то Богъ послухъ и отецъ мой душевный, а на души были люди (или безъ этого наименованія) такіе-то» (Мейч. 97). Функціи мужей и послуховъ иногда отправляются одними и тѣми-же лицами, удерживавшими за собой оба наименованія, иногда-же носившими и одно названіе—людей, мужей или послуховъ. Совмѣщеніе качествъ мужей и послуховъ дѣйствительно могло имѣть мѣсто при совершеніи духовныхъ и другихъ сдѣлокъ, которыя по самой природѣ своей не требовали рѣзкаго разграниченія ролей мужа и послуха. Затѣмъ позже, когда сдѣлка переходила на докладъ, являлась свѣтской или духовной власти, «роли мужей и

---

[1]) По источникамъ «мужи» участвуютъ рѣшительно во всѣхъ гражданскихъ актахъ и сдѣлкахъ. О *знахорях*ъ см. А. Ю. Б. I, 112; *рядцах*ъ — А. Ю. № 257, I, Ш, IV, VI, Опис. Рум. Муз., 105; Муханова № 300; *людях*ъ—А. Ю. Б. 1, 53; *людях добрых*ъ — А. Ю. 260, I; *мужах*ъ—А. Ю. 71, XXXI, 233,—Мейчика, Прилож. VIII, 4, 10; *заѣзднцах*ъ—Мухан. 324; *сидѣльцах*ъ—Мейчика, стр. 64, 97,—А. Ю. 233 и пр. Въ западно русскихъ актахъ мужи носятъ общее названіе *свѣдоков*ъ,—см. Времен. XVI, 18.

послуховъ сливались, ибо тѣ и другіе свидѣтельствовали по одному и тому-же предмету. И вотъ причина, по которой два понятія, различныя между собой въ исходныхъ моментахъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи смѣшались» (Мейч. 97) [1]). Примѣры смѣшенія функцій мужей и послуховъ нерѣдки въ старыхъ актахъ: «а на то (куплю) послухи (10 лицъ)... а на отводѣ были тѣ-же мужи» (Мейч., Прилож. VIII, 4). Въ Новгородскихъ рядныхъ XV в. обыкновенно говорится: «урядился рядомъ (по раздѣлу земли)... а на то рядци и послухи такіе-то», — поименованы 4 лица (А. Ю. 257, I); «се урядилися (по раздѣлу рыбныхъ ловель)... а на то послухъ св. Михаилъ и на то-же рядци и послухи».—поименованы 5 лицъ (ib. III); «а на то рядци и послухи»—6 лицъ (ib. VI). Мужи и послухи носятъ затѣмъ одинаковое наименованіе—послуховъ мужей или людей [2]), особенно если одни и тѣ-же лица участвуютъ въ различныхъ актахъ, совершавшихся одновременно. Въ одной купчей и мѣновной грамотѣ XV в. говорится, что, для уничтоженія черезполосицы, князь Иванъ Вас. промѣнялъ у Троицко-Серг. монастыря земли и прикупилъ смежный участокъ у частнаго лица: «а на то у насъ послуси на мѣну и на куплю и на разъѣздъ»,—поименованы 5 лицъ (Мухан. 340); по другой грамотѣ—«а у кабалы и у купчей сидѣли мужи»—7 лицъ (А. Ю. 233). Мужи и послухи, по общему обычаю, выставлялись отъ каждой стороны особо. Въ одной Новгородской рядной говорится: «се урядилися Федоръ Онкифоровичъ съ Матвѣемъ Ивановичемъ на землю дядевщину... а на то рядци съ Федоровѣ *половинѣ* — тысяцкій Новг. (и еще 3 лица).. а съ Матвѣевѣ половинѣ» (2 лица; — см. Опис. Румян. музея, 105; ср. Мухан. 330). При полюбовномъ раздѣлѣ земель между волостію и монастыремъ «съѣзжались» на земли мужи волостные и монастырскіе [3]), какъ и земли князей разводились отъ земель другихъ владѣльцевъ обыкновенно мужами, выставлявшимися каждой стороной. Представителями князей-землевладѣльцевъ являлись въ такихъ случаяхъ мѣстные сотники, старосты или дворецкіе съ крестьянами-старожильцами тѣхъ волостей, въ которыхъ лежали разводимыя земли; со стороны другихъ владѣльцевъ являлись крестьяне и другіе старожильцы. Иногда приглашались въ

---

[1]) То-же самое практиковалось и въ старой судебной практикѣ: одни и тѣ же лица могли быть и свидѣтелями, и судными мужами. Въ одной правой грамотѣ сказано: «А на судѣ были мужи Череповецкіе волости. А коли грамоту правую далъ, а тогда были тѣ-же мужи да Угримъ Ѳедоровъ» (Бѣляева о позем. влад.. въ Времен. XI, 8; А. Ю. № 3; Архивъ Калач. 1855, отд. III, стр. 135; Дмитріева, 44).

[2]) См. А Ю Б I, 52; II, 126, 147, 156; Мухан. 272; Мейч. Прилож. VII, 1; VIII 10, А. Ю. 71, XXI, 260, I, Времен. XVI, 16 и пр.

[3]) Въ дѣловой грамотѣ 1395 г говорится: «а се съѣзжалися на землю: старци (и еще два лица, очевидно, представители монастыря), а земскихъ людей были такіе-то (4 лица), а монастырскихъ людей были» (3 лица). См. А. Ю. Б. I, 53

качествѣ мужей представители ближайшихъ мѣстностей (см Мейч 56) Подобнымъ-же образомъ роль мужей по западно-русскимъ актамъ играютъ обыкновенно сосѣдніе владѣльцы—«сумежники» и «пограничники» (см выше); иногда же выставляются мѣстные сословные представители — старожильцы, близко знакомые съ дѣломъ [1]). Рядомъ съ представительствомъ каждаго контрагента въ отдѣльности, практиковался также обычай выставлять общихъ мужей—«*съ обѣ половины*», по выраженію актовъ. Въ одной Новгородской рядной XV в. говорится: «а на порядцѣ (были) съ обѣ половины: тысяцкій» и еще 5 лицъ, избранныхъ сторонами сообща (А. Ю. 257, II). Обыкновенно-же въ такихъ случаяхъ просто говорится въ актахъ: «а на то послуси съ обѣ половины» (напр, мѣстный соцкій и еще два лица) и пр. [2]). Укажемъ, наконецъ, на особаго рода послушество (и именно «съ обѣ половины») при сдѣлкахъ — призывъ въ качествѣ послуховъ самаго Бога или его св. угодниковъ, конечно, не какъ простыхъ свидѣтелей, но какъ дѣятельныхъ судей—заступниковъ, могущихъ придать акту «нерушимую» юридическую силу и крѣпость и защищать его «правду» отъ возможныхъ въ будущемъ нарушителей. Выше указаны Новгородская рядная и Двинская духовная, въ которыхъ составъ послушества опредѣляется такъ: «а на то послухъ *Св. Михаилъ* и на то-же рядци и послухи» (А. Ю. 257, III); «а на то *Богъ* послухъ и отецъ мой душевный, а на души были люди» (Мейч., 97). Призывъ Бога и св. угодниковъ въ частныхъ актахъ, кажется, можно разсматривать, какъ переживаніе «богомолій» (см. выше) и клятвъ, встрѣчающихся въ древнихъ публичныхъ рядахъ и уставахъ. Въ XIV и XV вѣкахъ контрагенты призывали Бога и его св. угодниковъ послухами своихъ частныхъ сдѣлокъ и актовъ ради такихъ-же побужденій, какъ и составители договоровъ съ Греками или старыхъ церк. уставовъ, ограждая ихъ крѣпость и неприкосновенность «проклятіемъ святыхъ», «местью» и «судомъ Божіимъ» (см. Будан. Христ. I, 11, 214, 224, 230). Послушество святыхъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ и частныхъ рядахъ и актахъ XIII – XV вв.

---

[1]) Какъ видно изъ одной Галицкой купчей 1351 г., на «торговлю» были выставлены представители отъ всѣхъ мѣстныхъ классовъ: «а то свѣдоци: мѣстичи (2 лица).. а се бояре (2 л.). а се сусѣдъ соколнии Онисимъ, а се деяци (4 л.).. а се бортници» (4 л.).. Всего 13 лицъ (см. Времен. XVI. 18). Сословное представительство отчасти замѣтно и въ актахъ восточно-русскихъ: послухами при мѣнѣ землями частнаго лица съ митрополичьимъ дворецкимъ (1456) были: «митрополичи бояре» (1 л.).. «да в. князя бояринъ» (1 л.) и еще 6 лицъ (Иванова Опис. гос. арх. 209, ср. А. Ю. Б. II, 156). Въ старомъ Новгородѣ было значительно развито представительство «лучшихъ» классовъ, въ особенности бояръ, житьихъ и купцовъ: въ качествѣ послововъ, также мужей, сидѣвшихъ на судѣ владычнемъ, посадника и пр., отряжались обыкновенно отдѣльные представители отъ бояръ, житьихъ и пр. (см. выше).

[2]) См. А. Ю. 260, II. Ср. ib. 257, I, III, IV; 260, I и пр.

замѣняется именно заклятіемъ, судомъ Божьимъ. Такова, наприм., приведенная выше лѣтописная формула: кто (изъ князей) преступитъ крестное цѣлованіе, «а Богъ ему судья»: здѣсь «судья» употребленъ въ такомъ-же смыслѣ, какъ въ частныхъ рядахъ и актахъ «послухъ». Различіе между мужами и послухами, на нашъ взглядъ, довольно удачно объяснено г. Мейчикомъ путемъ сравненія такого различія съ однороднымъ явленіемъ въ нашей старой судебной практикѣ — различіемъ между старожильцами (разъѣздчиками или знахорями) и судными мужами, «стерегущими правду»; значеніе такихъ-же стражей правды въ гражданскихъ сдѣлкахъ имѣли послухи, «сидѣвшіе на души», у «торговли» и пр. (Мейч. Грам. 97). Съ своей стороны, считаемъ возможнымъ указать на еще болѣе подходящее, по своему сродству, явленіе въ практикѣ международныхъ сношеній древне-русскихъ земель. Въ древнѣйшемъ памятникѣ этой практики—договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ нѣмецкими городами 1229 г., находимъ совершенно аналогическіе органы, участвовавшіе въ составленіи этого договора,—добрыхъ мужей и послуховъ (см. Будан. Христ. I, 98, 110). Дѣятельность первыхъ опредѣляется въ договорѣ выраженіемъ: «пре сеи миръ *троудилися*»,—вторые-же «се ороудіе *исправили*», т. е. разсмотрѣли и утвердили (ратификовали его своими печатями и подписями). Добрые люди и послухи въ данномъ случаѣ одинаково являются *вѣщателями права*, долженствовавшаго облечься въ договорную форму. Первые (два мужа: представитель нѣмцевъ — Раульфъ изъ Касселя и представитель русскихъ—Тумашъ Смольнянинъ) дали матеріальное содержаніе договору, «написали правдоу», изложили ее въ отдѣльныхъ статьяхъ договора (redaction de coutumes); вторые (19 послуховъ — представителей отдѣльныхъ общинъ) отправляли функцію девретированія обычаевъ (homologation de coutumes).

Такія-же функціи «вѣщателей и стражей правды», въ существѣ дѣла, составляли принципіальную задачу старыхъ мужей и послуховъ, принимавшихъ участіе въ частныхъ актахъ и сдѣлкахъ: *регулированіе матеріальнаго содержанія* сдѣлокъ сообразно съ условіями и требованіями правды (redaction de actes) было дѣломъ мужей—знахорей, рядцевъ, разъѣздныхъ людей и сидѣльцевъ,—самое-же *укрѣпленіе сдѣлокъ*, признаніе ихъ «правыми и законными» актами (homologation de actes) лежало на обязанности послуховъ. Отсюда становится совершенно понятнымъ первоначальный смыслъ техническихъ выраженій: «идти на правду», «слаться на правду» и др., примѣнявшихся къ послухамъ въ дѣлахъ судебныхъ. Это были настоящіе «знахори» и «стражи правды»,—слаться на нихъ значило дѣйствительно «слаться на правду». Мужи и послухи, участвовавшіе въ старое время въ заключеніи сдѣлокъ, являлись въ судъ, не какъ простые свидѣтели de visu или de auditu, но какъ органы общины, констатировавшіе на судѣ вопросы о «правдѣ», законности сдѣлки, въ свое время ими регули-

рованной и укрѣпленной въ полной силѣ, не подлежавшаго никакому спору, юридическаго акта, обязательнаго для всѣхъ, кого онъ касался. Отсюда, съ одной стороны, устраненіе «возраженій» и «суда» по существу самыхъ сдѣлокъ съ послухами, т. е. по вопросамъ о дѣйствительности и законности сдѣлокъ, укрѣпленныхъ послухами и потому, подобно дѣламъ о «лицованныхъ» и «заповѣданныхъ» обидахъ, не допускавшихъ никакого дальнѣйшаго «вершенія» на судѣ,—а съ другой — невозможность судебной защиты сдѣлокъ безъ послуховъ, въ силу основной формулы стараго послушества — «провиновался еси, оже еси послоуха не ставилъ». Простые свидѣтели, являющіеся въ судъ для показаній,—лица, присутствовавшія при заключеніи сдѣлки только въ качествѣ очевидцевъ, констатируютъ предъ судомъ о *своемъ* visu, о томъ, что они «были» при сдѣлкѣ, но и только, — здѣсь еще не можетъ быть рѣчи о законности или незаконности самой сдѣлки, и потому простые свидѣтели — очевидцы не могутъ устранять судебнаго разбирательства сдѣлокъ по ихъ существу, со стороны ихъ правильности и законности И наоборотъ: вопросъ о законности сдѣлки самъ собою устраняется и не допускаются никакія возраженія противъ юридической силы сдѣлки, разъ свидѣтель является на судѣ въ роли *послуха*, т. е. органа общины, констатирующаго вопросъ о самой «правдѣ» сдѣлки. Одно показаніе такого послуха о его visu, о томъ, что «при немъ», при его участіи, совершена сдѣлка, было совершенно равнозначительно съ показаніемъ о ея законности и потому обязывало судью тотчасъ-же прекратить дальнѣйшее разбирательство дѣла: «послухъ» не могъ присутствовать при сдѣлкѣ иначе, какъ только въ автономной роли представителя общины, укрѣплявшаго своимъ присутствіемъ юридическую силу сдѣлки и придававшаго ей полное значеніе юридическаго акта, не подлежавшаго больше никакому «перевершенью». Судебный споръ по сдѣлкѣ съ послухами могъ имѣть мѣсто не по существу самой сдѣлки, а лишь касательно ея послѣдствій — *исполненія* возникавшихъ изъ нея правъ и обязательствъ; но, какъ сейчасъ увидимъ, на судѣ въ такихъ случаяхъ фигурировали мужи, совершенно отличные отъ послуховъ сдѣлки.

Инымъ характеромъ и составомъ отличается свидѣтельство общины по дѣламъ о *правонарушеніяхъ не лицованныхъ и не заповѣданныхъ*, а также по дѣламъ, касавшимся *исполненія обязательствъ* по гражданскимъ актамъ и сдѣлкамъ.

Раньше было замѣчено, что по личнымъ и имущественнымъ правонарушеніямъ не «лицованнымъ» и не «заповѣданнымъ» потерпѣвшій не лишался судебной защиты,—указанныя правонарушенія вызывали особую дѣятельность общины въ процессуальной формѣ *поклепа*. Послѣдній стоитъ въ тѣсной связи съ цѣлымъ строемъ средневѣковой общины: «въ тѣсномъ мірѣ первоначально

опредѣлялась и мѣра права, и способъ его защиты для всякаго ея члена», — на мірѣ — общинѣ, «главнымъ образомъ, опиралась охрана личности и собственности» (Дювернуа, 29). Отсюда институты мірской взаимопомощи и отвѣтственности (договорная и дикая вира). Община вездѣ, во всякомъ положеніи, защищала своего члена, являлась съ нимъ въ судъ ради «сосѣдской помощи», помогала ему въ платежѣ пеней и вообще отвѣчала за него въ случаѣ какихъ-либо провинностей и проступковъ съ его стороны, соединенныхъ съ обидой и нарушеніемъ правъ другихъ лицъ. Мірская охрана личности и собственности, въ случаѣ правонарушеній, выражались въ томъ, что по первому крику или зову (заличу) потерпѣвшаго сосѣди обязаны были являться къ нему на помощь, захватывая виновнаго «при лицѣ», выслушивая «заповѣдь» потерпѣвшаго и проч. (см. выше). При отсутствіи лица, знаменія и заповѣди (т. е. когда виновный успѣлъ скрыться, не было въ наличности очевидцевъ и не сдѣлано въ свое время заклича и заповѣди), мірская охрана личности и имущества состояла въ *поддержкѣ общиной поклепа.* Въ старомъ обвинительномъ процессѣ, развитомъ въ славянскомъ и средневѣковомъ европейскомъ правѣ, поклепъ (пра, парна, тужба, остачене, поволане и проч.) означалъ судебное обвиненіе, направлявшееся противъ подозрѣваемаго, не пойманнаго при лицѣ, совершившаго преступленіе безъ свидѣтелей и привлекаемаго къ отвѣтственности на основаніи разныхъ уликъ или же просто по одному подозрѣнію въ совершеніи преступленія. Органами общины въ такихъ случаяхъ являлись: а) calumniatores, accusatores, defensores, procuratores, слав. парьци, клевештины, соки и ябетники — мужи, игравшіе въ старомъ общинномъ судѣ оффиціальную роль публичныхъ обвинителей (см. выше), и б) *сосѣди*, являвшіеся на судѣ по поклепнымъ дѣламъ въ качествѣ *пособниковъ* сторонъ, ихъ *соприсяжниковъ* — juratores, conjuratores, consacramentales, coadjutores, testes jurati, testes de credulitate, Eideshelfer, Mitschworende и проч Такіе пособники избирались обыкновенно изъ сосѣдей сторонами или общиной (какъ было у чеховъ — на осадахъ, судебныхъ сходкахъ) и касались не подлежавшихъ разсмотрѣнію суда фактовъ, а самой личности сторонъ; они утверждали подъ присягой, что показаніе сторонъ заслуживаетъ довѣрія или нѣтъ. По Полицкому Статуту, наприм., поротники отвѣтчика могли показать противъ стороны, ихъ вызвавшей: «да ние честань ни вистань» (ст. 158), и этимъ придать полную достовѣрность тужбѣ (поклену) истца. По древнему чешскому праву, очистники, избиравшіеся на осадахъ (сходкахъ), утверждая «dobru aneb zlu povest» стороны, выражали мнѣніе общины— testimonio fori communis (Иречка, въ Арх. Калач. VI, 26). Пособники были необходимы не только ради судебной защиты сторонъ, но и въ интересахъ самой общины, обязанной охранять личность и собственность своихъ членовъ и вмѣстѣ отвѣчать за всѣ ихъ проступки платежемъ композиціи (Wiergeld, вира,

продажа, глоба и пр.) [1]). Пособниковъ могли имѣть обѣ стороны: порядокъ пособничества зависѣлъ отъ обстоятельствъ дѣла. Если поклепъ истца основанъ былъ на одномъ лишь подозрѣніи, то истецъ обязанъ былъ подкрѣпить свой поклепъ личной присягой съ своими пособниками (самъ—треть, самъ—семь и пр.); при наличности-же уликъ, представленныхъ истцомъ въ подкрѣпленіе поклепа, обязанность соприсяжничества падала на отвѣтчика, долженствовавшаго «очиститься» отъ обвиненія присягой съ своими пособниками. Допускалось иногда обоюдное соприсяжничество: въ одно и то-же время давалась истцу и отвѣтчику возможность отцѣловаться — очиститься отъ обвиненія или подтвердить дѣйствительность поклепа [2]) Главная суть пособничества состояла въ присяжномъ отзывѣ сосѣдей, членовъ общины, о личныхъ качествахъ призывавшихъ ихъ сторонъ (fidedigni viri или нѣтъ),—причемъ требовалось именно полное согласіе между самими пособниками, выражавшееся въ произнесеніи ими клятвы вполнѣ согласно («слово противоу слова» по Рус. Пр., «не уманькаю», безъ ошибки, по Винод. зак.) съ ротой, или установленной на то формулой присяги. Самое число пособниковъ опредѣлялось различно, смотря по

---

[1]) «Если поклепъ направлялся противъ одного изъ членовъ (общины), влагавшихся въ виру, то, очевидно, въ интересѣ всѣхъ членовъ было «отсочить» поклепъ; иначе, при неотсоченьи, они обязаны были платить виру вмѣстѣ съ виновнымъ. *Для такого-то отсоченья поклепа, касавшагося общины*, послѣдняя и выставляла очистниковъ. Въ ихъ лицѣ вся община, влагая паяся въ виру, принимала самое дѣятельное участіе въ процессѣ» (см. Рус. Прав. и Лит. Стат. 71).

[2]) Пособниковъ одной стороны можно было «возвращать», т. е. если, наприм., истецъ представилъ 6 пособниковъ и присягнулъ съ ними, то противной сторонѣ дозволялось вслѣдъ за этимъ немедля обратиться къ помощи своихъ пособниковъ, какъ-бы возвращая присягу истца, дѣлая ее недѣйствительной, при чемъ число пособниковъ должно было каждый разъ увеличиваться по герман. праву (Grimm), а по славянскому уменьшаться обыкновенно вдвое, втрое и пр. По Полицкому Статуту, наприм., въ пенкахъ вещныхъ истецъ можетъ отприсягнуть самъ—шесть, а если рота возвращена, то истецъ присягаетъ самъ—треть съ новыми пособниками. По дѣламъ о племенщинахъ, если одна сторона присягнетъ съ 12-ю поротниками, то противная сторона можетъ тотчасъ-же присягнуть съ столькими-же поротниками; первая сторона опять присягаетъ, но уже съ «половицом» поротниковъ (съ шестью); если порота опять будетъ возвращена, то присяга идетъ снова съ «половицом»—самтреть», а при новомъ возвратѣ—самдругъ. Если и эта порота возвращается, то первая сторона, съ которой началась порота, обязана сама присягнуть безъ поротниковъ; если противникъ въ свою очередь присягнетъ, то первая сторона можетъ «виром речи», т. е. произнести обыкновенную божьбу, безъ строгихъ формальностей роты; если тоже самое сдѣлаетъ противникъ, то дѣло рѣшалось «простом ричью» первой стороны (Древ. Хорв.-далм. зак. 149). Обоюдная порота имѣла мѣсто и въ древ. чешск. правѣ (см. Чтен. общ. ист. 1846, II, 21, 22).

большей или меньшей важности дѣла, по которому призываются пособники; но обычай всегда требовалъ ихъ въ точно опредѣленномъ и иногда весьма значительномъ составѣ. Винодольскій законъ, наприм., установляетъ при разбоѣ присягу съ 85 пособниками, при убійствѣ — «само педесет», при изнасилованіи — съ 25-ю, большой татьбѣ — 12, малой — 6 поротниками. Все это minimum'ы: законъ весьма часто предлагаетъ сторонамъ: «наиди поротнике како болѣ море, како болѣ ви, како наиболѣ ви и море» (Древ. Хорв.-Далм. зак. 44). И это понятно: отзывъ пособниковъ рѣшалъ все дѣло,—ихъ-же отзывъ былъ голосомъ цѣлой общины; отсюда — чѣмъ тяжелѣе является проступокъ, служащій предметомъ поклепа, тѣмъ бо̀льшимъ довѣріемъ должны пользоваться стороны въ своей общинѣ, чтобы могли разсчитывать на полную ея защиту и охрану, а, слѣдовательно и тѣмъ бо̀льшее число пособниковъ должно являться на судъ въ качествѣ представителей общины.

На такихъ общихъ основаніяхъ институтъ пособничества—свидѣтельства общины по поклепнымъ дѣламъ существовалъ въ правѣ всѣхъ средневѣковыхъ народовъ, какъ существенно-необходимая принадлежность стараго обвинительнаго процесса, цѣликомъ основаннаго на дѣятельности общины или ея представителей. Свидѣтельство общины — самая характерная, типическая особенность обвинительнаго процесса, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ вездѣ существовалъ въ средніе вѣка. Отрицать пособничество общины и признавать вмѣстѣ съ тѣмъ другіе институты стараго обвинительнаго процесса (заповѣдь, лицо и пр.) значитъ по меньшей мѣрѣ игнорировать *органическую* природу средневѣковаго права вообще и стараго обвинительнаго процесса въ частности. Разъ въ древнемъ памятникѣ изслѣдователь открываетъ институты, относящіеся, наприм., къ «лицу», «заповѣди» и «поклепу», онъ непремѣнно долженъ допустить также существованіе пособниковъ, хотя-бы въ самомъ памятникѣ не сохранилось точныхъ и несомнѣнныхъ указаній на нихъ, именно потому, что указанные институты органически связаны съ свидѣтельствомъ общины, проявляющимся въ формѣ пособничества соприсяжниковъ и пр.[1]). И дѣйствительно, институтъ соприсяжниковъ изстари извѣстенъ средневѣковому праву всѣхъ европейскихъ народовъ (см. Grimm, Gfrorer, Zopfl, Laferrière и др.). О testes jurati, ротникахъ, поротѣ (порота, поротье), помочникахъ и очистникахъ, светкахъ ротныхъ и пр. говорятъ всѣ древнѣйшіе памятники права славянъ

[1]) Историкъ въ этомъ отношеніи долженъ слѣдовать, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, методу естествоиспытателя, способному по одной части открытаго имъ организма возстановить вполнѣ научнымъ образомъ составъ всего организма.

южныхъ и западныхъ [1]). Затѣмъ, въ «людяхъ», «видокахъ» и «послухахъ», требуемыхъ Рус. Правдой по дѣламъ поклепнымъ, скрываются именно германскіе Eideshelfer'ы или славян. помочники-очистники «Поздній остатокъ древнѣйшей формы свидѣтелей-очистниковъ, пособниковъ» изслѣдователи не безъ основанія находятъ въ Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ, установившихъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, требующихъ послушества, выступалъ только одинъ послухъ (Пск. гр. 27, Новг.—22, ср замѣтку Будан. въ Христ. I, стр. 141, прим 67 и 78, но еще раньше Демченка — о свидѣт. показ., 64). Псковской и Новгородской судн. грамотамъ принадлежитъ отмѣна стараго института «сосѣдской помощи», выражавшейся въ древнее время именно въ коллективномъ пособничествѣ на судѣ (см. Сергѣевича Изслѣд., 570) [2]). Эта-то со-

---

[1]) О поротникахъ по Винодольскому закону, Загребскому и Полицкому Статуту см. мое—Древ. Хорв. далм. зак 43, 51, 146; о чешскихъ пособникахъ (pomocnici, ocistnici) см Иречка Изслѣд. о жупн судахъ (Архивъ Калач кн. 6) и Slov pravo. о польскихъ сведкахъ — помочникахъ и очистникахъ см. Вислицкій Статутъ (A. Z. P. I, 2, n 109, 130, 131).

[2]) О такой «помощи» и «пособникахъ» истцовой стороны на вѣчевомъ судѣ упоминаетъ лѣтопись подъ 1342 г. (П С Л. III, 82) Объ отмѣнѣ сосѣдскаго пособничества въ коллективной формѣ говоритъ 58 статья Псков. грамоты: «а на судъ *помочью* не ходити. лѣсти въ судебницу двѣма (отяжникома, а *пособниковъ* бы не было ни съ одной стороны». Кто были эти пособ[illegible] указываетъ 70 статья: а за церковною землю и на судъ *помочью суседи* не ходятъ, итти на судъ старостамъ за церковную землю». Сосѣдской помощи Псковской грамоты соотвѣтствуетъ «наводка» Новгородской грамоты: «А истцю на истца *наводки* не наводить, ни на посадника, ни на тысецкого, ни на владычня намѣстника, ни на иныхъ судей, ни на докладшиковъ» (ст. 6); «Отъ конца, или отъ улицы, и отъ ста и отъ ряду, ити *ятцомъ* двѣма человѣкомъ, а инымъ на *пособье* не итти къ суду, ни къ росказу. А будетъ *наводка* отъ конца, или отъ улицы, или ото ста, или отъ ряду» .. (ст 41). «Ятцы» соотвѣтствуютъ «пособникамъ» Псков. грамоты и «отвѣтчикамъ»—представителямъ сторонъ Новг грамоты (см. статьи послѣдней 15 — 19, 32). По поводу старой «сосѣдской помощи» и «пособниковъ» проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «Древнѣйшій процессъ является борьбою сторонъ и при томъ не одного только истца и отвѣтчика, но вмѣстѣ съ ними и ихъ товарищей, сосѣдей, которые готовы душу свою положить за то, что ихъ сосѣдъ правъ». «Пособниками были сосѣди, которые, конечно, хорошо знали того, на защиту кого выступали. Такъ какъ между сосѣдями истца и отвѣтчика, которые приходили съ ними въ судъ, какъ пособники, нерѣдко происходили столкновенія, то Псковская судная грамота и воспрещаетъ впредь ходить въ судъ съ пособниками» (Изслѣд., 570). Конечно, это обстоятельство могло служить ближайшимъ и, такъ сказать, послѣднимъ поводомъ отмѣны коллективнаго пособничества на судѣ; но была болѣе общая, коренная причина, дѣлавшая сосѣдскую помощь практически излишней, ненужной, по крайней мѣрѣ, для самой общины. Въ эпоху Псковской грамоты уже стала выходить изъ бытовой практики матеріальная *отвѣтственность* общины за своихъ членовъ (дикая вира),—отвѣтственность, которая вмѣстѣ съ институтомъ *взаимопомощи* (договорная вира), какъ замѣчено выше, вызывала и поддерживала необходимость въ судебной помощи и охранѣ сосѣдей. Разъ-же потеряла силу главная причина, должно было исчезнуть и ея послѣдствіе.

сѣдская помощь и основанная на ней дѣятельная роль на судѣ помощниковъ и очистниковъ удерживались въ полной неприкосновенности до позднѣйшаго времени въ правѣ юго-западной Россіи, какъ незапамятная народная старина. Литовскій Статутъ содержитъ вполнѣ развитое ученіе о пособникахъ и очистникахъ, и именно какъ русскомъ, туземномъ, а не заимствованномъ обычаѣ, развитомъ въ духѣ старо-славянскаго права (о подробностяхъ см. мою статью— Рус. Пр. и Лит. Стат., 56—63).

Воззрѣніе на послуховъ Правды по дѣламъ поклепнымъ, какъ на институтъ, аналогическій съ древнегерм. Eideshelfer'ами и славян. помочниками — очистниками, не представляетъ чего либо новаго въ нашей историко-юридической литературѣ. Еще 30 лѣтъ тому назадъ воззрѣніе это было развито въ общемъ весьма обстоятельно въ почтенномъ трудѣ проф. Демченко—Историч. изслѣдованіе о свидѣт. показ. (18 и слѣд.) и затѣмъ дополнено Ланге (Объ уголовномъ правѣ Русской Правды). Того-же воззрѣнія держатся лучшіе изъ современныхъ представителей нашей историко-юридической науки — проф. Сергѣевичъ (Изслѣдов., 568—572), проф. Владимірскій — Будановъ (Христом. I, стр. 40, прим. 20) и др. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы въ настоящее время указанное воззрѣніе было развито вполнѣ доказательно во всѣхъ деталяхъ вопроса: изслѣдователи нерѣдко усматриваютъ простыхъ свидѣтелей-очевидцевъ тамъ, гдѣ слѣдовало-бы видѣть помочниковъ или очистниковъ и пр. Даже больше: нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, благодаря малому знакомству съ сравнительнымъ правомъ и плохому пониманію основныхъ институтовъ древняго русскаго права, а также благодаря совершенно элементарнымъ пріемамъ глоссированія древнихъ памятниковъ, приходятъ просто къ повальному отрицанію института «соприсяжниковъ» въ эпоху Рус. Пр. (см., напр., Мрочекъ—Дроздов. Изслѣд. о Рус. Пр., II, 238 и слѣд.). Оставляя въ сторонѣ «новыя воззрѣнія» молодыхъ изслѣдователей, считаемъ однако не лишнимъ намѣтить здѣсь главнѣйшія статьи Рус. Правды, въ которыхъ, по нашему посильному разумѣнію, нужно искать указанія на институтъ пособниковъ, аналогическихъ съ герм. Eideshelfer'ами и славян. поротой. Къ такимъ статьямъ мы относимъ нижеслѣдующія:

а) «Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человѣкоу томоу; аще не боудеть на немъ знаменіа никотораго же, то-ли пріидеть видокъ; аще ли не можеть, тоу томоу конець» (ак. сп 2)[1]).

---

[1]) Сюда-же относятся однородныя статьи: 1) «Аще же прійдеть кровавь моужь любо синь, то не искати ему послоуха» (ак. 28). 2) «Иже приидеть кровавъ мужь на дворъ или синь, то видока емоу не искати, но платити емоу продажи 3 гривны; аще ли не боудеть на немъ знаменіа, то привести емоу видокъ: слово противоу слова, а кто ли боудеть началъ, то тому платити 60 кунъ; аще же и кровавъ приидеть или боудеть самъ началъ, а выстоупять послуси, то то емоу за платежь, оже и били» (Кар. 24).

Сомнѣніе въ правильности толкованія «видока» и «послуха» въ смыслѣ очевидцевъ, свидѣтельствующихъ о «фактѣ» (testificatio de veritate), возбуждается прежде всего въ виду основнаго положенія древняго права о томъ, что чувство обиды должно быть удовлетворено, путемъ ли личной мести, или «сосѣдской помощи» (см. выше; ср. Дювернуа, 25). Разъ мы согласимся съ приведеннымъ толкованіемъ, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допустить, что Рус Правда весьма плохо гарантировала личность «мужа»,—что въ ея время считалось совершенно безнаказаннымъ самое тяжкое оскорбленіе дѣйствіемъ, если только оно нанесено безъ «знаменія» и наединѣ, безъ свидѣтелей («не боудеть знаменна» и «не можеть привести видока»—«тоу томоу конець»). Такой выводъ, однако, едва-ли можно признать сколько нибудь правдоподобнымъ, а между тѣмъ онъ совершенно логически вытекаетъ изъ 2-й статьи Правды, разъ мы признаемъ правильнымъ глоссированіе словъ: «видокъ» и «послухъ», какъ свидѣтелей—очевидцевъ факта, и допустимъ, что синяки и кровавыя пятна, при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, считались «знаменіемъ», съ тѣмъ рѣшительнымъ характеромъ, какой придаетъ послѣднему Рус. Правда. По изложенному толкованію 2-я статья Рус. Правды укладывается въ слѣдующую формулу: «есть синяки и кровавые знаки, не нуженъ свидѣтель; нѣтъ знаменія, нужно представить свидѣтеля — очевидца; нѣтъ ни знаменія, ни свидѣтеля—томоу конець: нанесенная мужу обида остается не удовлетворенной». Все дѣло въ томъ, что по древнему праву не всякіе синяки и другіе знаки, какъ уже замѣчено выше, считались «знаменіемъ», съ характеромъ рѣшающаго дѣло доказательства. Для того, чтобы знаменіе обладало свойствомъ дѣлать совершенно излишнимъ представленіе другихъ доказательствъ, требовалось, чтобы, по своимъ юридическимъ качествамъ и всей своей обстановкѣ, знаменіе вполнѣ соотвѣтствовало «лицу», т. е. чтобы синяки и знаки были «заповѣданы»,—чтобы подвергшійся обидѣ крикомъ (въ закличъ) звалъ людей на помощь и «заповѣдалъ» имъ объ обидѣ, чтобы были слѣдоват. люди, которые по возможности въ самый моментъ нанесенія обиды, по закличу и заповѣди, «видѣли», если не самаго обидчика при лицѣ, то во всякомъ случаѣ «горячіе» слѣды обиды — кровавыя пятна и другіе знаки. Свидѣтельство окольныхъ людей, «видѣвшихъ» на мѣстѣ знаменіе по кличу и заповѣди потерпѣвшаго, было собственно свидѣтельствомъ самой общины и потому, какъ таковое, устраняло необходимость въ другихъ доказательствахъ обиды. Но затѣмъ Рус Правда не оставляетъ безъ преслѣдованія виновника обиды и въ томъ случаѣ, когда, нанесши обиду безъ свидѣтелей и безъ видимыхъ знаковъ, обидчикъ скрывается, потерпѣвшій же не могъ крикомъ призвать людей на помощь (дѣло могло быть въ пустомъ мѣстѣ) и своевременно сдѣлать окольнымъ людямъ «заповѣдь». Обычай въ такихъ случаяхъ уполномочивалъ потерпѣвшаго искать удовлетворенія путемъ «поклепа», поддержаннаго сосѣдской

помощью—присяжнымъ свидѣтельствомъ помочниковъ—вѣдоковъ, или (что одно и то-же) послуховъ, т. е., представителей общины, подкрѣплявшихъ показаніе потерпѣвшаго своимъ заявленіемъ о томъ, что послѣдній по своимъ личнымъ качествамъ не можетъ обвинять напрасно. При этомъ потерпѣвшій, заявившій поклепъ безъ всякихъ матеріальныхъ уликъ противъ виновнаго, долженъ, по выраженію Правды (Кар. 24), «искати» и «привести» (собственно избрать) видока: выраженіе «искать» вовсе не подходитъ къ очевидцу,—его наличность, сама собою, опредѣляется фактомъ его нахожденія во время дѣла. Тутъ, очевидно, нужно искать и приводить иныхъ лицъ. Затѣмъ, Правда (Кар. 24) требуетъ, чтобы показанія послуховъ были единогласны («слово противоу слова») [1]), или, что еще правильнѣе (см. выше), чтобы присягающій дословно, безъ ошибокъ, исполнилъ роту [2]). 24-я статья пространной Правды о «мужѣ кровавѣ», далѣе, указываетъ, что у насъ, какъ и у другихъ славянъ и германцевъ, допускалась обоюдная порота. Мужъ «кровавый» подкрѣпляетъ свой поклепъ присягой пособника—«видока»; но и противная сторона, уличающая истца въ томъ, что онъ самъ «почалъ» драку, можетъ «выстоупить» съ своими «послухами» — очистниками, подкрѣпить достовѣрность своего показанія присягой съ послухами и этимъ освободиться отъ отвѣтственности, «очиститься» отъ поклепа. Дѣло кончалось ничѣмъ, если мужъ «кровавый», заявившій поклепъ объ обидѣ, не находилъ послуха — пособника, который-бы подкрѣпилъ достовѣрность поклепа. сосѣдская помощь не оказывалась общиной мужу, не пользовавшемуся въ ней довѣріемъ, доброй «славой» и именемъ [3])

---

[1]) См. Демченко. О свид. показ., 53.

[2]) Въ данномъ случаѣ обиженный даетъ показанія, присягая сам-другъ, т. е. съ однимъ послухомъ, случай, по поводу котораго въ Правдѣ не было бы рѣчи о «единогласіи» послуховъ. Тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ аналогическая практика соприсяжничества у другихъ славянъ, показанія пособниковъ дѣйствительно долженствовали быть вполнѣ согласными между собой, именно въ такомъ смыслѣ, что каждый пособникъ долженъ былъ произнести формулу присяги (роту) «слово противоу слова», присягать вполнѣ согласно съ ротой, безъ всякихъ ошибокъ и отступленій отъ роты.

[3]) «Отсоченье» поклепа путемъ испытаній, при неотысканіи послуховъ-пособниковъ, допускалось только по такимъ дѣламъ, которыя влекли за собою матеріальную отвѣтственность общины (по убійству, татьбѣ и пр.). Для отсоченья поклепа, касавшагося общины, Правда устанавливаетъ другой способъ отсоченья поклепа, когда по какой либо причинѣ (въ особенности, если обвиняемый не пользуется въ общинѣ доброю славою), не окажется на лицо очистниковъ и общинѣ будетъ угрожать взысканіе за члена, не пользующагося въ ней доброю славою, преступленіе котораго не совсѣмъ однакожъ доказано. Въ такихъ случаяхъ обвиняемый подлежалъ испытанію желѣзомъ» (Рус. Правда и Лит. Стат. 71). Въ эпоху Рус. Пр. община не несла никакой матеріальной отвѣтственности по личнымъ обидамъ ея членовъ, почему дѣла по обидамъ всегда вершились однимъ соприсяжничествомъ.—не требовалось испытанія, если не было пособниковъ.

б) «Аще ли ринеть моужь моужа, любо оть себе, любо къ сеоѣ три гривнѣ; а видока два выведеть, или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу (ак. 9) [1]).

Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, дѣло о толчкахъ и побояхъ палицей или жердью различно рѣшается, смотря по тому, будетъ ли «знаменіе», или нѣтъ, — иначе говоря, сдѣлалъ ли своевременно обиженный закличъ и заповѣдь, «видѣли»-ль знаменіе люди, или нѣтъ. Было на лицо знаменіе съ кличемъ и заповѣдью, видоки не требовались; вчинался поклепъ «безъ знаменія» и «заповѣди», потерпѣвшій, не представившій никакихъ уликъ противъ обидчика, долженъ былъ «вывести» видоковъ, т. е. отыскать такихъ-же пособниковъ, какъ и при поклепѣ «кроваваго» мужа. Точное опредѣленіе числа видоковъ (въ данномъ случаѣ 2, по убійству 7, — см. Кар. 15), по справедливому мнѣнію изслѣдователей, служитъ главнымъ показателемъ въ пользу того, что видоки или послухи по дѣламъ поклепнымъ» не «очевидцы, или вообще знающіе что-либо о фактѣ преступленія (иначе, какъ потребовать, чтобы ихъ непремѣнно было 7 ?), а помощники отвѣтчика (или истца), подтверждающіе его добрую славу, — соприсяжники» [2]). Такимъ-же показателемъ служитъ, какъ намъ кажется, и то различіе, какое устанавливаетъ Правда между средствами судебной защиты для «мужей» (туземцевъ, членовъ общины) и

---

[1]) Варіанты пространной Правды: «Иже побьхнеть мужь мужа любо къ себѣ, любо отъ себя, или палицею или жердью ударить, а видока два выдуть, то 3 гривны продажи; аже боудеть варягъ или колбягъ, то *полная видока* вывести и идеть на роту»; «Аще ли пхеть мужъ мужа любо къ себѣ, любо отъ себя, любо по лицу ударитъ, или жердію ударитъ, а безъ *знаменія*, а видока два выведутъ, то 3 гривны продажи; оже будетъ варягъ или колобягъ, крещенія не имѣя, а будетъ има бои, а *видока не будетъ*, ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на жребіи, а виноватый въ продажѣ, во что и обложатъ» (Будан. Христ. I, 43, 44, прим. 36).

[2]) См. Будан. Христ. I, 40, прим. 20. «При такомъ обвиненіи (поклепѣ, имѣвшемъ мѣсто, когда нѣтъ свидѣтелей-очевидцевъ, виновный не схваченъ на мѣстѣ преступленія, потерпѣвшій-же не сдѣлалъ въ свое время клича и заповѣди) можно было снять съ себя виру, представивши 7 послуховъ. Ясно, что эти послухи не могли быть свидѣтелями въ настоящемъ смыслѣ слова; въ данномъ случаѣ 7 послуховъ отрицаютъ фактъ обвиненія, они говорятъ, что такой-то человѣкъ не совершилъ убійства. Нельзя быть свидѣтелемъ отрицательнаго факта, нельзя видѣть, что такой-то человѣкъ не совершилъ убійства. Надо думать, что эти 7 послуховъ не свидѣтели факта, а свидѣтели доброй славы. Самое число 7 служитъ достаточнымъ основаніемъ видѣть въ этихъ 7 послухахъ не свидѣтелей, а послуховъ, подобныхъ тѣмъ, какими были по германскому праву соприсяжники. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя требовать, чтобы было 7 свидѣтелей, а не менѣе, потому что, смотря по обстоятельствамъ, ихъ могло быть 1, 2, 3 и болѣе, тогда какъ послуховъ можно требовать приизвольное число» (Сергѣев Изслѣд. 571). Тѣ-же соображенія примѣняются вполнѣ и къ *двумъ* видокамъ, какимъ необходимо было «вывести» при поклепѣ по толчкамъ и побоямъ жердью или палицей (Кар. 26).

иностранцевъ (варяговъ и колбягъ). Разъ мы считаемъ видоковъ и послуховъ простыми свидѣтелями — очевидцами, будетъ рѣшительно непонятно, почему Правда требуетъ отъ истца—мужа очевидцевъ (двухъ или семь), а отъ истца—варяга или колбяга — только роту (по краткой Правдѣ) или свидѣтелей (по пространной), но непремѣнно въ *меньшемъ* числѣ (по личнымъ обидамъ 1 [1]), по убійству 2 послуха). Привиллегія, предоставляемая въ данномъ случаѣ иностранцамъ, не находитъ для себя рѣшительно никакого оправданія. Разъ-же мы видимъ въ видокахъ и послухахъ пособниковъ общины, а не очевидцевъ. дѣло объясняется весьма просто: какъ уже раньше замѣчено, иностранецъ, не будучи членомъ общины и слѣдоват. не пользуясь правомъ на «сосѣдскую по-

---

[1]) Изъ сопоставленія положенія краткой Пр вды: «или будетъ варягъ или колбягъ, то на роту», съ положеніемъ простр. Правды: «аже боудеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идеть на ротоу», проф. Владимірскій—Буд. находитъ возможнымъ вывести въ переводѣ такое положеніе: «противъ варяга и колбяга недостаточно было двухъ свидѣтелей: требуется полное число ихъ (вѣроятно 7); тогда какъ самъ иностранецъ доказываетъ искъ или очищаетъ себя безъ свидѣтелей одною присягой» (Христ. I, 44, прим. 36). Намъ кажется, что съ подобной глоссой едва ли можно согласиться. Въ 9-й статьѣ кратк. Правды и 26-й простр. Правды излагается одно и то-же положеніе, но только въ различныхъ редакціяхъ,—тамъ и здѣсь рѣчь идетъ только о *потерпѣвшемъ* и о выводимыхъ имъ видокахъ, и только: варягъ или колбягъ простран. Правды точно также выводятъ *за себя* видоковъ, какъ и по кратк. Правдѣ,—нѣтъ ни малѣйшаго основанія толковать выраженіе: «аже боудеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести», въ такомъ смыслѣ, что «противъ варяга и колбяга было недостаточно 2-хъ свидѣтелей, а требовалось полное число свидѣтелей». Мы считаемъ совершенно безсодказательной мысль о томъ, что большее или меньшее число послуховъ зависѣло будто бы отъ того, противъ кого они выводятся. Послѣднее обстоятельство въ данномъ случаѣ не имѣло никакого значенія: противъ кого-бы не выводились послухи, но все дѣло въ томъ, что они въ своихъ показаніяхъ касались *только* личности того, *кѣмъ* выводились, *кого* они призывались защищать или хулить; для нихъ и фактическія обстоятельства дѣла, и противная сторона, были совершенно безразличны. Какъ показано выше, число пособниковъ зависѣло *исключительно* отъ характера и состава преступленія, по которому выводились пособники: чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ больше требовалось пособниковъ. Какъ видно по всему, Рус. Правда, подобно другимъ славянскимъ памятникамъ, установляетъ *полное* (минимальное) *число* пособниковъ въ различномъ размѣрѣ, смотря по преступленію: статьи о синякахъ и кровавыхъ пятнахъ имѣютъ въ виду простое оскорбленіе дѣйствіемъ и потому требуютъ 1 видока; толчки и побои палицей или жердью (какъ и ладонью, тупой стороной меча, батогомъ, чашею и пр.)—болѣе квалифицированныя обиды, соединенныя съ оскорбленіемъ *чести*, требуется поэтому и большее число послуховъ (2); по убійству требовалось 7 пособниковъ. Все затрудненіе, повидимому, состоитъ въ томъ, какъ понимать выраженіе: *«полный видокъ»*. Судя по варіанту («полная видока вывести» Кар. сп. = «а видока не будеть» друг. списковъ), мы склонны видѣть здѣсь *одного* видока (по убійству 2). Въ данномъ случаѣ слово «полный» употреблено въ такомъ же смыслѣ, какъ и доселѣ въ простонародьи понимается «полый»—цѣльный, единый.

мощь», не имѣлъ возможности «искать» и «выводить» пособниковъ со стороны общины и потому по необходимости ограничивался лишь личной присягой (а не съ соприсяжниками), какъ это именно установлено краткой Правдой; только позже, когда иностранцы стали вступать въ болѣе близкія связи съ общинами, послѣднія открыли для нихъ возможность пособничества, но все-таки съ меньшимъ числомъ пособниковъ, чѣмъ это требовалось отъ «мужей», и при томъ не въ видѣ обязанности, а только одной *возможности*, — не добудетъ видока иностранецъ, онъ можетъ по прежнему ограничиться одной ротой или замѣнить ее жребіемъ («а видока не будеть, ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на жребіи»).

в) «Аще на кого будеть поклепная вира, то оже боудеть послоуховъ 7, то же выведеть виpоу, то они имоутъ вѣроу: паки ли варягъ или инъ кто, то 2» (Кар. 15).

Въ виду сказаннаго выше о значеніи «поклепа» и послуховъ по дѣламъ поклепнымъ, нѣтъ надобности останавливаться на настоящей статьѣ, которая, по своей опредѣлительности, дѣйствительно составляетъ «краеугольный камень для доказательства гождества послуховъ съ соприсяжниками». Замѣтимъ только, что въ настоящей статьѣ говорится не объ «очистникахъ» обвиняемаго (какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи), а о «помочникахъ» обвинителя: «если обвинитель представилъ 7 послуховъ, то обвиненіе считается доказаннымъ» (Будан. Христ. I, 40), а вира—«выведенной», т. е. не сверженной, сведенной или снятой съ обвиняемаго (Лапге) [1]), а именно удостовѣренной, доказанной, подлежащей взысканію съ обвиняемаго.

г) «Искавъ же ли послуха и не налѣзеть, а исца начнеть головою клепати, томоу дати исправа (правду въ друг. сп.) желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ и въ татьбѣ, и въ поклепѣ, оже не боудеть ли истца (лица)»—Кар. 17.

Статья эта указываетъ на условія, при какихъ допускается послушество въ смыслѣ присяжнаго пособничества сосѣдей: а) «оже не боудеть *лица*» [2])

---

[1]) Слово «вывести», впрочемъ, доселѣ употребляется также не только въ смыслѣ представить, доказать, но и уничтожить, свергнуть. Послѣдній смыслъ имѣетъ глаг. вывесть въ выраженіи: «вывесть пятно на платьи».

[2]) *Лицо* Правды, по «новому» воззрѣнію, понимается въ такомъ-же смыслѣ, какъ теперь *поличное*, и такое воззрѣніе полагается въ основу отрицанія послушества въ смыслѣ соприсяжничества. «Послушество *уподобляется* въ смыслѣ доказательства *поличному*, но поличное говоритъ только о фактѣ. Опять — нѣтъ ни одной черты похожей на соприсяжничество» (Мроч. Дрозд. Изслѣд. о Р. Пр. II, 241). По поводу «уподобленія» лица поличному невольно приходитъ на мысль приведенное выше указаніе проф. Сергѣевича на изслѣдователей, которые, смотря на дѣло глазами своего времени, «видятъ въ прошломъ тѣ-же явленія, къ которымъ привыкли и въ окружающей ихъ дѣйствительности». Автору упомянутаго уподобленія, прежде чѣмъ его высказывать, слѣдовало-бы справиться съ Грим-

и б) «въ *поклепъ*». Здѣсь рѣчь идетъ объ «очистникахъ» отвѣтчика, котораго истецъ «начнетъ головою клепати». Для сверженія поклепа отвѣтчикъ долженъ «искать» и «налѣзть» [1]) пособниковъ, которые-бы могли своимъ присяжнымъ отзывомъ очистить его отъ обвиненія, а общину освободить отъ обязанности помогать ему въ платежѣ виръ и продажъ. Не будутъ отысканы пособники, которые-бы взяли на себя защиту обвиняемаго, послѣдній уже исключительно въ интересахъ общины подлежитъ испытаніямъ (желѣзомъ или водой), а по незначительнымъ дѣламъ—ротѣ [2]).

д) «А хто порветь бородоу, а выметь знаменіе, а боудуть людіе, то 12 гривенъ продажи; а иже безъ людеи, то въ поклебѣ пѣть продажи» (Кар. 78).

е) «Оже выбьють зубъ, а кровь оувидять оу него въ ртѣ, а люди влѣзоуть (вылѣзоуть), то 12 гривенъ продажи» (Кар. 79).

Въ основѣ обѣихъ статей лежатъ тѣ-же общія начала мірской охраны личности, что и въ основѣ первой изъ приведенныхъ выше статей (о «кровавѣ мужѣ»). Выраженіе первой статьи: «выметь *знаменіе*», вполнѣ соотвѣтствуетъ выраженію второй: кровь *оувидять* оу него въ ртѣ»; здѣсь категорически указывается на людей, которые «видѣли» кровь, какъ очевидцы, а во всякомъ случаѣ, какъ лица, явившіяся на мѣсто по закличу и заповѣди потерпѣвшаго. Тѣмъ-же самимъ сосѣдскимъ visu характеризуется и знаменіе: какъ актъ «заповѣданный» окольнымъ людямъ, знаменіе, подобно лицу, должно было устранять необходимость въ другихъ доказательствахъ. Лишь при недостаткѣ такого акта, «вылазили люди», но уже не въ качествѣ простыхъ свидѣтелей, а именно пособниковъ—представителей общины [3]).

момъ (изъ него авторъ ознакомился съ герм. соприсяжниками): авторъ убѣдился-бы, во 1-хъ, что, по средневѣковому праву, *лицо* (corpus) означало нѣчто другое, мало похожее на позднѣйшее «поличное», и во 2-хъ, что древнее германское право ставило для соприсяжниковъ точно такія-же условія, какъ и наша Правда, т. е. отсутствіе лица и заповѣди, наличность поклепа и пр.,—словомъ, нашлось-бы много чертъ не одного «уподобленія», но именно прямаго сродства между нашимъ послушествомъ и герм соприсяжничествомъ по дѣламъ поклепнымъ.

[1]) «Искать» и «налѣзть» указываютъ и здѣсь не на очевидцевъ, а на пособниковъ.

[2]) Выше указано, что по личнымъ обидамъ, не влекшимъ за со'бой матеріальной отвѣтственности общины, поклепъ оканчивался однимъ послушествомъ, безъ испытаній или присяги.

[3]) Понимая, очевидно, въ изложенномъ смыслѣ обѣ статьи, проф. Владим. Будановъ переводитъ первую изъ нихъ такъ: «если у кого будетъ вырвана борода и обиженный *или* представитъ вещественныя улики (лучше-бы — доказательства), *или* свидѣтелей (?), то оскорбитель платитъ 12 гр. продажи». И во второй статьѣ «союзы: *а*... *а*... слѣдуетъ перевести: *или*... *или*... (Христом. I, 62—63).

Органы общины принимали немаловажное участіе также въ другихъ процессуальныхъ актахъ и дѣйствіяхъ. Сюда относятся въ особенности такъ называемое гоненіе слѣда и сводъ.

Подъ *гоненіемъ слѣда* разумѣлась особая форма общиннаго суда по татьбѣ и вообще «гибели», когда преступникъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія, но оставилъ послѣ себя слѣдъ. Въ такихъ случаяхъ установлялась погоня за воромъ,—виновнаго раскрывали путемъ «гоненія слѣда», который, по вѣрному замѣчанію проф. Владим. — Буданова, приравнивался въ процессуальномъ отношеніи вообще къ «лицу» [1]). Село или «товаръ», къ которымъ приведетъ слѣдъ, должны были «отсочить» отъ себя слѣдъ или ѣхать съ истцомъ на слѣдъ, не «отбиваться»; иначе отвѣтственность падала на все село или товаръ. Эта-то погоня за татемъ производилась потерпѣвшимъ «съ чюжими людьми и съ послухы» (Кар. 88) [2]).

Кто именно разумѣется подъ именемъ *чужихъ людей* и *послуховъ*, съ которыми потерпѣвшій гонитъ слѣдъ? Въ Правдѣ не дается никакихъ ближайшихъ разъясненій по этому вопросу. Полагаютъ, что это были «понятые» (Ланге) или-же обыкновенные свидѣтели факта, о которомъ они показываютъ на судѣ (Мрочекъ—Дроздов., II, 241). Намъ кажется, что настоящій вопросъ ближе всего можетъ быть разъясненъ, если обратимъ вниманіе на другіе древніе памятники, въ которыхъ сохранился институтъ гоненія слѣда. Сюда принадлежитъ прежде всего Литовскій Статутъ: въ немъ весьма обстоятельно развито ученіе о «гоненьи слѣда (vestigium) въ якой кольвекъ шкодѣ покраденной», причемъ совершенно категорически выясняется роль «околичныхъ сосѣдей», съ которыми потерпѣвшій преслѣдуетъ вора по слѣдамъ. «Поднявъ» слѣдъ своей шкоды, истецъ созываетъ, по давнему обычаю, *копу изъ добрыхъ людей, околичныхъ сосѣдей*, и гонитъ съ ними слѣдъ. Если слѣдъ приведетъ къ селу

---

[1]) «Предполагалось, что гамъ, гдѣ лежитъ «лицо», тамъ скрывается и преступникъ Понятіе о «лицѣ» расширяется еще болѣе: лицомъ признается самый *слѣдъ*, оставляемый преступникомъ, или вещію. Разыскивая покражу по «слѣду», истецъ можетъ всегда потерять эти слѣды; тамъ, гдѣ они теряются, тамъ предполагается преступникъ» (Будан. Обзоръ ист. р. пр. II, 259).

[2]) О гоненіи слѣда упоминаютъ памятники XV в. Въ жалов. грамотѣ Нижегородскаго князя Данила Борисовича Благовѣщенскому монастырю (1414 г.) говорится: «А у кого учинится какова гибель и кто пригонитъ какой слѣдъ на монастырскія земли, на Мишно и на тѣ пустоши, къ кому на чью землю, и государь тое земли обрѣзъ (?) у него возметъ да слѣдомъ ведетъ; а не сведутъ слѣду съ своее земли и гибельщикъ у него *обыщетъ дворъ и поля*: а не выметъ поличнаго, ино у него гибель пропала, а тому государю гибели не платитъ, у кого слѣдъ утеряетъ; а кого *позовутъ на слѣдъ*, и онъ на слѣдъ не поѣдетъ, или обрѣза не возьметъ, и тому та гибель платить» (А. А. Э. I, 18). Однородныя-же правила находимъ еще въ трехъ грамотахъ первой половины XV в. (см. ib. 21, Мухан. Сборн. № 119; Иванова Описан. госуд. архива, стр. 207).

или дому, то истецъ посылаетъ въ нихъ добрыхъ людей съ требованіемъ выдать вора, или вывести слѣдъ «зъ грунту земли села своего». Село или хозяинъ дома, не выдававшіе вора, должны взять у прибывшей копы слѣдъ и вывести его до другой границы, куда приведетъ слѣдъ. Если село не выведетъ слѣда, отобьется отъ него или уничтожитъ слѣдъ, то копа, остановившаяся на гоненьи слѣда, посылаетъ за вознымъ (приставомъ), «*осумовываетъ*» съ нимъ шкоду, на основаніи присяжныхъ показаній истца «самъ—треть» (т. е. съ пособниками) и «*прилагаетъ*» свое осумованье къ селу. Копа съ вознымъ объявляетъ затѣмъ уряду гродскому, который назначаетъ срокъ уплаты (Рус. Прав. и Лит. Стат., 80). Подобное-же гоненіе слѣда извѣстно было древнему чешскому и польскому праву. У чеховъ этотъ институтъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ *stopa*. По первому призыву потерпѣвшаго о помощи, сосѣди обязаны были являться на мѣсто, составляли изъ себя «осаду» (commune) — сходку сосѣдей, безъ всякаго участія въ ней органовъ общественной власти. Осада сосѣдей шла съ истцомъ «po stopě» вора; жители села или двора, куда приведетъ слѣдъ, вызывались осадой на слѣдъ и обязаны были отвести отъ себя слѣдъ,—иначе они платили всѣ убытки истцу. Погоня за воромъ по слѣду могла быть исполнена вмѣсто потерпѣвшаго сокомъ (см. выше), къ числу спеціальныхъ обязанностей котораго входило также преслѣдованіе воровъ по горячимъ слѣдамъ (отсюда названіе сока—investigator rei furtivae). Сокъ указывалъ и вообще розыскивалъ воровскіе слѣды, шелъ по нимъ съ сосѣдями, осматривалъ домъ, къ которому приводилъ слѣдъ и т. д. Если жители не выдавали вора и не удовлетворяли тутъ-же потерпѣвшаго, то истецъ или сокъ, при помощи свидѣтельства сосѣдей (testimonium vicinorum), обращались къ власти (уряду), принуждавшей виновныхъ къ удовлетворенію потерпѣвшаго Такой-же отвѣтственности подлежали сосѣди потерпѣвшаго, когда они, по его призыву, не выйдутъ на осаду и не помогутъ истцу въ преслѣдованіи вора: убытки истца вознаграждали сосѣди сообща (см. Иречка, въ Архивѣ Калач. VI, 41 и слѣд.; Slov. pravo, гл. о сводѣ и слѣдѣ). Точно также древнему польскому праву извѣстенъ *slad*—повинность общинъ помогать потерпѣвшему въ погонѣ по слѣдамъ вора. Сосѣди, по первому «воланью» потерпѣвшаго, обязаны были идти съ нимъ по слѣду «злодѣя»,—если они откажутся идти, то платятъ истцу его шкоду. Затѣмъ, если состоялась погоня за воромъ, жители той мѣстности, куда приведетъ слѣдъ, обязаны были, по требованію сходки, гонившей слѣдъ, выдать вора или вознаградить всѣ убытки потерпѣвшаго. Повинность помогать истцу въ преслѣдованіи вора не распространялась только на общины, жившія по нѣмецкому праву. Порядки, сходные съ чеш. стопой и польск. slad'омъ, имѣли мѣсто въ старое время и въ Венгріи (см. A. Z. P. I, 2, n. 49; Zbiór prav Litew. 48, прим. 27: Daniłowicza Skarbiec dyplom. I, № 64; Helcel Pomniki starodaw. zwyczaj. prawa и пр.).

Изъ сказаннаго можно заключать съ полною очевидностію, что «слѣдъ» представлялъ институтъ древняго права, по своей общей природѣ и юридической силѣ совершенно аналогическій съ «лицомъ»: оба эти института составляли, по замѣчанію славянскихъ изслѣдователей, «auszergerichtliches Verfahren», первычную процессуальную форму, основанную исключительно на дѣятельности общины—«сосѣдей» и «окольныхъ людей», безъ всякаго участія нарядниковъ и вообще оффиціальныхъ представителей общественной власти (см. Иречка Das Recht in Bohm. I, 57) [1]. Слѣдъ, подобно лицу, опирается цѣликомъ на дѣятельность общины, представляетъ собой одну изъ наиболѣе характерныхъ формъ стараго «самосуда» и «самопомощи» общины. Какъ при «лицѣ» сосѣди, созванные потерпѣвшимъ путемъ заклича и присутствовавшіе при его «заповѣди», являлись единственными Urtheilfinder'ами, устранявшими своимъ «сосѣдскимъ» приговоромъ дальнѣйшее разбирательство дѣла на судѣ, такъ и на «слѣдѣ» чужіе люди и послухи, являвшіеся на помощь по кличу потерпѣвшаго и гнавшіе съ нимъ слѣдъ, не играли только скромной роли «понятыхъ» или «простыхъ свидѣтелей факта» [2]), но были автономными «рѣшителями» дѣла. Добрые люди и послухи (копа литов., осада чеш.), гнавшіеся за воромъ по слѣдамъ, являлись авторитетнымъ органомъ «самосуда» общины; именемъ и властью послѣдней они «требовали» отъ тѣхъ, къ жилью кого приводилъ слѣдъ, чтобы «отсочили» слѣдъ, т. е. выдали вора или отвели слѣдъ, ѣхали дальше по слѣду съ потерпѣвшимъ и его послухами. Разъ село, куда приводилъ слѣдъ, отказывало истцу въ томъ и другомъ, «отбивалось» отъ выдачи вора и отъ дальнѣйшей погони за нимъ, гоненіе слѣда пріостанавливалось: прибывшіе по слѣду «чужіе люди» и «послухи» составляли изъ себя судебную сходку (копу лит., осаду чеш.),—одни изъ такихъ людей (по обычаю, записанному въ литовскихъ и чешскихъ памятникахъ) присягали съ истцомъ въ качествѣ его «помочниковъ», —другіе-же исполняли настоящія судебныя функціи—«осумовывали» (оцѣняли) убытки истца и затѣмъ «прилагали» (объявляли)

---

[1]) Такое участіе власти вводится лишь позже, когда общинный судъ сталъ вообще падать (см Иречка Das Recht in Bohm. II, 122—123).

[2]) «Свидѣтели факта» и «понятые» только показываютъ на судѣ о своемъ visu или объ извѣстныхъ имъ фактахъ рѣшающая роль принадлежитъ именно *суду*; между тѣмъ, ни откуда не видно, чтобы Правда требовала особаго формальнаго разбирательства *на судѣ* по показаніямъ «понятыхъ», гнавшихъ слѣдъ,—напротивъ, какъ при лицѣ, заповѣданномъ сосѣдямъ, устранялся формальный судъ, такъ и при «слѣдѣ» послухи, гнавшіе слѣдъ, были сами и *судьями*. Это категорически доказывается данными стараго литовскаго права, какъ и права другихъ славянъ. Понятіе «понятыхъ» принадлежитъ новой исторіи процесса,—переносить подобное-же понятіе на институты древняго права значитъ «смотрѣть на дѣло глазами своего времени, искать въ прошломъ тѣ-же явленія, къ какимъ привыкли въ окружающей дѣйствительности».

свой приговоръ тѣмъ, кто отбился отъ слѣда. Если отбившіеся отъ слѣда продолжали и послѣ того сопротивляться, не удовлетворяли истца согласно приговору сходки, то дѣло переходило къ общественной власти (уряду), но не для новаго «вершенія» дѣла, а лишь для понужденія виновныхъ къ удовлетворенію потерпѣвшаго [1]).

Съ такимъ-же характеромъ Urtheilfinder'овъ, а не простыхъ свидѣтелей (какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи), являлись «видоки», «мужи» и «послухи», предъ которыми велся *сводъ*, или *изводъ*. По татебнымъ дѣламъ сводъ имѣлъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій, не сдѣлавъ своевременно заповѣди на торгу предъ сосѣдями, познавалъ послѣ свою вещь у другаго лица. О сводѣ по татьбѣ и вообще пропажѣ вещей, при указанныхъ условіяхъ, говорятъ Рус. Правда, Псковская грамота, Двинская и Бѣлозерская уставныя грамоты [2]). Затѣмъ, какъ видно изъ междукняжескихъ докончаній XIV и XV вѣковъ, «изводъ», кромѣ татьбы, допускался еще по разбою, душегубству и грабежу [3]). По Рус. Пр. на «изводѣ» разбираются, кромѣ того, споры, возникавшіе изъ долговыхъ обязательствъ (ак. 14; ср. кар. 44). По Псковской грамотѣ споры по изорничеству ведутся также на изводѣ, или, что одно и то-же, «въ закличъ»; вообще въ закличъ вершились дѣла по личному найму (для работъ)—по спорамъ хозяевъ съ изорниками, огородниками, кочетниками (рыболовами), мастерами — плотниками и наймитами (Пск. гр. 39, 44, 87). Наконецъ, слѣды свода нужно видѣть въ 10 статьѣ Псков. грамоты о судѣ по «лѣшей» (лѣсной) землѣ: стороны, представлявшія не сходныя одна съ другой грамоты, «да оба *изведутца* по своимъ грамотамъ».

Во всѣхъ такихъ случаяхъ сводъ имѣлъ различный составъ, хотя всегда удерживалось одно и то-же родовое его понятіе. Сводъ по татьбѣ ведется, какъ видно изъ Рус. Правды, «по конамъ»—сходкамъ сосѣдей, предъ «видоками»,—въ этомъ случаѣ своду по конамъ, по всему видно, соотвѣтствуетъ разбирательство дѣлъ «въ закличъ» по Псковской грамотѣ. Иски по долговымъ обя-

---

[1]) Лишь позже, какъ видно изъ Литов. Статута послѣднихъ двухъ редакцій, въ случаѣ отказа отъ уплаты по приговору копы, дѣло велось по позву, «съ права», общимъ «урядовымъ» порядкомъ; но и здѣсь testimonium vicinorum, гнавшихъ слѣдъ, имѣло такое-же рѣшающее значеніе, какъ и свидѣтельство послуховъ по частнымъ сдѣлкамъ,—противъ свидѣтельства сосѣдей, участвовавшихъ въ гоненіи слѣда, не допускались никакія возраженія (Лит. Стат. 1566, XIV, 6; 1588, XIV, 9 и пр.)-

[2]) См. Р. Пр. ак. 13, 15,—кар. 30, 32, 34, 36; Псков. грам., 54; Двин. и Бѣлоз. гр. въ А. А. Э. I, 13, 123.

[3]) «А иметъ (разбойникъ, татьбу, грабежникъ, душегубецъ) ся просити на *изводъ*, имо его на изводъ пустити». См. договоръ в. кн. Василія Вас. съ кн. Твер. Борисомъ Александр. 1451 (Собр г. гр. I, 173). Такую-же формулу находимъ еще раньше въ договорѣ в. кн. Василія Дмитр. съ Твер. кн. Михаиломъ Алекс 1398 (А. А. Э. I, 14).

зательствамъ разбираются по краткой Правдѣ (14) на «изводѣ предъ 12-ю человѣка»; по договору новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г., въ такихъ-же искахъ имѣютъ мѣсто «12 мужь послухы, идеть ротѣ» (Будан. Христ. I, 95, п. 10); по пространной Правдѣ, вмѣсто извода предъ 12 мужами, вообще «выводятся послуси, ти поидуть на ротоу» (Кар. 44).

Самый modus веденія свода установлялся различно, смотря по роду дѣлъ. Сводъ по татьбѣ и вообще утратѣ вещей состоялъ въ томъ, что тотъ, у кого собственникъ познавалъ свою утраченную вещь, долженъ былъ назвать, отъ кого онъ ее пріобрѣлъ; этотъ, въ свою очередь, указывалъ своего продавца и т. д., пока въ результатѣ такой непрерывной цѣпи ссылокъ на продавцевъ не дойдутъ до «конечнаго» татя, какимъ признавался тотъ, кто не могъ указать на продавца и вообще не могъ ничѣмъ оправдать законности пріобрѣтенія очутившейся въ его рукахъ чужой вещи [1]). Гораздо проще велся сводъ по долгамъ или личному найму: по «закличу» истца «сводились» (свести—deducere, ableiten) судьи, стороны и послухи, дѣло разъяснялось показаніями (судоговореніемъ) сторонъ и послуховъ, — въ результатѣ сводъ оканчивался, какъ и всякій процессъ, приговоромъ судей.

Всѣ эти отрывочныя данныя о сводѣ далеко не разъясняютъ всей сути дѣла. Въ особенности не яснымъ представляется интересующій насъ вопросъ о роли, какую играли «коны», также «видоки» и «послухи», присутствовавшіе на сводѣ. Изложенныя данныя могутъ быть надлежаще поняты, если обратимся

---

[1]) На основаніи такого процесса свода изслѣдователи подводятъ его то подъ понятіе «виндикаціи» по искамъ вещнымъ (Будан Христ. I, 27), то «очной ставки» въ нашемъ смыслѣ (Ланге), то особой формы очной ставки, въ видѣ «процесса хожденія со двора во дворъ» (Серг. Изслѣд., 572) Намъ кажется, что всѣ такія опредѣленія не даютъ указанія на *родовое* понятіе свода, въ особенности же вовсе не подходятъ къ своду по долговымъ обязательствамъ или по личному найму: здѣсь вовсе не имѣетъ мѣста то, что характеризуетъ сводъ по татьбѣ, — ссылка на различныхъ лицъ, отъ которыхъ пріобрѣталась спорная вещь. Да и по дѣламъ татебнымъ сводъ нельзя уподоблять виндикаціи или очной ставкѣ. Vindicatio—лишь часть процесса, а не весь процессъ по вещнымъ искамъ (какъ сводъ): виндикація—первый моментъ судоговоренія, состоявшій въ формулахъ, съ одной стороны, утвержденія истца предъ судьей о его правѣ на спорную вещь, а съ другой — отрицанія этого права отвѣтчикомъ Очная ставка—тоже только часть процесса, равнозначительная съ свидѣтельскимъ показаніемъ,—сводъ, напротивъ, обнималъ цѣлый процессъ, на которомъ рѣшались фактическіе и юридическіе вопросы. Затѣмъ, «процессъ хожденія со двора во дворъ» вовсе не составлялъ непремѣнной принадлежности свода: сводъ велся не по дворамъ, а «по конамъ» — судебнымъ сходкамъ, состоялъ изъ ссылокъ на продавцевъ, тутъ-же находившихся между собиравшимися на сводъ по «закличу» истца сосѣдями. Если и имѣло мѣсто «хожденіе», то лишь при ссылкѣ на продавца, жившаго въ другой общинѣ; но и тамъ непремѣнно составлялась сходка, на которой разбиралось дѣло, а не «ходили по дворамъ».

къ древнему праву другихъ славянъ, такъ какъ сводъ, подобно слѣду и другимъ институтамъ, принадлежалъ къ исконнымъ явленіямъ древнеславянскаго быта. Въ особенности подробное ученіе о сводѣ, какъ вполнѣ развитомъ институтѣ, принадлежитъ древнему чешскому праву [1]).

У славянъ сводъ составлялъ въ старое время основную форму *общиннаго суда*. По чешскому праву, «svod», подобно stopě, всегда производился на «osadach» (сходкахъ) сосѣдей, первоначально безъ всякаго участія и вмѣшательства органовъ общественной власти (см. Иречка Recht II, 122). По татебнымъ дѣламъ (безъ «opovědi») сводъ велся такъ-же, какъ и по Рус. Правдѣ, т. е. состоялъ изъ послѣдовательнаго ряда ссылокъ на продавцевъ, отъ которыхъ была пріобрѣтена вещь, служившая предметомъ свода. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлалась на сводѣ ссылка на продавца, принадлежавшаго къ другой общинѣ (той-же земли или уряда), сводъ переходилъ на осаду этой общины, куда являлись также истецъ и «послы» (наши послухи и видоки) первой осады, на которой начался сводъ. Такія осады сосѣдей учреждались не только по татьбѣ, но и по другимъ уголовнымъ дѣламъ, также по вещнымъ и долговымъ искамъ; всякіе споры по договорамъ, также о «дѣдинахъ» и межахъ у старыхъ чеховъ были предметомъ свода на сосѣдскихъ «осадахъ», съ участіемъ присяжныхъ судей и свидѣтелей-поротцевъ. Лишь позже, начиная съ Статута Конрада, стала постепенно ограничиваться компетенція стараго общиннаго суда на сосѣдскихъ осадахъ. Въ упомянутомъ Статутѣ, напр., требуется, чтобы сводъ по татьбѣ и утратѣ вещей производился не иначе, какъ въ присутствіи «урядовыхъ» (жупныхъ) судей, съ участіемъ въ судѣ не всей осады, но только одного или двухъ сосѣдей—«unus vel duo de vicinatu illo» (Иречка Das Recht in Boh., II, 122; ср. его-же Изслѣд. о жупн. судахъ, въ Архивѣ Калач. VI, и Slov. pravo v Čechach a na Moravě).—Точно такое-же значеніе имѣлъ «зводъ» по литовско-русскому праву. Въ старое время сводъ по татебнымъ дѣламъ (когда не было сдѣлано «поволанье» — заповѣдь Правды или «opověd» чеш. права, и утраченная вещь познана въ рукахъ другаго) велся на «копахъ» — сходкахъ сосѣдей, вполнѣ аналогическихъ съ чешскими осадами или конами Рус. Правды, съ соблюденіемъ такого-же порядка въ ссылкахъ на «заводцевъ» (evictores латин. текст. Лит. Стат. — продавцевъ познанной вещи) и вообще въ веденіи всего свода, какъ и по Рус. Правдѣ и чешскому праву. Лишь со

---

[1]) Въ серб. Законникѣ Душана говорится о сводѣ слѣдующее: «Ако-ли кто што ухвати удавлено или украдено лицемь или силомь узето буде: сваки о томь да даа сводь» (Закон. § 143). Институтъ свода по татебнымъ дѣламъ имѣлъ мѣсто и въ древнемъ германскомъ правѣ, и при томъ рѣшительно въ такихъ-же формахъ, какъ и по старымъ чешскимъ или русскимъ памятникамъ (см. Bernhoft, 24. Brunner и др.; ср Сергѣевича Изсл., 573).

времени Волынскаго Статута (1566) сосѣдскія копы стали терять прежнее самостоятельное значеніе и сводъ производился урядовымъ порядкомъ, предъ судьями (см. Лит. Стат. 1529, XIII, 17; 1566, XIV, 2; 1588, XIV, 1, 3) На такихъ-же сходкахъ, путемъ свода не только жителей одного села, но и въ важныхъ случаяхъ—нѣсколькихъ селъ и мѣстечекъ цѣлой «околицы», истецъ могъ «всякой шкоды своее доходити копою». Въ случаѣ разбоя, убійства и пр., когда преступникъ не пойманъ, люди и мѣщане всей околицы, въ окружности на милю, сводились на копу, на которой путемъ «опыта» (опроса копниковъ) и розыскивался «злодѣй». О такихъ копахъ Литов. Статутъ говоритъ, какъ объ обычаѣ, «бывшемъ здавна на Руси и инде». Гдѣ копы вышли изъ практики, тамъ (по третьему Статуту) должны быть назначены «коповища» (мѣста сходокъ околицы), съ припиской къ нимъ селъ, обязанныхъ становиться на копу. На копахъ держатся старые «порядки и поступки», издавна существовавшіе на Руси (см. Рус. Пр. и Лит. Стат. 73, 80, 82). — Тотъ-же «зводъ» сосѣдей на копахъ имѣлъ мѣсто по искамъ вещнымъ и по обязательствамъ, возникавшимъ изъ договоровъ. Еще въ Рус. Правдѣ находимъ намекъ на то, что поземельныя дѣла (о нарушеніи межъ и пр.) велись общиннымъ порядкомъ: виновный розыскивался «по верви» [1]). Литовское право констатируетъ изстаринные бытовые способы веденія дѣлъ о межахъ и испашахъ на «копахъ», сходкахъ сосѣдей (см. мое соч.—о крестьянахъ юго-зап. Россіи, 47—52). Вообще говоря, въ старое время, по общимъ славянскимъ обычаямъ, поземельныя споры вездѣ вершились на сходкахъ, цѣлою общиною, первоначально безъ участія органовъ власти. На этотъ порядокъ, какъ замѣчено выше, намекаетъ Правда [2]); онъ же практиковался у старыхъ чеховъ (см. выше)

---

[1]) Въ Правдѣ говорится, что если «будетъ разсѣчена земля или на земли знаменіе есть» (знаменіе—орудія звѣриной или птичьей охоты), также если «разломаетъ борть или кто посѣчетъ древо на межѣ», то «*по верви* искати татя въ себѣ, а любо платити продажю» (см. Калачова Изслѣд. о Рус Пр. 131, CXXIX). Ошибочно понимая «знаменіе» въ смыслѣ знака или слѣда шкоды, Ланге полагаетъ, что разслѣдованіе виновнаго производится въ данномъ случаѣ путемъ «гоненія слѣда», — толкованіе едва ли правильное. «Искать по верви» именно означало разслѣдованіе виновнаго путемъ «свода» членовъ верви, собиравшихся по закличу истца на сосѣдскую сходку и обязанныхъ или выдать виновнаго, или платить продажу и «татьбу», т. е. общественную пеню и убытки потерпѣвшаго. Будановъ, по нашему мнѣнію, не вѣрно утверждаетъ, что при «слѣдѣ» община платитъ только продажу, а не татьбу»—частную пеню: въ составъ какъ дикой виры, такъ и «общинной» продажи, несомнѣнно входили общественная пеня и частные убытки, какъ это несомнѣнно доказывается всѣми древними памятниками славянскаго права (Будан Христ. I, 63, пр. 111; ср. Древ. Хорв.-Далм. зак., 31, 37, 139).

[2]) Русская Правда, впрочемъ, уже знаетъ и урядовые порядки разбирательства дѣлъ: «Аще братиа растяжоутся предъ княземъ о задници, то которыи дѣтьскыи идеть ихъ дѣлити» (Кар. 117). Нужно замѣтить, однако, что въ эпоху Правды едва-ли установилось строгое разграниченіе компетенціи суда княжескаго и общиннаго. Отъ самихъ сторонъ зависѣло—обратиться-ли къ суду князя, или-же ограничиться судомъ сосѣдскимъ, въ закличъ, на конахъ, торгу и пр.

Общинные же порядки процесса по поземельнымъ дѣламъ вполнѣ извѣстны литовскому праву. По древнимъ западно-русскимъ правымъ грамотамъ, дѣла о межахъ — «обводы» («разъѣханье», «указыванье» границъ и пр.), по стародневнему обычаю, велись предъ «обчими старцами» (судными мужами восточно-русскихъ правыхъ грамотъ), представленными обоими тяжущимися, въ присутствіи урядника и «светковъ» (см. А. З. Р. I, 30, 175). По Литовскому Судебнику (1468), при поземельныхъ спорахъ отряжаются на мѣсто (спорныя земли) «ѣздоки» и «судьи», которые и производили «разъѣздъ» по давнимъ обычаямъ (см. Zbiór praw Litew. 51, 117; ср. А. З. Р. I, 175). Эти-то обычаи легли въ основаніе статутовыхъ постановленій о «правахъ земскихъ» — границахъ, межахъ и копахъ (см. VШ раздѣлъ Статута 1529, IX разд. Стат. 1566 и 1588). Поземельные споры, по Статутамъ и судньшъ актамъ, ведутся на «копахъ (или—сводахъ, опытахъ, обводахъ, разводахъ, разъѣздахъ, выѣздахъ, выѣханьяхъ и пр.) изъ судей, или ѣздоковъ, добрыхъ людей (сумежниковъ и пограничниковъ) и светковъ. «Добрые люди» были на копахъ именно судьями факта и права. Копа составлялась всегда изъ опредѣленнаго числа добрыхъ людей — изъ 18 сумежниковъ «съ обу сторонъ» (т е. отъ каждой стороны особо по 18-ти мужей). Затѣмъ, изъ каждыхъ трехъ мужей избирался сторонами одинъ «присяглый светокъ», пока не составится 12-ти (по 6 мужей съ каждой стороны). Эти-то выборные мужи, «добрые люди» или «мужи—копники» (см. Иванишева о сель. общинѣ юго-западн. Россіи) и производили «обводъ», «объѣханье» границъ и вообще рѣшали всѣ вопросы факта и права. Въ старое время по поземельнымъ спорамъ, какъ и вообще по всякимъ другимъ дѣламъ, вершившимся путемъ «свода» на сходкахъ сосѣдей, обычай, какъ замѣчено выше, не требовалъ участія въ сводѣ органовъ власти (наряда). Отступленія отъ стараго славянскаго обычая замѣчаются впервые въ Судебникѣ 1468 года и окончательно установляются въ Литовскихъ Статутахъ: поземельнымъ сводомъ руководитъ по Статутамъ не сходка сосѣдей, какъ было въ старину, но урядникъ — ѣздокъ, который выслушиваетъ добрыхъ людей — копниковъ («присяглыхъ» мужей) и светковъ и затѣмъ представляетъ все дѣло уряду, пославшему его на копу (Стат. 1529, VШ, 1—10; Ст. 1566, IX, 4 — 9). Съ учрежденіемъ во второй половинѣ XVI в. особаго подкоморскаго уряда (по образцу такого-же уряда, заведеннаго раньше въ польскихъ земляхъ для спеціальнаго завѣдыванія поземельными дѣлами (см. Рус. Прав. и Литов. Стат. 36, прим. 2), еще болѣе ограничилось значеніе и роль общиннаго элемента въ судѣ по поземельнымъ дѣламъ. Въ Статутѣ 1588 г. «добрые люди» (старые самостоятельные копники — судьи) совершенно сравниваются съ простыми «светками»; въ это время, собственно говоря, уже не было «копъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о нихъ источники прежняго времени. Съѣзды подкоморскаго уряда удерживаютъ одно названіе копъ: все ихъ устройство

стало проникаться началами «урядоваго» (приказнаго) суда (см. Стат 1588, IX, 3—5, 16 и др.).—Тѣ-же самые порядки общиннаго свода старое литовско-русское право установляло и по другимъ вещнымъ и обязательственнымъ искамъ. Неясныя начала Рус. Правды въ этомъ случаѣ вполнѣ развиты въ положеніяхъ Литов. Статута: объ «*обычыхъ судьяхъ*», которые на сосѣдскихъ сходкахъ «присуждаютъ» по всякимъ дѣламъ о шкодѣ (кромѣ дѣлъ, влекшихъ лишеніе жизни, чести и свободы и подлежавшихъ урядовому суду), назначаютъ срокъ «заплатѣ» и «грабятъ» въ случаѣ уклоненія виновнаго отъ взысканія; о «*зводѣ*», имѣвшемъ мѣсто не только по дѣламъ о татьбѣ, но и по другимъ вещнымъ и долговымъ искамъ; объ общинномъ порядкѣ процесса по долговымъ и другимъ искамъ, путемъ «*заповѣди на торгу*», т. е. свода предъ сосѣдями (только съ третьяго Статута стали запрещать, наприм., взысканіе долговъ не урядовымъ порядкомъ, а путемъ «сосѣдской помощи» — заповѣди на торгу— см. Ст. 1529, XII, 11; Ст, 1566, XIII, 3, 6; Ст. 1588, XIII, 3, 4); о «*копахъ*» и «*добрыхъ людяхъ*», предъ которыми могли производиться иски по «испашамъ» и другимъ имущественнымъ шкодамъ и пр. Въ процессѣ по всѣмъ этимъ дѣламъ начинаютъ преобладать урядовые порядки лишь со втораго и особенно третьяго Статута, когда копные суды, основанные на старо славянскомъ сводѣ, общины, были окончательно подчинены судамъ урядовымъ (см. Рус. Пр. и Лит. Стат., 85—86).

Въ виду изложенныхъ данныхъ о древнемъ славянскомъ сводѣ легко устранить разныя недоразумѣнія, существующія между нашими изслѣдователями въ воззрѣніяхъ касательно упомянутаго института. Принципіальная природа свода и, если не всѣ его детали, то во всякомъ случаѣ основныя формы вездѣ были въ старое время несомнѣнно однѣ и тѣ-же, съ той лишь разницей, что въ однихъ памятникахъ не ясно развитъ институтъ, указаны лишь нѣкоторыя его черты и особенности, самая-же сущность института остается невыясненной (какъ въ Рус. Правдѣ), тогда какъ другіе памятники (въ данномъ случаѣ памятники чешскаго и литовскаго права) своей обстоятельностью даютъ ключъ къ полному уразумѣнію даннаго института. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что природа свода по Рус. Правдѣ и другимъ древнимъ памятникамъ русскаго права опредѣляется точно такъ-же, какъ и по памятникамъ права другихъ славянъ, т. е. въ смыслѣ *коренной формы старой самопомощи и самосуда сосѣдей* (общины), первоначально имѣвшаго мѣсто по всѣмъ «поклепнымъ» дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ и лишь позже уступившаго мѣсто суду особыхъ органовъ земскаго наряда. Касательно «коновъ», по которымъ ведется сводъ, также не можетъ быть никакого сомнѣнія: это — такія-же сходки сосѣдей, какъ и копы литовскія или осады чешскія. Сводъ по одному и тому-же дѣлу могъ послѣдовательно вестись на нѣсколькихъ конахъ, именно въ случаѣ ссылокъ на продавцевъ, жившихъ въ разныхъ общинахъ: въ каж-

дой такой общинѣ сосѣди должны были собираться на конъ, разъ была сдѣлана ссылка на какого либо члена общины, какъ на продавца вещи, оказавшейся татебной. Что касается затѣмъ занимающаго насъ вопроса о значеніи мужей—видок въ и послуховъ, принимавшихъ участіе въ сводѣ, то мы не видимъ никакой возможности согласиться съ воззрѣніями, какихъ держатся наши изслѣдователи по этому вопросу. Одни изслѣдователи усматриваютъ въ «видокѣ» 15 ст. краткой Правды (ак. сп.) просто свидѣтеля — очевидца, testis de visu (Мроч.—Дроздов 135); другіе квалифицируютъ его названіемъ «свидѣтеля покупки» (Сергѣевичъ Изсл., 573) или «посторонняго свидѣтеля, необходимаго для правильнаго производства свода» (Владим.-Будановъ Христ. I, 28, пр. 20). Что видокъ, при которомъ велся сводъ, не имѣлъ значенія «свидѣтеля покупки», совершенно категорически доказывается самой Правдой: свидѣтели покупки («свободные мужи» или «мытникъ»), по 33 ст. простр. Правды (Кар, сп.), выводятся лишь тогда, когда купившій татебную вещь на торгу «начнеть не знати оу кого боудеть коупилъ», т. е. когда на сводѣ прекращается ссылка на продавцевъ. Разъ-же на сводѣ имѣется въ наличности самъ продавецъ (на него дѣлается ссылка тѣмъ, у кого познана воровская вещь), вовсе не требуется видокъ,—продавецъ исключаетъ свидѣтеля покупки. Точно также едва ли вѣрно опредѣляется положеніе на сводѣ видока, въ смыслѣ «посторонняго свидѣтеля, необходимаго для правильнаго производства свода». Необходимость въ такомъ свидѣтелѣ, какъ и вообще въ «свидѣтелѣ — очевидцѣ», можно-бы допустить лишь въ томъ предположеніи, что сводъ ведется исключительно *самимъ* потерпѣвшимъ, какъ его частное, личное дѣло, въ формѣ, наприм., «процесса хожденія со двора во дворъ», и затѣмъ вопросъ о результатахъ такого «хожденія» передается истцомъ на рѣшеніе судьи; при такомъ положеніи дѣла дѣйствительно необходимо было-бы присутствіе и даже, пожалуй, содѣйствіе посторонняго лица, которое-бы контролировало дѣйствія истца и затѣмъ удостовѣряло на судѣ «правильность производства свода». Ничего подобнаго, однако, не могло быть въ дѣйствительности: сводъ вели съ истцомъ другіе органы и о результатахъ его истецъ не докладывалъ никакому постороннему судьѣ. Сами сосѣди, собиравшіеся на конъ, руководили сводомъ и затѣмъ сами-же были и безапелляціонными судьями всего дѣла. Зная общій характеръ и составъ свода, какъ и разъясненное раньше значеніе видоковъ, можно уже изъ простаго сопоставленія 15 ст. краткой Правды, указывающей на веденіе свода «*при видоцѣ*», съ 34-й ст. пространной Правды, говорящей о веденіи свода «*по конамъ*», вывести заключеніе о тѣсной связи между видокомъ и конами. Подъ видоками разумѣлись въ данномъ случаѣ или просто сосѣди, созванные истцомъ на конъ для разслѣдованія его дѣла и игравшіе на установлявшемся въ такомъ случаѣ сводѣ роль судныхъ мужей, или-же тѣ видоки—послухи, которые, при переходѣ свода въ другую общину (когда была сдѣлана

ссылка на какого либо ея члена, какъ продавца воровской вещи), вмѣстѣ съ истцомъ шли, какъ послы—представители своей общины (см. выше о чешск. сводѣ), для веденія свода на новомъ конѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ видоки имѣли значеніе не простыхъ свидѣтелей-очевидцевъ, а именно авторитетныхъ Urtheilfinder'овъ [1]).

Такое-же разногласіе существуетъ доселѣ касательно «*12-ти человѣкъ*», предъ которыми ведется «изводъ» по долговымъ обязательствамъ. Въ такихъ мужахъ уже давно историки видятъ нѣчто общее съ институтомъ jury (полагали даже, что такое jury занесено къ намъ варягами изъ ихъ родины, гдѣ существовалъ институтъ присяжныхъ судей), позднѣйшими «судными мужами», избиравшимися общинами на общемъ основаніи съ лучшими земскими людьми — «беречи правду» на судѣ (см. наприм., Шпилевскаго Источн. 33). Позже стали по этому вопросу высказываться новыя воззрѣнія. Такимъ образомъ, Ланге, не понявъ специфической роли послуховъ и мужей Правды, считаетъ «12 человѣкъ» простыми свидѣтелями, не признаетъ за ними значенія судныхъ мужей Онъ не понимаетъ, почему «приводили къ такимъ судьямъ подсудимаго только въ томъ случаѣ, когда онъ *ся запирати почнеть*», и обходились безъ нихъ въ другихъ случаяхъ, при сознаніи виновнаго. Проф. Владимірскому — Буданову принадлежитъ слѣдующее мнѣніе по данному вопросу: «коммиссія 12 состоитъ изъ *послуховъ, свидѣтелей заключенной сдѣлки*, которые въ то же время были *судьями* относительно этой сдѣлки». Въ 44 ст. пространной Правды «роль судей въ случаѣ спора (приданная послухамъ по ст. 14 ак.) *смѣняется ролью простыхъ свидѣтелей*, которые подтверждаютъ существованіе сдѣлки и ея неисполненіе присягою предъ общественною властію». Такихъ-же свидѣтелей авторъ видитъ и въ 12-ти мужахъ — послухахъ договора 1195 г. (см. Христ. I, 28, 51, 95).

Чтобы надлежащимъ образомъ понять настоящій вопросъ, нужно сначала рѣшить, отъ чего именно должникъ могъ «запираться» такъ, чтобы его запирательство могло быть предметомъ судебнаго разбирательства на сводѣ,—отъ самой-ли сдѣлки съ кредиторомъ, или отъ ея послѣдствій —обязательствъ, какія возникали для должника изъ сдѣлки? При тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, при какой въ старое время вершились всякія сдѣлки,—именно при публичности и, слѣдоват., общеизвѣстности сдѣлокъ, совершавшихся на міру («на торгу»), при спеціальномъ органѣ такой публичности—послушествѣ, какъ уже замѣчено

---

[1]) Въ 15 ст. кратк. Правды правильнѣе было-бы, вмѣсто выраженія «при видоцѣ» читать—«при *видоцѣхъ*», такъ какъ конъ составлялся изъ многихъ сосѣдей — видоковъ, а при переходѣ свода въ другую общину, туда шелъ истецъ, какъ и при «слѣдѣ», не одинъ съ видокомъ, а съ «кономъ», хотя, быть можетъ, и въ меньшемъ составѣ, чѣмъ тотъ конъ, на которомъ начался сводъ.

выше, устранявшемъ всякія «возраженія» и самый «судъ» по существу заключенной при подобныхъ условіяхъ сдѣлки, едва ли могло быть предметомъ свода «запирательство» должника по существу самой сдѣлки, т. е. едва-ли можно было вступать на сводѣ въ судебное разбирательство вопроса о самомъ существованіи сдѣлки. Подобно «лицованной» и «заповѣданной» татьбѣ или другому правонарушенію, гражданская сдѣлка именно потому, что она лицована т. е. заключена «на міру» и укрѣплена послушествомъ, не подлежала сама по себѣ никакому судебному разбирательству. При запирательствѣ должника по существу сдѣлки, кредиторъ обязанъ былъ одно сдѣлать: констатировать при содѣйствіи послуховъ сдѣлки предъ подлежащей властью о существованіи долговаго обязательства и потребовать принятія мѣръ къ побужденію должника исполнить принятое имъ на себя обязательство,—полная безспорность вопроса не допускала никакого дальнѣйшаго разбирательства дѣла на сводѣ. Иначе долженъ былъ стоять вопросъ, когда рѣчь шла о послѣдствіяхъ сдѣлки—о самомъ исполненіи обязательства, возникавшаго изъ заключенной сдѣлки. Должникъ могъ вовсе не отрицать сдѣлки, а лишь утверждать, что онъ уже удовлетворилъ истца или-же отказывается отъ удовлетворенія, потому что не можетъ этого сдѣлать, наприм., по несостоятельности и т. п. Такой именно случай и можетъ только предусматривать 14 ст. краткой Правды, говорящая о «запирательствѣ» должника при взысканіи съ него долга и объ учреждавшемся по этому поводу сводѣ предъ 12 человѣками. Здѣсь дѣйствительно былъ предметъ для судебнаго разбирательства на сводѣ. Но все дѣло въ томъ, что при указанной постановкѣ вопроса послухи сдѣлки рѣшительно ни въ чемъ не могутъ помочь дѣлу, — здѣсь должны оказать «сосѣдскую помощь» и посредничество иные послухи — судные мужи, задачей которыхъ было «беречи правду» въ частной и общественной жизни и которые, въ качествѣ сосѣдей, хорошо знали всю обстановку и всѣ дѣла судившихся предъ ними на сводѣ.

Признавать въ 12 мужахъ свидѣтелей сдѣлки не дозволяетъ, кромѣ того, и самое число послуховъ: въ Правдѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобы сдѣлки совершались непремѣнно при 12 послухахъ [1]). Точно также едва-ли можно согласиться съ тѣмъ, что въ 44 ст. пространной Правды (Кар. сп.) говорится о послухахъ, при которыхъ будто-бы должно было имѣть мѣсто «не только совершеніе, но и прекращеніе сдѣлки», и именно предъ «тѣми-же

---

[1]) Въ 33 ст. пространной Правды есть указаніе на *двухъ* свободныхъ мужей—свидѣтелей сдѣлки, на которыхъ слѣдовало ссылаться, когда тотъ, у кого оказалась татебная вещь, не зналъ, у кого именно онъ купилъ эту вещь. Если признать въ 12 мужахъ такихъ-же послуховъ сдѣлки, какъ и два мужа 33 статьи, то трудно понять, почему по татьбѣ требуется только два послуха, а по долгамъ — въ шесть разъ больше?

самими» послухами (Будан. Хр. I, 51). Ни въ Правдѣ, ни въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ, нѣтъ никакихъ категорическихъ указаній, которыя хотя-бы приблизительно подтверждали положеніе о томъ, что послухи требовались при прекращеніи сдѣлки на такомъ-же точно основаніи, какъ и при ея совершеніи. Напротивъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи 44 ст. Правды оказывается, что статья эта нисколько не даетъ повода выводить изъ нея положеніе, сколько нибудь похожее на изложенное выше. 44-я статья Правды (пространной) говоритъ о послухахъ истца: «оже нань (на того, кто «запирается») послуси выведеть (истецъ), то ти поидуть на роту, а онъ (истецъ) възметь кауны свои». Истецъ доказываетъ при посредствѣ своихъ послуховъ, что подсудимый не уплатилъ слѣдуемаго съ него долга Значитъ, въ данномъ случаѣ послухи касаются факта неудовлетворенія по обязательству; но «нельзя быть свидѣтелемъ отрицательнаго факта», — нельзя «видѣть», какъ такой-то человѣкъ не исполнилъ лежавшаго на немъ обязательства [1]) — Затѣмъ, въ 12 мужахъ нельзя искать и пособниковъ, подтверждавшихъ своей присягой добросовѣстность истца. Какъ уже мы знаемъ, пособники допускались въ эпоху Рус. Правды лишь по преступленіямъ личнымъ и имущественнымъ, которыя могли влечь за собой отвѣтственность общины,—чего, конечно, нельзя сказать о простомъ неисполненіи долговаго обязательства. Наводитъ сомнѣніе также и число послуховъ: разъ признаемъ здѣсь послуховъ чести, будетъ непонятнымъ, почему Правда требуетъ по убійству только 7 послуховъ, а по договорамъ

---

[1]) Проф. Владим.—Будановъ полагаетъ, что роль судей въ случаѣ спора (по долговому обязательству), приданная послухамъ сдѣлки по ст. 14, смѣняется въ 44-й ст. (простр Правды) ролью простыхъ свидѣтелей, подтверждающихъ существованіе сдѣлки и ея неисполненіе *предъ общественною властію* (Буд. Хр. I, 51). Выходитъ такъ, что на сводѣ по первой статьѣ общественная власть замѣнялась послухами, а по второй—такая власть уже присутствуетъ на сводѣ, какъ органъ, самостоятельно отправляющій судебную функцію. Но въ томъ-то и дѣло, что сводъ эпохи Рус. Правды (да и послѣ нея долго) тѣмъ именно и отличался отъ другихъ формъ суда, что на немъ исключительно дѣйствовали «сосѣди», члены кона (общины), безъ всякаго вмѣшательства какихъ-бы то ни было органовъ общественной власти. Въ этомъ сказывалась вся суть «самосуда» общины. Ограниченіе самосуда, на какое указываетъ проф. Будановъ, не могло появиться въ промежутокъ времени между изданіемъ краткой и пространной Правды. Статьи 14 кратк. Пр. и 44 ст. простр. Пр. представляютъ лишь различныя редакціи одного и того-же положенія древняго русскаго права; видѣть въ нихъ существенныя измѣненія въ институтахъ права нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Слово «послухъ», какъ уже показано выше, имѣло въ старыхъ памятникахъ самое разнообразное значеніе. «Выводить послуховъ» не значило представлять въ судъ только свидѣтелей—очевидцевъ: «выводили» также послуховъ—чести и судныхъ мужей, послѣднихъ ради того, чтобы они «стерегли правду», все равно, выводила-ли ихъ сама община (въ особенности по дѣламъ, соединявшимся съ отвѣтственностію общины) или-же сами стороны, въ видахъ «береженья» правды въ ихъ частныхъ дѣлахъ.

чуть не вдвое больше. — Наконецъ, самый способъ выраженія Правды. «ити ему (подсудимому) на изводъ *предъ* 12 человѣка», даетъ поводъ заключать, что здѣсь рѣчь идетъ не о свидѣтеляхъ факта или чести, но именно о судьяхъ *предъ* которыми ведется сводъ, даются показанія сторонъ и послуховъ и пр.

Вотъ рядъ соображеній, заставляющихъ, какъ намъ кажется, признавать въ 12-ти мужахъ свода (послухахъ, «идущихъ на роту»), именно институтъ, близко подходящій къ германскимъ boni homines (rachinburgii и пр,), славянскимъ «ротнымъ» или «заклетвеннымъ судцамъ», «ротникамъ» и пр. [1]). Позд-

---

[1]) Jury, состоящее изъ 12 присяжныхъ засѣдателей, является исконнымъ институтомъ у древнихъ славянъ и германцевъ. По Законнику Душана 12 поротцевъ составляютъ нормальное jury; по болѣе важнымъ дѣламъ чиело поротцевъ удвоивается, а по меньшимъ — уменьшается на половину. Точно также по Полицкому Статуту дѣла рѣшались коллегіей 13 ротниковъ (изъ нихъ одинъ предсѣдатель), а меньшія дѣла — коллегіей 8. (См. Древ Хорв.-Далм. зак. 98). У древнихъ германцевъ временъ Карла В. и Людовика Благочестиваго (начала IX в.) судебныя коллегіи rachinburgen или scabini (Schoffen), засѣдавшихъ въ великихъ ежегодныхъ ассизахъ, состояли изъ 12 засѣдателей (duodecim scabinos). Это былъ *полный* судъ присяжныхъ. Для меньшихъ (мѣстныхъ) ассизовъ назначались коллегіи изъ 7 Rachinburgen. По словамъ Gfroerer'a, коллегія 12-ти засѣдателей есть *исконный обычай германцевъ*,—коллегія-же 7-ми—«siegende Hälfte», рѣшающее и потому отвѣтственное большинство 12-ти. «Man muss nothwendig annehmen, dass die Zwölfzahl fur die Rachenburgen uraltes Herkommen war... Sieben sind die siegende Hälfte—oder genauer gesprochen—die entscheidende u. darum verantwortliche Mehrheit von Zwolf Sieben büssen fur die pflichtwidrige Handlung des ganzen Gerichts, sieben erscheinen als Urkundspersonen bei Vollstreckung eines von der Gesammtheit gefallten Spruches, weil in einem Collegium von Zwolf u. nur in einem solchen sieben den Ausschlag geben u. folglich einzustehen haben. Waren statt sieben, fünf oder neun, oder eilf, oder dreizehn genannt, so müsste man auf eine Vollzahl von acht, sechzehn, zwanzig u. s. w.» (Zur Gesch deut. Volksrechts im Mittelalter, Bd. I, p 105 — 106) Что коллегія 12-ти jury не установлена Карломъ В. или Людовикомъ Благочестивымъ, видно изъ того, что такая-же коллегія встрѣчается въ нѣкоторыхъ leges Barbarorum, составленныхъ, какъ извѣстно, на основаніи народныхъ обычаевъ. Коллегію 12-ти находимъ въ старыхъ норвежскихъ законахъ, также въ исландской Grágás, знающей коллегію присяжныхъ подъ названіемъ «kvidmadr». Исландское право дѣлало различіе между «godakvidr» (или tólftarkvidr) и «buakvidr». Первая коллегія состояла изъ 12-ти вѣчниковъ, рѣшавшихъ дѣла въ большихъ сессіяхъ всей колоніи; buakvidr, напротивъ, представляла «сосѣдскую» пороту (vicinetum нормандскаго и англо-сакс. права), составлявшуюся по выбору въ каждой общинѣ изъ 5 или 9 сосѣдей, для разбирательства споровъ между ея членами (см. Maurer Island, 381—382). О подобной же коллегіи 12-ти говоритъ Ewa или Lex Francorum Chamavorum (конца VIII или начала IX в.). По обычному праву Хамавскихъ Франковъ, освобожденіе рабовъ на волю совершалось посредствомъ особаго акта—per *hantradam* (hantrada). Освободительный актъ совершался «in loco qui dicitur Sanctum» (гдѣ совершались религіозныя дѣйствія и обряды) господиномъ, присягавшимъ вмѣстѣ съ 12 судными мужами—представителями общины, санксировавшими во имя обществ. власти актъ

нѣйшія переживанія института 12-ти мужей Правды сохранились съ полною ясностію въ новгородскомъ докладномъ судѣ и въ литовской копѣ изъ 12-ти же «присяглыхъ» мужей—копниковъ. О послѣднихъ мы уже имѣли случай говорить выше. Что касается новгородскаго докладнаго суда (см. Новг. суд. гр. п. 25, 26), то лучшее объясненіе этого института, по нашему мнѣнію, дано проф. Дювернуа. На докладѣ (вершеніи дѣлъ въ высшей инстанціи, по переносу ихъ судьей) у тіуна «сидѣла» коллегія 10-ти присяжныхъ докладчиковъ (по боярину и житьему отъ каждаго изъ пяти новгор концовъ) и двухъ приставовъ (по одному отъ каждой стороны). «Здѣсь какъ бы весь Новгородъ въ лицѣ немногихъ представителей. Всѣ вмѣстѣ, 10 докладчиковъ и 2 пристава [1]) образуютъ такой forum, который во всякомъ случаѣ могъ *указать судъ*, какъ бы ни было мало извѣстно право. По числу лицъ и по значенію, докладчики напоминаютъ 12 мужей древней Правды, къ которымъ шли стороны на изводъ, чтобы узнать правду. Эти 12 судей сидятся у доклада, поцѣловавъ крестъ на сей крестной грамотѣ». Но не одна грамота составляла руководство для судей въ рѣшеніи вопросовъ права: они должны были «*судити правду*», т. е., подобно посаднику и другимъ нарядникамъ, судить «по старинѣ», земскимъ

освобожденія раба на волю. Вотъ двѣ статьи Хамавскихъ законовъ, сюда относящіяся: 1) X. «Si quis hominem ingenuum ad servitium requirit, cum duodecim hominibus de suis proximis parentibus in sanctis juret et se ingenuum esse faciat, aut in servitium cadat».— XI. «Qui per hantradam hominem ingenuum dimittere voluerit, in loco qui dicitur Sanctum sua manu duodecima ipsum ingenuum dimittere faciat». По словамъ Hevet'a, эти 12 «conjurateurs» совершали актъ, свойственный общественной власти, именно актъ судебный, «akte judiciaire»: «l'autorité qui l'accomplissait, celle qui mettait l'esclave en liberté, c'était l'autorité judiciaire, le tribunal» (см J. Havet, L'affranchissement per hantradam, въ Nouv. Revue Hist. d. droit Franç. 1877, An. I, p. 657. О Lex Franc. Chamavor. См. Brunner Gesch. d. Deut. Rechts, въ Encykl. d. Rechtswiss. T. I, p. 206.

[1]) Проф. Владим.-Будановъ полагаетъ, что «судъ указывала коллегія, далеко превышавшая знаменитое число 12»; въ грамотѣ къ выборнымъ отъ концовъ и приставамъ присоединяются еще тѣ, «кои.. въ судѣ сидѣли» (Христ. I, 193, пр. 34). Дѣло въ томъ, что въ 25 и 26 ст. грамоты опредѣляется составъ лицъ, которыя должны «быть у *доклады*» при чемъ дѣйствительно говорится и о «людяхъ, кои въ *судѣ* (т. е. въ низшей инстанціи) сидѣли»; но изъ числа такихъ лицъ, въ качествѣ дѣятельныхъ членовъ суда у доклада упоминаются *только* приставы («судити имъ правду, крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ») и докладчики («а докладщикомъ.. у доклада не дружить ни коею хитростію, по крестному цѣлованію»). Люди, «кои въ судѣ сидѣли», играли въ докладѣ въ Новгородѣ, какъ намъ кажется, ту-же самую роль, какая въ московскомъ судѣ принадлежала «судным мужамъ» низшей инстанціи, тоже сидѣвшимъ у доклада бояръ. Вѣроятнѣе всего, что какъ здѣсь, такъ и въ новг. докладномъ судѣ, мужи низшей инстанціи являлись у доклада вовсе не для участія въ судебной дѣятельности наравнѣ съ 12 засѣдателями, а лишь для удостовѣренія: «такъ или нѣтъ» велось дѣло въ низшей инстанціи.

обычаямъ [1]). Докладчики избирались для каждаго даннаго случая, *указывали* судъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ (Источн. права 309—310).

Переживаніе стараго свода общины по поземельнымъ дѣламъ нужно несомнѣнно видѣть въ «*разводахъ*, *отводахъ* и *разъѣздахъ*» земель по суду, о какихъ говорятъ правыя грамоты княжеской и московской эпохи. Несомнѣнна самая тѣсная, генетическая связь такихъ «разводовъ», съ одной стороны, съ указанными раньше «разводами» и «отводами» земель по частнымъ полюбовнымъ рядамъ и сдѣлкамъ, а съ другой — съ старыми славянскими «изводами», на которыхъ сосѣди и окольные люди разбирались между собой по всякимъ поземельнымъ дѣламъ. На земельныхъ разводахъ по суду московской эпохи фигурировали, подобно древнимъ «вѣщимъ людямъ», добрые или лучшіе люди, съ одной стороны, знахори—старожильцы, близко знакомые со всей бытовой обстановкой своихъ сосѣдей и регулировавшіе на разводахъ поземельныя отношенія тяжущихся, сообразно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ («по правдѣ», какъ выражались въ старое время), а съ другой — послухи, судные мужи, закрѣплявшіе «правду» развода, произведеннаго знахорями. Разница заключалась лишь въ томъ, что судебные разводы XV и XVI вѣковъ составляли лишь часть процесса; на нихъ должны были непремѣнно присутствовать органы общественной власти и вообще разводы московской эпохи потеряли самостоятельный характеръ, стали, подобно литовскимъ копамъ второй половины XVI в., проникаться урядовыми (приказными) началами и порядками, между тѣмъ какъ въ старое время разводы по дѣламъ автономной общины обнимали собой весь процессъ и практиковались между сосѣдями, безъ всякаго вмѣшательства какихъ бы то ни было органовъ общественной власти.

Наконецъ, въ «изводѣ», на который, по княжескимъ докончаньямъ, «имутъ проситися» разбойникъ, тать, грабежникъ и душегубецъ (А. А. Э. I, 14; Собр. г. гр. I, 173), нужно видѣть тотъ-же общинный судъ «въ закличъ», предъ сосѣдями, «посторонними» или «окольными людьми», — судъ, какъ мы знаемъ, практиковавшійся въ старое время у всѣхъ славянъ на сходкахъ общинъ — осадахъ чешскихъ, копахъ литовскихъ и пр. Позднее переживаніе такого «извода» является въ московскую эпоху въ формѣ такъ называемой губной повинности общинъ, обязанныхъ преслѣдовать, судить и наказывать всякаго рода лихихъ людей (См. Чичерина Област. учрежд.).

---

[2]) Проф. Дювернуа видитъ отличіе Новгородскаго суда отъ Псковскаго въ томъ, что Новгородскіе судьи судили по обычаю, а Псковскіе — по своей «пошлинной» грамотѣ; «судили, *взирая въ правду*, т. е. судили будто-бы по одной грамотѣ. Но это едва-ли такъ. Псковскіе судьи судили, «взирая въ правду», на такомъ-же точно основаніи, какъ и Новгородскіе приставы, «*судившіе правду*», (Новг. гр. 25), т. е. вообще на основаніи мѣстной пошлины, старины, отчасти записанной въ грамотахъ, отчасти державшейся въ видѣ преданья отецъ.

Таковы разнообразныя формы участія общины и ея органовъ—вѣщателей и хранителей «правды» во всѣхъ сферахъ древняго суда. Но судомъ далеко не ограничивалось вліяніе общинныхъ органовъ: ихъ береженье правды обнимало также чуть ли не всѣ отрасли стараго *земскаго наряда*. Гдѣ бы и по какому бы то ни было дѣлу ни возникалъ вопросъ о правѣ, тамъ непремѣнно являлись «знахори» правды, люди добрые, лучшіе, старцы и старожильцы, извѣдавшіе своимъ личнымъ опытомъ мѣстныя пошлины. Трактовался ли въ общинѣ вопросъ о поземельныхъ «вытяхъ» и «жеребьяхъ», вообще о «передѣлѣ» земель и другихъ угодій общинъ [1]), или шла рѣчь объ опредѣленіи вознагражденія общины за разные убытки—потраву или самовольный посѣвъ [2]), о «разрубахъ», «ометахъ», «розметахъ» и «проторяхъ»—даняхъ и повинностяхъ и пр. [3]), — въ «мірскомъ уложеніи», принимавшемся въ такихъ случаяхъ на «изводѣ» или «обыскѣ» всей общины, нерѣдко цѣлой волости [4]), главное участіе принимали «окольные», добрые или лучшіе люди, знахори-старожильцы, избиравшіеся всей общиной. Окольные, добрые люди—знахори регулировали размѣръ земельныхъ вытей, отводившихся новымъ членамъ общины,— вели общіе передѣлы земель сообразно съ личнымъ составомъ членовъ общины и качествомъ земель, чинили разрубы и разметы податей и пр.; остальные «сосѣди», присутствовавшіе при этомъ, играли роль «послуховъ»—судныхъ мужей, укрѣпляв-

[1]) О передѣлахъ и вообще поземель. устройствѣ древн. сель общины см. Бѣляева Крестьяне на Руси, Лешкова—Исторія общественнаго права древней Руси и др.

[2]) Когда община получала удовлетвореніе за убытки, нанесенные ей самовольнымъ посѣвомъ и потравой, убытки эти, по указнымъ грамотамъ, доправлялись на мѣстѣ сотскими, «*обложивъ со христяны*, (очевидно на мірской сходкѣ), по колку того хлѣба съ овина сходило и по колку изъ копны» (см. Мейчика Грам. 23). Въ случаѣ самовольнаго завладѣнія чужой землей, имѣлъ мѣсто, по грамотамъ конца XV в., «*обыскъ* тамошними лучшими людьми — старожильцами», — опросъ окольныхъ людей (preuve par tourbes) о принадлежности земель, а затѣмъ и самый «разъѣздъ» земель (ib. 25).

[3]) Какъ извѣстно, ближайшее распредѣленіе даней и повинностей между членами общины было дѣломъ ея «мірскаго уложенія», производилось на ея сходкахъ у волостнаго или сельскаго «стольца» (столецъ—мѣсто наряда общины, ея сходокъ и пр.), всѣми сосѣдями сообща, при чемъ регулированіе повинностей принадлежало общиннымъ старшинамъ и «добрымъ людямъ». Въ уставной грамотѣ бобровникамъ Каменскаго стана 1509 г. говорится: «а кормы ловчего и тіуновъ и доводчиковъ поборъ, дворской съ десятскими и съ *добрыми людми* межъ себя мечутъ *съ столца* по дани и по пашнѣ: которая деревня болши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню болши корму и поборовъ положатъ; а которая деревня менши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню менши корму и поборовъ положатъ» (А. А. Э. I, № 150). По такой-же раскладкѣ «добрыхъ людей», общины тянули дани и службы къ своему «стольцу» (см. Мейч. Грам. 40). Вообще говоря, не только цѣлыя земли, но и каждая мелкая община, могли дѣлать постановленія по своимъ внутреннимъ дѣламъ. Вотъ образчикъ *мірскаго уложенія* старой общины: «Се язъ староста Тавренской волости.. и всѣ крестьяне обговорились сами промежь собою, по благословенію отца своего духовнаго, и учинили заповѣдь на три года (не работать въ Воскресенье Христ.).. И кто въ нашей Тавренской волости сію заповѣдь нарушаетъ, и на томъ заповѣди доправити сотскому, по мірскому уложенію» (А. Ю. 358).

[4]) См., наприм., А. Ю. 13.

шихъ правильность и законность отвода земельныхъ жеребьевъ или податныхъ разрубовъ, а, слѣдовательно, и обязательность принятой мѣры для всей общины. На сходкахъ, собиравшихся въ такихъ случаяхъ, могъ, конечно, присутствовать и имѣть свой голосъ всякій членъ общины; но, по самому существу дѣла, выдающуюся роль должны были играть прежде всего люди опытные, знающіе—«знахори» и «лучшіе мужи», всегда являвшіеся главными, дѣйствующими лицами и на большихъ народныхъ вѣчахъ, и на «конахъ» и «изводахъ» мелкихъ общинъ.

Общія мѣропріятія по земскому наряду со стороны князей, вѣчъ и ихъ органовъ не могли также обходиться безъ содѣйствія мѣстныхъ «знахорей — старожильцевъ», особенно по такимъ земскимъ вопросамъ, которые должны были основываться на пошлинѣ и касались ближайшимъ образомъ мѣстныхъ интересовъ отдѣльныхъ общинъ, а потому могли быть правильно разрѣшены только при содѣйствіи лицъ, близко знающихъ мѣстные обычаи и потребности. Въ Новгородѣ, даже въ самый тяжкій моментъ жизни этой общины,—при инкорпораціи ея московскимъ вел. княземъ Иваномъ III Васильевичемъ, вопросъ о дани (посошной) разрѣшенъ былъ не по праву побѣдителя, а на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, констатированныхъ по показаніямъ и челобитью (preuve par tourbes) мѣстныхъ жителей (См. П. С. Л. VIII, 195). Особенно любопытныя данныя касательно порядка составленія въ старое время «законовъ» на основаніи мѣстныхъ обычаевъ даютъ уставы о вотчинномъ управленіи монастырскихъ селъ и деревень, которые составлялись въ XIV вѣкѣ и позже обыкновенно по мѣстнымъ обычаямъ, констатированнымъ путемъ enquête par tourbes Образецъ подобнаго рода актовъ стараго времени представляетъ уставная грамота, составленная въ 1391 г. митрополитомъ Кипріаномъ для Константинова монастыря и утвержденная великимъ княземъ. Управленіе монастырской вотчиной, по этой грамотѣ, основано на мѣстныхъ пошлинахъ, записанныхъ въ грамотѣ по показаніямъ лицъ, участвовавшихъ въ завѣдываніи вотчиной [1]), на основаніи «въспроса» митрополита о монастырскихъ пошлинахъ: «какова пошлина (обычаи) въ св. Константинѣ и какъ людемъ монастырскимъ дѣло дѣлати»? Опрошенныя лица подробно описали пошлины, практиковавшіяся въ вотчинѣ [2]). По «рѣчамъ» опрошенныхъ лицъ пошлины были записаны въ гра-

---

[1]) Именно бывшаго игумена и 3 бояръ митрополичьихъ (изъ нихъ одинъ поваръ митрополита), очевидно наблюдавшихъ за монастырскими вотчинами, приписанными къ митрополичьей кафедрѣ.

[2]) Не по пошлинѣ установлено только правило о «яловицѣ», какъ видно, впрочемъ, уже практиковавшееся въ новомъ видѣ бывшими игуменами. Правило о яловицѣ «по одинова ми, господине, добили челомъ, а не въ пошлину»; яловица замѣнена сборомъ баранами, «зане ми (говорилъ бывшій игуменъ) была не надобе яловица».

мотѣ, какъ обязательныя для всѣхъ правила: «ходите жъ вси по моей грамотѣ; игуменъ сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игуменъ по семъ игуменѣ, и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ». Упроченіе старыхъ обычаевъ вотчин. управленія было, такимъ образомъ, главной задачей устава. Составленіе его вызвано было челобитьемъ «сиротъ» (крестьянъ) на «новину», введенную игуменомъ. «наряжаетъ намъ, господине, дѣло не по пошлинѣ, чего, господине, при первыхъ игуменѣхъ не бывало; пошлины, господине, у насъ емлетъ, чего иные игумены не имали», заявляли митрополиту «сироты» въ своемъ челобитьи. Послѣднее, какъ и показанія опрошенныхъ лицъ (игумена и другихъ), могло служить также средствомъ распознаванія обычаевъ (См А. А. Э. I, 11). На такихъ же основаніяхъ, т. е. путемъ enquête par tourbes, составлена была, какъ видно по всему, уставная грамота в. князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана объ управленіи церковными вотчинами (1389). Мѣстные обычаи и порядки управленія опредѣлялись и записывались въ уставѣ по «обыску»: «ино то обыскано.. какъ обыскано и управлено по старинѣ». Гдѣ завелась «новина», тамъ она отставлена; «что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча не надобѣ». Констатировать новину могли, очевидно, только мѣстные старожильцы, знавшіе, какъ велось дѣло въ старое время, до введенія новинъ (ib. I. 9). Тотъ-же самый «обыскъ» несомнѣнно имѣлъ мѣсто, въ потребныхъ случаяхъ, и при составленіи жалованныхъ и другихъ «пошлинныхъ» грамотъ. Отдѣльныя правила—«строки» и «правды» записывались въ нихъ «по старой пошлинѣ»,—«какъ то пошло изъ старины», «какъ было при отцахъ и дѣдахъ» и пр. (ib. I, 2, 6 и пр.). Констатировать такія старины и пошлины могли также только люди, знавшіе вполнѣ народные обычаи. До насъ не дошли вполнѣ точныя извѣстія о порядкѣ составленія всѣхъ рядовъ, уставовъ и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права; но и то, что извѣстно по этому вопросу, вполнѣ достаточно для заключенія о томъ, что въ старое время, именно въ эпоху господства обычнаго права въ общественной и частной жизни, распознаваніе обычаевъ и составленіе изъ нихъ «рядовъ» (докончаній), «правдъ», «пошлинныхъ» и другихъ грамотъ велось у насъ, въ существѣ дѣла, такимъ-же образомъ, какъ и вездѣ на Западѣ въ средніе вѣка. Главными дѣятелями являлись здѣсь такіе-же вѣщатели «правды», какъ и западно-европейскіе boni homines, bons coutumiers и пр., или славянскіе паметари и добрые или лучшіе люди—«знахори» народныхъ обычаевъ.

Такимъ образомъ, несомнѣнно участіе подобныхъ знахорей въ составленіи *рядовъ*, или докончаній (древнегерм. Ewa, pactum, lex), принадлежащихъ къ древнѣйшимъ и наиболѣе типическимъ памятникамъ русскаго права до-московской эпохи. Какъ уже замѣчено выше, рядъ представляетъ основную форму, въ какую по преимуществу облекались юридическія нормы въ теченіе всего зем-

слаго періода русской исторіи. «Послы», отряжавшіеся князьями и общинами для заключенія договоровъ съ греками, позже съ ганзейскими городами, также для установленія «правды» во внутренней жизни общинъ, въ особенности въ отношеніяхъ ихъ къ князьямъ, какъ и князей между собою, имѣли, въ существѣ дѣла, всегда и вездѣ одно и то-же значеніе — рядцевъ — *посредниковъ* между землями, общинами и князьями. По уполномочію («слову», «велѣнію», «заповѣди») рядившихся сторонъ, послы, въ качествѣ «добрыхъ людей», *знаю цихъ* обычныя нормы и правила междусоюзной жизни общинъ и цѣлыхъ земель, записывали такія нормы въ составлявшихся ими докончаньяхъ, причемъ ратификація послѣднихъ или была дѣломъ самихъ-же посредниковъ—пословъ, или же послѣднее слово въ этомъ случаѣ брали на себя сами рядившіяся стороны. Типическимъ примѣромъ подобныхъ рядовъ можетъ служить приведенный выше Смоленскій договоръ съ нѣмцами 1229 г. Прежде всего Смоленскимъ княземъ, дѣйствовавшимъ по уполномоченію земель Смоленской, Полоцкой и Витебской, были посланы въ Ригу два посла («лучшій» попъ Еремей и «оумьный мужъ» Пантелей отъ Смоленска), для предварительнаго соглашенія съ нѣмцами объ условіяхъ договора. Русскіе мужи воротились затѣмъ съ нѣмецкимъ посломъ (Раульфомъ изъ Касселя) въ Смоленскъ, гдѣ «добрые люди», вѣщатели права — представитель нѣмцевъ (посолъ Раульфъ) вмѣстѣ съ русскимъ представителемъ (Тумашемъ Смолняниномъ), и редактировали рядъ», «написали правду» о взаимныхъ отношеніяхъ между русскими и нѣмцами. Самая ратификація ряда имѣла мѣсто у нѣмцевъ, отрядившихъ для утвержденія «правды» особыхъ «умныхъ» купцовъ — «послуховъ» (въ числѣ 13-ти), по 2—3 представителя отъ главныхъ Ганзейскихъ городовъ (см. Будан. Христ. I 97, 98, 110)[1]. Такой же порядокъ распознаванія «правды». редакціи и ратификаціи самаго ряда, въ существѣ дѣла, имѣлъ мѣсто и при составленіи рядовъ съ греками въ X в.[2]).

---

[1]) Объ общемъ значеніи «добрыхъ людей», редактировавшихъ рядъ, и «послуховъ» избранныхъ для его ратификаціи, мы уже говорили выше.

[2]) Какъ извѣстно, первый договоръ Олега (907) заключенъ подъ стѣнами Царьграда въ присутствіи князя, по предварительному соглашенію 5 рус. пословъ съ греками. Второй договоръ (911) заключенъ по иниціативѣ Олега, пославшаго въ Царьградъ «мужей своихъ построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью»: посланы были 5 мужей, участвовавшихъ въ заключеніи перваго ряда, съ прибавкой еще 9 новыхъ пословъ, «отъ, в. князя Русскаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ (князей).. похотѣньемъ нчшихъ князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси». При Игорѣ рядъ заключенъ (945) по иниціативѣ грековъ, отрядившихъ къ русскому князю «словъ построити мира перваго». На основаніи предварительнаго соглашенія, были посланы къ грекамъ мужи—«съли и гостье»; «рѣчи» вели русскіе послы съ греческими боярами. — въ результатѣ переговоровъ было письменное изложеніе ряда, закрѣп-

Мужи-посредники, принимавшіе участіе въ рядахъ, отправляли при этомъ не одинаковыя функціи. Въ полномъ своемъ составѣ посольство въ каждомъ данномъ случаѣ вело предварительное соглашеніе, такъ сказать, объ общихъ основаніяхъ ряда и затѣмъ придавало юридическую санкцію составленнымъ на этихъ основаніяхъ условіямъ ряда посредствомъ окончательной его ратификаціи; для самаго-же «распознаванія» правды въ подробностяхъ и для редактированія по ней всѣхъ статей ряда, выдѣлялись изъ состава пословъ особые «добрые» или «лучшіе, умные мужи», спеціально знакомые съ пригодными въ данномъ случаѣ пошлинами. Эти-то мужи и являлись ближайшими «вѣщателями правды», полагавшейся въ основу отдѣльныхъ рядовъ

На такихъ-же общихъ основаніяхъ составлялись въ старое время вѣчевые ряды общинъ съ князьями, какъ и князей между собой. Рядъ земель и общинъ съ князьями «кончали» (докончали), съ одной стороны, сами князья съ своими мужами, а съ другой — вѣчевые «послы» той земли, съ которой заключался рядъ. Дошедшіе до насъ ряды Новгорода съ князьями русскими и литовскими составлялись со стороны Новгорода послами отъ главныхъ органовъ земскаго наряда; обыкновенно въ составѣ вѣчевыхъ посольствъ выдѣляются двѣ различныя части представительства: нѣсколько пословъ (2 — 3 мужа) отряжалось отъ владыки, посадника и тысяцкаго (степенныхъ) и отъ

леннаго именами мужей — рядцевъ, окончательная ратификація послѣдовала въ Кіевѣ. Посольство состояло изъ словъ и гостей (или купцовъ). Между послами на первомъ планѣ стоитъ солъ в. князя; затѣмъ слѣдуютъ «обычіи сли: послы отъ сына, жены и двухъ «нети» (племянниковъ) в. князя и 21 посолъ большею частію съ двойными именами (такой то отъ такаго то). «Гостье» перечислены въ числѣ 26-ти купцовъ. Послы и гости посланы были «отъ в. князя Русскаго, и отъ всякаго княжья (въ нѣкот спискахъ княженія), и отъ всѣхъ людій Рускія земли» Въ послахъ съ двойными именами историки не безъ основанія видятъ представителей отдѣльныхъ княжествъ или просто князей, сидѣвшихъ по городамъ русскимъ (о такихъ князьяхъ говорится въ первомъ рядѣ Олега). Гости и купцы явственно отличаются отъ княжескихъ пословъ; они принадлежали къ лицамъ, избраннымъ «людьми Русской земли», т. е. общинами, или, какъ полагаетъ Срезневскій, старшинами и народомъ, правильнѣе—городами, отряжавшими своихъ «купцовъ» въ составъ посольства (см. Погодина Изслѣд. I, 141; Соловьева Ист. I, 118; Бѣляева Русь, 98, 100; Срезневскаго Изв Ак. Н. Ш, 263 и сл.). Святославовъ рядъ съ греками заключенъ также при посредствѣ «лучшихъ мужей», посланныхъ къ царю въ Доростолъ; самая же редакція ряда была поручена двумъ лицамъ—дружиннику русскаго князя (Свѣнельду) и греч. сановнику (Ѳеофилу Синкелу). Подобнымъ же образомъ составленъ былъ рядъ новгородцевъ съ нѣмцами въ 1195 г.: сперва имѣло мѣсто въ Новгородѣ предварительное совѣщаніе князя и вѣча съ нѣмецкимъ посломъ (Арбудомъ), а затѣмъ былъ отправленъ къ нѣмцамъ изъ Новгорода русскій посолъ (Грига), который совмѣстно съ нѣмецкимъ представителемъ (быть можетъ, тѣмъ-же посломъ, который велъ предварительные переговоры въ Новгородѣ) и составилъ окончательную редакцію «правды», изложенной въ отдѣльныхъ статьяхъ ряда (См. Буд. Хр. I, 92).

«всего великаго Новгорода мужей волныхъ» (т. е. вѣча), а затѣмъ нѣсколько пословъ—отъ «житьихъ людей» (т. е. собственно народа). И здѣсь, какъ и при заключеніи рядовъ съ нѣмцами, ближайшее редактированіе докончанія поручалось не всему составу пословъ, но только немногимъ, болѣе другихъ знавшимъ пошлины мужамъ — представителямъ каждой изъ рядившихся сторонъ (см. А. А. Э I, 8, 32, 57, 58, 87, 91; А. И. I, 258; Собр. гос. гр. 1 и слѣд. Ср. Соловьева объ отнош. Новгорода къ вел. князьямъ, въ Чтен Общ. ист. и др. 1846, № 1; Сергѣевича Изслѣд. 232 и слѣд.). — Междукняжескія докончанья составляли предметъ княжескихъ съѣздовъ, на которыхъ князья, въ присутствіи своихъ мужей, лично «кончали» условія ряда. Нерѣдко также употреблялись для этого особые послы-посредники, или трети, избиравшіеся изъ княжихъ мужей; иногда-же приглашались и посторонніе князья и духовныя особы (владыки), принимавшія на себя посредничество между рядившимися князьями (см. Сергѣевича Изслѣд, 275 — 281)

Что касается Русской Правды, то какъ-бы ни разрѣшался вопросъ о происхожденіи и составѣ ея, въ смыслѣ-ли оффиціальнаго, или частнаго сборника, нельзя однако отрицать того, что этотъ памятникъ, по общему своему характеру и по свойству изложенныхъ въ немъ институтовъ права, близко подходитъ подъ общій типъ средневѣковыхъ Ewa, pactum или Willkühren — права автономныхъ общинъ, находившихся между собой въ союзныхъ отношеніяхъ. Въ Правдѣ записывались не законы въ нашемъ смыслѣ, но именно такія нормы, которыя несомнѣнно коренились въ обычномъ правѣ и обязательная сила которыхъ распространялась на общины, вступавшія по ряду въ союзныя отношенія, какъ автономныя части отдѣльныхъ земель—волостей. При такомъ общемъ типѣ памятника, легко опредѣлить значеніе органовъ, принимавшихъ участіе въ констатированіи «поконовъ», «законовъ» и «уставовъ», изъ которыхъ составилась Правда въ отдѣльныхъ частяхъ и въ полномъ ея объемѣ. Въ дѣятельности такихъ органовъ нельзя ни коимъ образомъ искать функцій «законодательной власти» въ нашемъ смыслѣ. Если князья съ мужами «отложиша оубиеніе за головоу, но (уставили) коунами ся выкупати» (или «оуставили и до третиаго рѣзу, аже емлеть коуны въ рѣзъ» и пр.), то это еще не значитъ, что князья установляли новыя «законоположенія». Какъ замѣчено раньше, ни старые князья, ни вѣча не сознавали идеи творчества законодательной функціи: ихъ заботой было лишь охраненіе старой пошлины, что и осуществлялось распознаваніемъ пошлинъ и записываніемъ ихъ въ «правды», «пошлинныя» и «уставныя» грамоты и пр., а также «выписываніемъ» изъ нихъ отжившихъ пошлинъ или «новинъ», которыя вкрались въ грамоты, при первоначальномъ констатированіи и записываніи въ нихъ пошлинъ. Если пошлина окажется неподходящей—«не люба будетъ» (П. с. гр. 108), т е. станетъ «выживать», терять свою старую юридическую силу, то вся задача земскаго

нарядника (будетъ ли это вѣче, или князь,—безразлично) ограничивалась лишь отмѣной обязательной силы такой пошлины («волно выписать вонъ изъ грамоты»,—ib.) и внесеніемъ въ уставъ (въ замѣнъ устарѣвшей пошлины) новой пошлины, разъ таковая образовалась и наврѣла въ самой жизни. Все это весьма не похоже на ту самостоятельную творческую функцію, какую мы привыкли соединять съ понятіемъ «законодательной власти». Отсюда понятно само собою, что ни сами князья, составлявшіе «уставы», «законы» и «уроки» Правды, не являлись еще законодателями, ни мужи ихъ, участвовавшіе въ изданіи такихъ уставовъ, не могли составлять изъ себя «законодательныхъ» думъ, или «Gesetzcommissionen», въ качествѣ «Staatsbeamten», ex officio опредѣлявшихъ различныя подробности по суду и пр. (см., напр., Tobien Die Prawda Russkaja, введеніе)[1]. Ни князья, ни мужи не «созидали» нормъ права (какъ «творятъ» ихъ теперешніе законодатели), но лишь «припоминали» и записывали обычаи, которые обязательно дѣйствовали въ жизни именно потому, что это были стародавнія пошлины и старины, *обязательныя* по этому самому для всѣхъ и каждаго. Въ съѣздахъ князей и «представителей подчиненныхъ имъ городовъ», уставлявшихъ «уроки» и «поконы» Правды (напр., при Владимірѣ Мономахѣ), нельзя усматривать думъ въ смыслѣ «законодательныхъ» собраній, аналогическихъ съ современными парламентскими собраніями и коммиссіями. Въ отношеніи къ «законамъ» старые князья, и на своихъ съѣздахъ, и въ одиночной дѣятельности по земскому наряду, дѣйствовали не въ качествѣ автономныхъ «legislatores», самопроизвольно творившихъ законы, но лишь въ болѣе скромной роли, вполнѣ отвѣчавшей однако всему строю жизни старой общины,—роли «legum custodes», оберегателей правды отъ нарушеній, возможныхъ во всѣхъ видахъ и формахъ. Точно также и «представители городовъ» являлись не парламентскими депутатами или «чинами», но играли болѣе скромную и тѣмъ не менѣе весьма существенную и важную роль «паметарей», или «вѣщателей» права,—точно такихъ же, какъ и добрые мужи Винодольской или Каставской общинъ, припоминавшіе старые «законы» и записывавшіе ихъ въ законники и статуты. Замѣ-

---

[1]) Такому-же внесенію современныхъ намъ понятій въ совершенно чуждый имъ бытъ стараго времени,—исканію въ прошломъ «явленій, къ которымъ привыкли въ окружающей дѣйствительности», слѣдуетъ приписывать такія положенія, какъ о «законодательной власти съѣзда князей съ участіемъ Думы ихъ, составленной изъ бояръ» (по поводу «надписанія» къ уставу Мономаха), — «объ ограниченіи дѣятельности этой законодательной власти изданіемъ отдѣльныхъ постановленій, вызванныхъ случайною необходимостію»,—вообще о «законодательной власти», принадлежавшей князю уже во время Рус. Правды, — о томъ, что «въ сферѣ законодательства вѣчу сначала принадлежали меньшія права, чѣмъ князю и думѣ» и пр. Подобныя положенія рѣшительно не оправдываются характеромъ «власти», принадлежавшей князьямъ, думамъ и вѣчамъ въ древне-русскихъ земляхъ.

тимъ при этомъ, что такое записываніе пошлинъ въ законники ни мало не возвышало и не умаляло обязательной силы и дѣйствія пошлинъ. Кто бы и какъ бы ни записывалъ пошлины въ уставахъ, — это было совершенно безразлично для обязательности самихъ пошлинъ. Констатировались ли пошлины въ вѣчевыхъ или княжескихъ уставахъ, или ихъ «припоминали» и записывали на память современникамъ и потомству частныя лица въ своихъ партикулярныхъ записяхъ и книгахъ; но разъ пошлины записаны въ нихъ вѣрно, какъ они дѣйствуютъ и практикуются въ самой жизни, частныя записи, со всѣми записанными въ нихъ пошлинами, *должны* были получать въ практикѣ стараго нарядника — судьи такое-же важное и обязательное значеніе, какъ и уставы, составленные на вѣчахъ и княжескихъ съѣздахъ. Зеркала Саксонское или Швабское старыхъ германцевъ, частныя записи англійскаго Common Law, чешскія Zrizeni zemske Андрея Дубскаго или Dewateri knihy Вшеградскаго, также наша Русская Правда (если признавать ее частнымъ сборникомъ), не потому пріобрѣтали оффиціальное значеніе, что такъ угодно было администраціи, но именно потому, что иначе не могло быть. Разъ явилась точно составленная запись *обще-обязательныхъ* пошлинъ, запись ее ipso становилась сама обязательной, совершенно безразлично—кто и какъ ее составилъ. Дѣло было вовсе не въ частной записи или оффиціальномъ уставѣ, а въ томъ, что всякая пошлина считалась обязательной для всѣхъ *помимо* всякихъ уставовъ вѣчъ и князей. Дѣйствительно, пошлины пріобрѣтали полную и абсолютную обязательность далеко раньше того времени, какъ ихъ стали записывать въ уставы. Пошлины, опредѣлявшія внутренній бытъ общинъ, слагавшихся въ автономныя земли — волости, образовались, какъ уже замѣчено раньше, путемъ послѣдовательныхъ «рядовъ» общинъ, опредѣлявшихъ твердыми нормами обычнаго права свои взаимныя отношенія и внутренній бытъ всего ихъ союза. Могло пройти затѣмъ нѣсколько вѣковъ прежде, чѣмъ такія обычныя нормы, прочно державшіяся въ жизни общинъ, стали записываться и вноситься въ уставы вѣчевые и княжескіе или въ частныя записи. Нельзя поэтому думать, что нормы права, записанныя въ Рус. Правдѣ или Псковской «пошлинной» (судной) грамотѣ, только съ этихъ поръ сдѣлались «обязательными законами». Нужно притомъ помнить, что въ старые уставы вносились далеко не всѣ пошлины, имѣвшія на дѣлѣ силу обязательныхъ нормъ права: записывались только такія пошлины, которыя почему либо необходимо было упрочить, наприм., въ виду частаго ихъ нарушенія со стороны самихъ нарядниковъ — судей и частныхъ лицъ, также ради того, чтобы пошлины не забывались въ народной памяти и т. п. Но разъ внесена пошлина въ уставъ, еще не значитъ, что она получила бо́льшую обязательность и силу, чѣмъ пошлины, не записанныя въ уставы и державшіяся въ жизни путемъ одного преданья. Въ дѣлѣ обязательности обычаевъ записываніе ихъ въ уставы не вносило никакой существенной разницы между пош-

линами записанными и незаписанными. Все это сводится къ тому, что, при указанномъ характерѣ и значеніи старыхъ памятниковъ, вопросъ о томъ, какъ, наприм., произошла наша Правда,—есть ли она оффиціальное дѣло князей съ мужами, или же только частный трудъ какого либо собирателя народныхъ обычаевъ, не можетъ имѣть никакого существеннаго значенія при оцѣнкѣ самихъ институтовъ права, записанныхъ въ Правдѣ; да и вообще говоря, отъ такого или иного рѣшенія упомянутаго вопроса вовсе не зависитъ признаніе бо̀льшей или меньшей важности Правды—одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности древнерусскихъ вѣщателей права. Правда, какъ видно по всему, представляетъ собой совокупность нѣсколькихъ разновременныхъ сборниковъ, въ которыхъ записаны нормы, первоначально образовавшіяся исключительно на почвѣ обычнаго права отдѣльныхъ общинъ и затѣмъ получавшія признаніе въ междусоюзномъ быту цѣлыхъ земель — волостей, образовавшихъ изъ себя путемъ ряда общинъ автономическія федераціи, жившія по своей общей, междусоюзной «правдѣ». Самый процессъ постепеннаго образованія, какъ земскихъ федерацій, такъ и легшихъ въ ихъ основу рядовъ и нормъ права, лежитъ собственно за предѣлами исторіи: исторія застаетъ у всѣхъ восточныхъ славянъ вполнѣ сложившимся земскій строй общинъ, какой затѣмъ держится въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ вѣковъ исторической жизни русскихъ славянъ. Междусоюзные ряды, впрочемъ, и на глазахъ исторіи постоянно поддерживались и вершились земцами и ихъ нарядниками –князьями,—«уставы» появлялись при первыхъ-же князьяхъ — Рюриковичахъ: Олегѣ, Ольгѣ, Владимірѣ Ярославѣ и др. Одни изъ такихъ «уставовъ» и «уроковъ» держались путемъ преданья; уставы-же, имѣвшіе наиболѣе практическое значеніе, записывались въ Правду или другіе самостоятельные акты. Напр., таковъ, по всему видно, «уставъ о мостахъ», приписываемый Ярославу и дошедшій до насъ не только въ составѣ Правды, но и какъ отдѣльная отъ нея статья или уставъ. Такое же значеніе можно давать «покону вирному» или «уроку Ярославлю» (Пр. ак. 42). Оба эти устава могли возникнуть при Ярославѣ и затѣмъ дѣйствовать параллельно съ Правдой (краткой), въ видѣ изустныхъ или письменныхъ уставовъ, пока, наконецъ, они не были внесены въ Правду во время одной изъ позднѣйшихъ ея редакцій. Точно также уставы сыновей Ярослава объ отмѣнѣ мести (Кар. 2) и о холопахъ—обидчикахъ (Кар. 76), не внесенные въ Правду, «уставленную» самими Ярославичами, первоначально могли дѣйствовать тоже параллельно съ Правдой (краткой) до внесенія ихъ позже въ Правду пространную [1]).

---

[1]) Такое-же значеніе отдѣльныхъ «уроковъ», появившихся первоначально въ видѣ самостоятельныхъ правилъ, могли имѣть «уроки» мостьниковъ (ак. 34. кар. 109), уроки смердомъ — о платѣ за лошадей и скотъ (кар. 42), о накладахъ (ib. 85), уроци городные

Изъ сказаннаго видно, что еще на первыхъ порахъ русской исторіи для дѣятельности вѣщателей права открывалось весьма широкое и плодотворное поле не только въ судѣ, но и въ общемъ нарядѣ русскихъ земель. Только благодаря содѣйствію «знахорей» древней правды, и могли появляться уроки и уставы при первыхъ-же нашихъ князьяхъ—иноземцахъ: «установлять правду» въ жизни общинъ они могли не иначе, какъ лишь на почвѣ «вѣщбъ», сказаній мужей, близко знавшихъ обычное право общинъ. Дѣятельности такихъ же вѣщателей права обязаны своимъ появленіемъ и позднѣйшіе *вѣчевые уставы* — пошлинныя, судныя и крестныя грамоты Псковской, Новгородской и другихъ русскихъ земель [1]). Въ самомъ названіи вѣчевыхъ грамотъ «пошлинными» и «крестными» скрывается прямое указаніе на основной источникъ этихъ памятниковъ и на самый характеръ и составъ изложенныхъ въ нихъ институтовъ права: въ нихъ записаны не законы въ нашемъ смыслѣ, а тѣ-же стародавнія пошлины, которыя, по первоначальному «клятвенному», крестному ряду, приняты были въ основу быта общинъ, въ пору сложенія ихъ въ автономныя земли—волости. Вѣчевые уставы, въ существѣ дѣла, представляютъ, такимъ образомъ, такіе-же ряды, какъ и ряды русскихъ съ греками и нѣмцами, или-же докончанья Новгорода съ князьями, съ той лишь разницей, что въ основѣ пошлинъ вѣчевыхъ уставовъ лежитъ рядъ между самими общинами, т. е. между составными элементами одной и той-же земли—волости. Псковская грамота, какъ видно изъ ея титула, «выписана» изъ старыхъ грамотъ псковскихъ князей (Александра и Константина) и «изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ», по благословенію духовенства, «всѣмъ Псковамъ на вѣчи» Настоящее значеніе ряда или докончанья дается Новгородской судной грамотѣ въ ея титулѣ: «се *покончаша* посадники Ноугородцкіе, и тысяцкіе Ноугородцкіе,

---

(108) и судебные (118). Указанныя въ текстѣ статьи и уроки Ярослава и его сыновей, не внесенныя въ ихъ Правды, обыкновенно приводятся въ опроверженіе мнѣнія, считающаго всѣ статьи второй половины краткой Правды «законоположеніемъ», изданнымъ Ярославичами (См. Будан. Христ. I, 29, прим. 1); т. е. иначе говоря, полагаютъ, что разъ при Ярославичахъ издана была новая Правда, въ нее должны были непремѣнно войти *всѣ* законоположенія, появившіяся при тѣхъ же Ярославичахъ,—положеніе, съ которымъ какъ мы видѣли, едва-ли можно согласиться.

[1]) Какъ извѣстно, кромѣ Пскова и Новгорода, судныя грамоты и уставы существовали въ до-московскую эпоху и въ другихъ русскихъ земляхъ. Извѣстно, что Василій Темный, по присоединеніи Ростовской области къ Московскому княжеству, дозволилъ жителямъ ея судиться по своимъ мѣстнымъ законамъ. Такое-же дозволеніе дано было Иваномъ III присоединенной при немъ къ Москвѣ Рязанской области. По извѣстію Татищева, въ библіотекѣ князя Голицына хранилась въ прошломъ вѣкѣ книга, въ которой были списаны судные законы удѣльныхъ княжествъ. Къ сожалѣнію, книга эта погибла въ 1812 г. во время Московскаго пожара (См. Татищева Рус. Правда, предисл.).

и бояря, и житьи люди, и купцы, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь Велики Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ». На вѣчевыхъ рядахъ, какъ гласитъ старинная поговорка, дѣла вершились «по старой памяти, какъ по грамотѣ», — вѣча несомнѣнно были ближайшими и, по самому существу дѣла, наиболѣе ревностными «блюстителями родной правды» (см. Шпилев. Источн. 9). Но «старая память», сама по себѣ, была-бы не надежнымъ органомъ правды, если-бы не было живыхъ ея органовъ—«паметарей», вѣщателей правды на вѣчевомъ и княжескомъ нарядѣ. Не всѣ мужи — вѣчники могли быть такими паметарями,—въ ихъ роли могли являться прежде всего старцы, добрые люди, больше и лучше другихъ знавшіе пошлины и старины, о которыхъ шла рѣчь на вѣчахъ въ такихъ случаяхъ, какъ ряды о пошлинныхъ и крестныхъ грамотахъ.—Такой-же характеръ вѣчевыхъ рядовъ имѣютъ *вѣчевыя* (или «вѣчныя») *грамоты*, *записи* и *памяти* (главн. образомъ, Новгорода). Подобно суднымъ грамотамъ, они даются отъ имени «посадника, тысяцкаго, всего государя Вел. Новгорода, на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ» (иногда «съ вѣча, съ Ярославля двора»). Въ числѣ участвовавшихъ въ составленіи вѣчевыхъ грамотъ и записей упоминаются также бояре, житьи люди, купцы, черные люди. Нѣкоторыя грамоты даны «по благословенію владыки отъ посадниковъ и тысяцкихъ степенныхъ и старыхъ» и пр. (собственно малаго вѣча, или земскаго совѣта). Употреблялась и краткая формула «по Новгородскому велѣнію всего Новгорода». Записи и грамоты давались обыкновенно «по челобитью» общинъ, монастырей или частныхъ лицъ, въ пользу которыхъ давались записи; въ такихъ челобитьяхъ нерѣдко намѣчались старыя пошлины, которыя требовалось оградить отъ нарушенія ихъ «новинами». И въ такихъ случаяхъ на вѣчевыхъ рядахъ, по самому существу дѣла, должны были являться въ дѣятельной роли старцы—вѣщатели правды.

Наконецъ, рядъ являлся регулирующимъ началомъ и при составленіи *княжескихъ грамотъ*—уставныхъ, указныхъ, жалованныхъ и пр., дававшихся князьями по совѣту и ряду съ своими думцами—боярами, а въ важныхъ случаяхъ и съ земскими старцами. Такое начало ряда находимъ въ самыхъ древнихъ актахъ этого рода, иногда и носящихъ именно названіе «ряда» (напр., церковный уставъ кн. Ярослава Владим., см. Буданова Хр. I, 224). Всеволодъ Мстиславичъ, прежде изданія своего церковнаго устава (1125—1136), «созвалъ десять сочкихъ и старосту Болеслава, и бирица Мирошку, и старосту Иваньковскаго Васяту, и погадалъ съ владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и съ десятью сочкыми и съ старостами» (Будан. Христ. I, 227). Точно также Ростиславъ Мстиславичъ издалъ уставную грамоту для Смоленской епископіи (1150), «сдумавъ съ людми своими» (очевидно, не съ боярской думой, а народнымъ собраніемъ, — см. ib. 241, пр. 2). Затѣмъ, и позднѣйшія грамоты

(жалованныя и пр.) обыкновенно даются князьями, «сгадавъ съ своими боярами» (А. И. I, 2 и др.). Эти-то старцы и бояре дѣйствовали при князьяхъ въ качествѣ ихъ совѣтниковъ — вѣщателей правды. Въ своей уставной дѣятельности князья не могли обходиться безъ ряда и совѣта съ своими думцами именно потому, что отъ нихъ только они могли «узнавать» пошлины, которыя должны были лежать въ основѣ всего наряда князей. Отсюда понятно, почему старые земскіе князья такъ дорожили своими боярами-думцами,—почему даже Московскіе князья, въ своихъ завѣщаніяхъ дѣтямъ, иногда считаютъ нужнымъ вести рѣчь объ отношеніи князя къ думцамъ. Таковъ совѣтъ, данный Дмитріемъ Донскимъ своимъ дѣтямъ: «бояръ же своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ дѣла коегождо, безъ ихъ думы ничтоже творите» (См. Собр. гос. гр. I, 16); или совѣтъ Симеона Гордаго: «слушали бы есте отца нашего, владыки Алексѣя, также старыхъ бояръ» (ib. 24). Для князей были необходимы бояре--думцы прежде всего и по преимуществу, какъ ближайшіе и компетентные вѣщатели правды въ княжескомъ нарядѣ.

Вѣщатели правды не совсѣмъ потеряли старое свое значеніе въ Московскомъ государствѣ. Цари постоянно совѣщались съ боярами. Судебникъ Ивана Грознаго составленъ царемъ «съ своею братьею и съ бояры». Здѣсь необходимы были именно вѣщатели обычнаго права: какъ объяснялъ царь на стоглавомъ соборѣ, имѣлось въ виду — «Судебникъ исправити *по старинѣ* и утвердити..; а которые *обычаи* въ прежнія времена.. и до сего настоящаго времени *поизшаталися*.. и о всякихъ земскихъ строеніяхъ и о нашихъ душахъ заблужденіе: о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ посовѣтуйте.. и мы совѣтовати съ вами желаемъ» (См. Стоглавъ, въ Правосл. Соб. 1862, 2). Въ потребныхъ случаяхъ цари призывали для совѣта, не только своихъ бояръ, но и другихъ лицъ, особенно такихъ, кого, главнымъ образомъ, касалось дѣло. При составленіи Грознымъ устава о сторожевой, станичной и полевой службѣ, призваны были въ Москву сторожевыя головы и вожи, какъ люди, близко знакомые съ дѣломъ (Чтен. въ Общ. ист. и древ., годъ 1-й, кн. IV). Вліяніе вѣщателей обычнаго права ясно проглядываетъ затѣмъ во всей организаціи и дѣятельности позднѣйшихъ Московскихъ соборовъ; наглядный примѣръ значенія вѣщателей права въ сферѣ уставной дѣятельности царей представляетъ земскій соборъ, созванный для составленія Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Самымъ позднимъ переживаніемъ стараго института вѣщателей права

являются въ прошломъ вѣкѣ «депутаты», призывавшіеся въ законодательныя коммиссіи. Особенно выдается дѣятельность послѣднихъ могиканъ въ дѣлѣ вѣщанія обычнаго права въ законодательной сферѣ—депутатовъ, призванныхъ Императрицей Екатериной II въ составъ учрежденной ею коммиссіи для составленія уложенія; въ депутатскихъ наказахъ и въ заявленіяхъ самихъ депутатовъ въ засѣданіяхъ коммиссіи содержится не мало важныхъ указаній на современное обычное право, дѣйствовавшее въ различныхъ областяхъ государства.

По отпечатаніи бо́льшей части настоящей статьи, оказалось необходимымъ сдѣлать въ ней нѣкоторыя поправки и дополненія

Стр. 124: «судъ съ правдою» — право судьи посылать приставовъ для вызова послуховъ по ссылкѣ сторонъ (А. А. Э. I, 13, 215, 221. См. Мрочека—Дроздовскаго Изслѣд. о Рус. Пр. 24 и слѣд.).—Мѣсто это *замѣняется слѣдующей поправкой*: (А. А. Э. I, 13, 221). Въ смыслѣ же *послушества* объясняютъ значеніе «правды» въ жалованныхъ грамотахъ на волости, дававшіяся въ кормленіе съ правдою и безъ правды (Доп. А. И. I, № 215). Мрочекъ — Дроздовскій полагаетъ, что въ данномъ случаѣ правда означаетъ право судьи посылать приставовъ для вызова послуховъ (Изслѣдов., 29); но такое толкованіе ничѣмъ не мотивировано и едва ли имѣетъ какое либо серьезное основаніе. Въ источникахъ нѣтъ нигдѣ никакихъ сколько нибудь подходящихъ указаній на возможность ограниченія судей въ правѣ вызывать послуховъ, разъ сдѣлана на нихъ ссылка сторонами. Нельзя согласиться и съ мнѣніемъ проф. Дювернуа по тому-же вопросу—о значеніи кормленія съ правдою и безъ правды, именно «въ смыслѣ разныхъ *доходовъ или кормовъ*», дававшихся кормленщикамъ: «дѣло идетъ не о степени власти», а о томъ, что намѣстникъ «не всегда могъ брать въ свою пользу всѣ судебные сборы, которые шли съ города. Въ числѣ такихъ сборовъ есть особый, называемый «*правдой*» (Источн., 349). Въ основѣ изложеннаго мнѣнія лежитъ явное недоразумѣніе. Въ источникахъ, на которыхъ основано это мнѣніе, дѣйствительно говорится о правдѣ въ смыслѣ «дохода», но только въ пользу доводчиковъ и приставовъ, а не самихъ судей. Таковы положенія Судебника 1497 г. (ст. 38)): «а не доищется ищея своего, а будетъ виноватъ ищея... доводчику имати (на ищеи) хоженое и ѣздъ и *правда* по грамотѣ», — или уставной Бѣлозерской грамоты (1488): «а ѣздъ (приставовъ) въ станы и въ волости на двѣ версты денга, а въ городѣ хоженого денга, а на *правду* вдвое» (Владим. — Будан. Христ. II, 63 и 84). И въ другихъ актахъ «правда» всегда ставится рядомъ только съ ѣздомъ и хожанымъ

(Ак. Юр. Б. I, № 31, XIX). Какъ замѣчено выше, правда въ данномъ случаѣ означаетъ плату приставу вдвое за «ѣздъ на правду», т. е. для вызова свидѣтелей къ суду (см. напр, А. А. Э. I, № 5); въ уставной Двинской грамотѣ (ст. 8) «позовы» и «правда»—совершенно тождественныя выраженія (Владим.-Буд. Христ. I, 128). Затѣмъ, изложенное мнѣніе имѣетъ въ виду слѣдующую формулу, обыкновенно встрѣчающуюся въ жалованныхъ грамотахъ о смѣстномъ судѣ (см наприм., А. И. I, № 205 и др.): «правъ-ли, виноватъ-ли, мой человѣкъ намѣстнику моему и въ *правдѣ* и въ винѣ, оприсно истцовы вины», т. е. и при оправданіи, и при обвиненіи, сторона отвѣчаетъ (наказывается по суду, платитъ пошлины, протори и пр.) только предъ своимъ судьей, кромѣ такъ называемой «истцовой вины», которая соотвѣтствуетъ продажѣ Рус. Правды и потому, какъ уголовный штрафъ (а не судебная «пошлина»), исключалась изъ компетенціи судей (О значеніи «вины» въ смыслѣ продажи Рус. Правды см. Устав. Двин. гр. ст. 1, 4 и др.). Здѣсь говорится о правдѣ въ общемъ смыслѣ *оправданія* по суду, а нисколько не дохода въ пользу судьи: изслѣдователи финансовыхъ учрежденій древней Россіи доселѣ не открыли въ источникахъ ни малѣйшихъ указаній на искомое значеніе «правды», въ общемъ ли смыслѣ «доходовъ» и «кормовъ» судей, или въ смыслѣ какого либо «особаго вида судовой пошлины», слѣдовавшей непосредственно въ пользу судей. Ближе къ истинѣ «догадка» Дмитріева. Въ кормленіи съ правдой и безъ правды онъ видитъ кормленіе съ *судомъ уголовнымъ* и безъ него (Ист. суд. инст., 22) Дѣло въ томъ, что въ старое время правомъ окончательно вершить всѣ дѣла гражданскія и уголовныя въ областяхъ пользовались, главнымъ образомъ, намѣстники, а иногда и волостели (см. напр. А. А. Э.I, № 150, 201), также нѣкоторые монастыри и другіе грамотчики и тарханщики (Мейч. Грам., 22). Это-то право суда безъ особыхъ ограниченій извѣстно было въ старину подъ общимъ титуломъ «правды» (см. въ началѣ статьи разборъ различныхъ понятій правды). Впослѣдствіи, съ установленіемъ доклада, ограничившаго юрисдикцію областныхъ судей и тарханщиковъ, «правда» въ старомъ объемѣ получила характеръ особой компетенціи московскихъ боярь да мѣстныхъ правителей областей, пользовавшихся особыми «уставными» льготами, въ особенности земель Новгородской, Псковской, Двинской и др. (см. Дмитріева, 21; Владим. — Будан. Христ. II, 86, прим. 70). Кромѣ того, такія-же привиллегіи представлялись отдѣльнымъ намѣстникамъ и волостелямъ, каждый разъ на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ, обыкновенно въ видѣ срочныхъ «кормленій». Въ такихъ случаяхъ «право судить съ докладомъ или безъ доклада сообразовалось съ степенью государственнаго значенія судьи», какъ и вообще могло каждый разъ зависѣть отъ разныхъ мѣстныхъ причинъ, вмѣстѣ съ «личнымъ довѣріемъ» князя къ тому, кто назначался намѣстникомъ (Дмитріева, 21; Дювернуа, 348). Что не исключительно однимъ «личнымъ довѣріемъ»

или «служебнымъ значеніемъ» судей руководились князья, при назначеніи кормленій съ правдой и безъ правды, показываютъ случаи, когда одно и тоже лицо получало въ кормленіе волости и городъ, но въ качествѣ волостеля судило безъ правды, а намѣстника — съ правдой (см. Доп. А. И. I, № 215, гр. II и III). «Правда» кормленщиковъ въ волостяхъ всегда была болѣе безконтрольной, болѣе благопріятствовала «налогамъ» и «продажамъ», заставлявшимъ населеніе уклоняться отъ мѣстнаго, волостнаго суда, чѣмъ правда городскаго кормленщика; ему можно было болѣе безопасно ввѣрять широкія полномочія по суду. Эти-то мѣстныя условія объясняютъ преобладаніе въ старое время докладнаго суда не только въ княжескихъ «вотчинахъ» съ ихъ системой приказныхъ кормленій, но и, наприм., въ Новгородѣ, гдѣ докладной судъ былъ изстариннымъ институтомъ, записаннымъ въ Новг. суд. грамотѣ. Затѣмъ, остальные намѣстники и волостели, не получившіе права на судъ «съ правдой», вообще не могли безъ доклада боярамъ казнить татей и иныхъ лихихъ людей. Въ такомъ болѣе тѣсномъ значеніи уголовнаго суда «правда» и получила позже спеціальное названіе *боярскаго суда*. Въ «правдѣ—судѣ боярскомъ» удерживалось древнее понятіе о судѣ, въ смыслѣ такой-же самостоятельной и полной юрисдикціи мужей-нарядниковъ, какъ и «правда княжая», безъ особыхъ ограниченій, получившихъ впослѣдствіи окончательное опредѣленіе въ Судебникахъ. О «боярскомъ судѣ» въ указанномъ смыслѣ говорится въ жалованныхъ грамотахъ XV вѣка: «а что есмь васъ пожаловалъ въ Бѣжецкомъ Версѣ своимъ судомъ боярскимъ, и вы бы тѣхъ людей монастырскихъ... тѣмъ моимъ судомъ не судили»; «а намѣстници мои бѣжецкіе и ихъ тивуни игуменова приказника ни моимъ судомъ в. князя, ни боярскимъ судомъ не судятъ» (Мейч. Грам. 22). Въ смыслѣ такого-же боярскаго суда слѣдуетъ понимать и «правду» въ жалованныхъ грамотахъ XV и начала XVI вв. намѣстникамъ и волостелямъ, получавшимъ кормленіе съ правдою и безъ правды. Такова жалованная грамота, данная в. княземъ Василемъ Ивановичемъ въ 1511 г. Дмитрію Аминеву на волость «съ правдою въ кормленье»; здѣсь волостелю — кормленщику предоставляется судъ «по старой пошлинѣ (обычаю), какъ было преже сего», т. е. безъ ограниченія суда докладомъ Ограниченіе судебной власти волостеля появляется во второй грамотѣ (1523): «Се язъ князь велики Василей Ивановичь всея Руси пожаловалъ есми Семена Дмитріева сына Аминева Жылинымъ, *безъ правды*, подъ третьякомъ Шейкинымъ, въ кормленье: и вы всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте; а онъ васъ вѣдаетъ и *судитъ* (очевидно, кромѣ дѣлъ уголовныхъ) и ходитъ у васъ по тому, какъ было преже сего». Въ случаѣ уклоненія отъ подсудности волостелю («а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ истцовъ передъ Семеномъ, или передъ его тіуномъ... а которой тѣхъ обоихъ истцовъ передъ Семеномъ, или передъ его тіуномъ, не учнетъ искати или отвѣчяти»), приставъ и стороны штрафуются, — первый «ѣзду лишенъ»,

послѣднихъ—«обвинити, и грамоту правую на того дати» (Доп. А. И. I, № 215). Правило это показываетъ, что на дѣлѣ и та ограниченная «правда», какая была предоставлена волостелю, мало удовлетворала волостныхъ людей, предпочитавшихъ обращаться прямо къ суду князя или бояръ, какъ къ «правдѣ», болѣе обезпечивавшей интересы населенія. — Со времени установленія въ московскихъ законахъ правительственнаго контроля по дѣламъ холопьимъ, по подсудности не отличавшимся въ прежнее время отъ другихъ гражданскихъ дѣлъ, въ исключительную компетенцію боярскаго суда вошли, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, также и дѣла холопьи — выдача отпускныхъ, правыхъ и другихъ грамотъ на холоповъ (см старый Судеб. ст. 20, 43; цар. Суд. 63, 66, 77). Дмитріевъ, понимая въ смыслѣ уголовнаго суда «кормленіе съ правдою» жалованныхъ грамотъ XV в., полагаетъ, что «между намѣстниками съ судомъ боярскимъ и безъ боярскаго суда надобно допустить еще третью степень,—такихъ, которые судили дѣла холопьи, но дѣлъ уголовныхъ не судили» (Ист: суд. инст, 22). Послѣднее положеніе едва ли вѣрно. До Судебниковъ дѣла холопьи, какъ замѣчено, не выдѣлялись въ особую компетенцію; наравнѣ съ другими гражданскими дѣлами, они подлежали общей «правдѣ», т. е. въ равной мѣрѣ могли вѣдаться намѣстниками съ судомъ боярскимъ и безъ него. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого основанія допускать въ это время третью степень намѣстниковъ. Въ эпоху Судебниковъ точно также различаются только двѣ степени намѣстниковъ, изъ коихъ одни судили безъ доклада дѣла уголовныя и холопьи, другіе же не судили,—боярскій судъ обнималъ въ эпоху Судебниковъ дѣла того и другаго рода (см. наприм., старый Судеб., 43). Были различія по холопьимъ дѣламъ (съ царскаго Судебника), въ особенности по выдачѣ отпускныхъ грамотъ (см. цар. Суд. 63, 66, 77); но такія различія еще не даютъ основанія допускать третью степень намѣстниковъ въ указанномъ выше значеніи. И по дѣламъ уголовнымъ одинаково рѣшается въ обоихъ Судебникахъ вопросъ о намѣстническомъ судѣ съ докладомъ и безъ доклада. Въ этомъ отношеніи царскій Судебникъ не ввелъ, въ существѣ дѣла, ничего новаго, — какъ видно изъ 60 и 71 ст. Судебника, въ немъ удерживается такое же различіе между намѣстниками въ отношеніи къ докладу по уголовнымъ дѣламъ, какъ и въ старомъ Судебникѣ (см. Владим. — Будан. Христ. II, 156, прим. 160; ср. Дмитріева, 21, гдѣ высказано противоположное мнѣніе, очевидно, безъ соображенія съ 60 ст. цар. Судебника).

Стр. 167 (строка 27): «нормы, принятыя по ряду вѣча, князей и пр.». *Слѣдуетъ прибавка*: Кромѣ докончанья, рядъ въ древнихъ памятникахъ отождествляется также съ *уставленіемъ* (уставомъ), какъ это видно изъ церковнаго устава Ярослава Владим., въ которомъ выраженіе: «а кто уставленіе мое порушитъ», замѣняется равнозначительнымъ выраженіемъ: «а порушитъ рядъ мой» (Владим. — Будан. Христ I, 224).

Стр. 109 (*строки 6 — 13*): «Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ..... о которой даютъ показанія на судѣ (Пахмана о суд. доказ., 125 —127; Мрочекъ-Дрозд. О Рус. Правдѣ, 246)»; *мѣсто это замѣняется слѣдующей поправкой:* Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что какъ видокъ есть testis de visu, свидѣтель «по виду», очевидецъ, такъ послухъ — testis de auditu, свидѣтель «по слуху». Названіе послуха могло произойти отъ того, что онъ знаетъ о данныхъ обстоятельствахъ *по слуху* отъ другихъ, т. е. по наслышкѣ (Пахмана о судеб. доказат., 48—49). Другіе полагаютъ, что послухомъ назывался тотъ, кто *непосредственно слышалъ* обстоятельства, о которыхъ свидѣтельствуетъ на судѣ. Въ этомъ смыслѣ «послухъ отличается отъ свидѣтеля по слухамъ: таковый, по Судному Закону, вовсе не допускается къ свидѣтельству. Разумѣется, одно—можно *видѣть*, а другое — *слышать*, но лице, непосредственно слышавшее, какъ и видѣвшее, что либо, признается *знахаремъ* этого случая, *свидѣтелемъ*» (Энгельмана гражд. зак. Псков. суд. грам., 137; Пахмана о судеб. доказат., 125; Мрочекъ—Дроздовскаго Изслѣд. о Рус. Пр., 245—246)

О. И. Леонтовичъ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
2	28	Иречка Slav. Recht	Иречка Recht in Böhm.
4	1	vévod, ku pravui	vévodi ku pravu
24	30	Bärbaris	Barbaris
»	36	Slovorum	Slavorum
26	10	соотвѣтствютъ	соотвѣтствуютъ
28	6	Weisthümer	Weissthümer
»	32	обстракція	абстракція
30	24	источникъ—юристъ	историкъ юристъ
31	32	Аделунга Шлегеля	Аделунга, Шлегеля
42	11	Крестичъ	Крстичъ
43	10	язы	языку
47	14	дѣлъ	для
63	37	братню	братию
64	11	Іериигъ	Іерингъ
67	1	вѣщател	вѣщатели
69	16	спроса	опроса
88	36	стр. 175	стр. 65
89	31	слушавшимъ	слышавшимъ
117	7(снизу)	поклену	поклеиу
135	4(сверху)	дневнему	давнему
140	5	ближайшенъ	ближайшемъ
147	1	слаго	скаго
150	3	моты	мотъ
154	2	на Ярославлѣ дворѣ».	на Ярославлѣ дворѣ». Въ договорѣ Новгорода съ в. кн. Иваномъ Вас. 1471 г., Новгородская судная грамота прямо названа грамотой «докончальной» (См. А. А. Э. 1, 91).